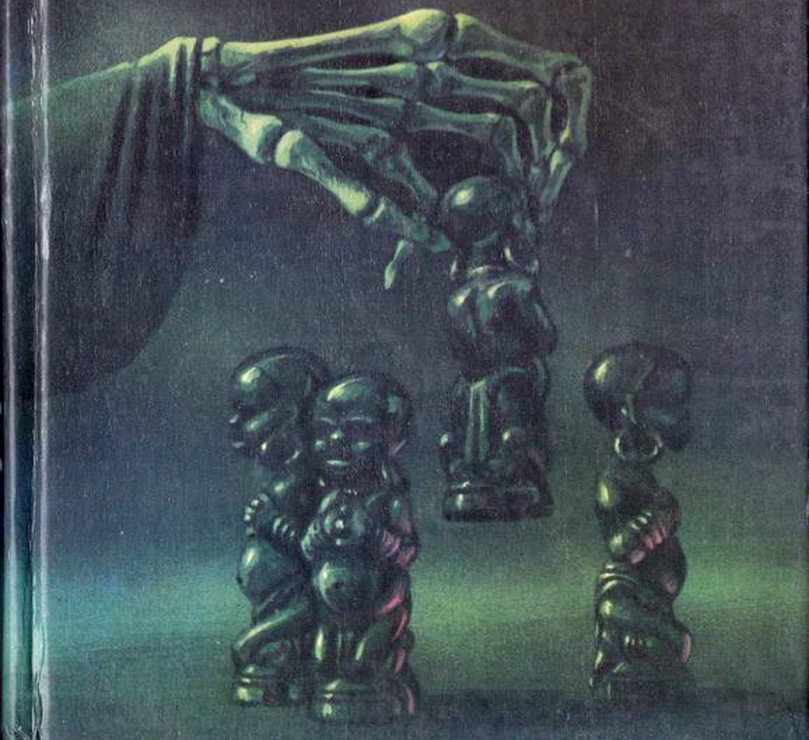
1

Агата Кристи



Занавес
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Занавес
Глава первая
Глава вторая
Главая третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Постскриптум. (Примечание капитана Артура

Хэстингса)
Рукопись Эркюля Пуаро

Аннотация

«Занавес» — величайшее произведение Агаты Кристи. Этот роман она написала в 1940 году.

Он не вписывается в цикл Пуаро и стоит особняком. Тем более, что Пуаро просто не мог умереть в 1940 году и действовать потом в многочисленных произведениях второй половины 40-х, в 50-е, в 60-е и 70-е годы. Но, как бы то ни было, именно это дело должно считаться величайшим делом знаменитого сыщика. Этот роман во многом схож с «И тогда никого не осталось», поэтому мы и объединили их в одном томе. Эти два романа — вершина детектива XX века.

Агата Кристи
Занавес

ПОСЛЕДНЕЕ И ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДЕЛО ЭРКЮЛЯ ПУАРО

«Мисс Кристи на вершине мастерства.

В сравнении с последним делом Пуаро не проигрывает лишь расследование, сделавшее его знаменитым, — «Убийство Роджера Экройда».

«Джон Баркэм Ревью».

«Занавес» полный тревог и беспокойного ожидания, вплоть до самой кульминации, великолепный конец долгой саги о Пуаро, даже по мнению самых отъявленных его фэнов».

«Кинг Фечерс».

«Невозможно дать слишком высокую оценку».

«Крисчен Сайнс Монитор».

«Шокер… первоклассная работа».

«Тайм».

«Лучшее произведение Кристи».

«Ньюсуик».

Глава первая

I

Кто не ощущал неожиданной странной боли, вспоминая былое или чувствуя то, что чувствовал много лет назад?

«Я делал это прежде…»

Почему сии слова всегда кажутся такими трогательными? Вот какой вопрос я задал себе, сидя в поезде и глядя на проносящийся мимо плоский эссекский пейзаж.

Сколько времени прошло с тех пор, когда я ехал по той же самой дороге? И считал (как нелепо!), что лучшая часть жизни для меня закончена! Я был ранен на войне, которая всегда будет для меня той войной… войной, которую затмила сейчас вторая, более ужасная, более отчаянная бойня.

В 1916 году молодому Артуру Хэстингсу казалось, что он уже старый и зрелый. Как плохо я тогда понимал, что жизнь для меня только начинается.

Я ехал, хотя и не зная того, чтобы встретиться с человеком, чье влияние сформирует и направит мою жизнь. Фактически я должен был гостить

у своего старого друга, Джона Кэвендиша, мать которого, недавно повторно вышедшая замуж, владела домом под названием Стайлз. Приятное обновление старых знакомств — вот и все, что я тогда ожидал, не предвидя, что вскоре погружусь в темные загадки таинственного убийства.[1]

Именно в Стайлз я вновь встретился со странным коротышкой, Эркюлем Пуаро, с которым впервые столкнулся в Бельгии.

Как хорошо я помню свое удивление, когда увидел хромающую фигурку с большими усами, идущую по деревенской улице.

Эркюль Пуаро! С тех пор он стал самым дорогим моим другом; он повлиял на всю мою жизнь. Помогая ему охотиться за другим убийцей, я встретил свою будущую жену — самого верного и ласкового товарища, о каком только может мечтать человек.[2] Сейчас она лежала в земле Аргентины, умерев, как и хотела, не после долгих страданий или беспомощной старости. Но она оставила на бренной земле очень одинокого и несчастного человека. Ах! Если бы я мог вернуть-

---

[1] Примечания: 1

Ссылка на «Таинственное происшествие в Стайлз», 1920 год. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

[2] Примечания: 2

Ссылка на роман «Убийство на поле для гольфа», 1924.

ся… прожить жизнь сначала. Если бы только сейчас был тот день 1916 года, когда я в первый раз ехал в Стайлз… Сколько изменилось с тех пор! Сколько ушло в небытие знакомых лиц! Сам Стайлз Кэвендиши продали. Джон Кавендиш умер, правда, его жена, Мэри (очаровательное загадочное создание), еще была жива, она переехала в Девоншир. Лоуренс вместе с женой и детьми был в Южной Африке. Перемены, перемены во всем. Но одно, как ни странно, осталось по-прежнему. Я ехал в Стайлз, чтобы встретиться с Эркюлем Пуаро.

Как я был ошарашен, получив его письмо, отправленное из Стайлз Коурт, Стайлз, Эссекс.

Я не видел своего дорогого друга почти год. Во время нашей последней встречи я был потрясен и опечален. Теперь он уже был глубоким стариком, и артрит сделал его почти полным калекой. Он ездил в Египет, надеясь улучшить здоровье, но вернулся, как я узнал из его письма, в еще более худшем состоянии. Однако писал он весело…

«Вас не интригует, мой друг, адрес, откуда я пишу? Он навевает старые воспоминания, не так ли? Да, я здесь, в Стайлз. Представьте себе, сейчас его называют

гостиницей. Владеет ею один из ваших столь британских старых полковников — самый что ни на есть представитель «галстука старой школы»[3]*... истинный «Пуна»*[4]*.Bien entendu*[5]*, не будь его жены, не было бы и дохода. Она отличный управляющий, но язык у нее, как уксус, и бедный полковник страшно от него страдает. Если бы я был на его месте, то давно бы взялся за топор!*

Я увидел в газете их объявление, и мне вздумалось еще раз побывать там, где я впервые обрел дом в этой стране. Люди моего возраста всегда получают удовольствие, вспоминая прошлое.

Так вот, представьте себе, здесь я нашел джентльмена, баронета — друга работодателя вашей дочери. (Эта фраза звучит как французское предложение, не так ли?)

---

[3] Примечания: 3

Обычно так называли выпускников частных школ, но впоследствии стали называть представителей старой закваски — *примеч. пер.*

[4] Примечания: 4

Англо-индийский господин.

[5] Примечания: 5

Разумеется — *фр.*

И сразу же у меня сложился план. Он упрашивает Фрэнклинов приехать сюда на лето. Я, в свою очередь, уговариваю вас, и мы все будем вместе, en famille[6]*. Очень приятная перспектива. Посему, mon cher*[7] *Хэстингс, depeches vous*[8]*, приезжайте как можно быстрее. Я забронировал вам комнату с ванной (видите ли, дорогой старый Стайлз модернизирован) и договорился о цене с миссис Латтрелл, так что теперь tres bon marche*[9]*.*

Фрэнклины и ваша очаровательная Джудит пробыли здесь уже несколько дней. Все устроено, посему не поднимайте суеты. A bien tôt[10]*.*

Всегда ваш Эркюль Пуаро».

Перспектива была заманчивой, и я без колеба-

---

[6] Примечания: 6
Одной семьей — *фр*.

[7] Примечания: 7
Мой дорогой — *фр*.

[8] Примечания: 8
Торопитесь — *фр*.

[9] Примечания: 9
Все прекрасно — *фр*.

[10] Примечания: 10
До скорого свидания — *фр*.

ний согласился на предложение старого друга. У меня не было никаких уз и постоянного дома. Все дети были при деле — один мальчик служил на военно-морском флоте, другой женился и владел ранчо в Аргентине, дочь Грэйс вышла замуж за военного и теперь находилась в Индии. Последнюю, Джудит, я втайне любил больше остальных, хотя и никогда не понимал. Странное темноволосое замкнутое дитя, всегда все решавшее само, которое иногда относилось ко мне вызывающе и сильно расстраивало. Жена понимала ее лучше. Она заверяла, что Джудит не то чтобы не доверяла нам, а попросту подчинялась порывам своих чувств. Но она, как и я, иногда всерьез беспокоилась из-за девочки. Она говорила, что эмоции у Джудит слишком бурные, слишком сильные и инстинктивная сдержанность лишала нашу дочь предохранительного клапана. Иногда она впадала в странные приступы мрачного молчания и была словно не от мира сего. Она оказалась умней остальных наших детей, и мы с радостью согласились дать ей университетское образование. Около года назад она получила степень бакалавра естественных наук и потом стала секретарем у доктора, занимающегося исследовательской работой, связанной с тропической болезнью. Его

жена была очень тяжело больной женщиной, почти инвалидом.

Иногда меня обуревали сомнения, не были ли поглощенность работой и преданность своему хозяину признаками того, что Джудит влюбилась, но их сугубо деловые отношения успокаивали меня на сей счет.

Джудит, как я считал, меня любила, но была слишком скрытной по натуре и часто с презрением и нетерпением относилась к тому, что сама называла моими сентиментальными и устаревшими идеями. Честно говоря, я немного нервничал за свою дочь!

В этом месте мои размышления прервались, ибо поезд остановился на станции Стайлз Сент Мэри. По крайней мере, хоть она не изменилась. Время обошло ее стороной.

Однако, когда мое такси проезжало через деревню, я ощутил пропасть лет. Стайлз Сент Мэри изменилась до неузнаваемости. Заправочные станции, кинотеатр, две новых гостиницы и ряды муниципальных домов.

Вскоре мы завернули в ворота Стайлз. И, казалось, вновь вернулись в прошлое. Парк был почти таким же, как я его помнил, но подъездная аллея находилась в ужасном состоянии и сильно

заросла травой… из-за сорняков даже не было видно гравия. Еще один поворот — и показался дом. Снаружи он не изменился и явно нуждался в покраске.

Как и много лет назад, в момент моего прибытия над одной клумбой согнулась женская фигура. Мое сердце замерло. Затем фигура выпрямилась и пошла мне навстречу, и я засмеялся над своими фантазиями. Просто невозможно было представить себе большего контраста крепкой и здоровой Эвелин Хауард. Вместо нее ко мне приближалась хрупкая пожилая дама с густыми кудрявыми седыми волосами, розовыми щеками и парой холодных бледно-голубых глаз, совсем не сочетающихся с легкостью и добродушием ее манер. По-моему, она прямо-таки фонтанировала гостеприимством.

— Вы, наверное, капитан Хэстингс, да? — спросила она. — А я вся перепачкалась в грязи и даже не могу пожать вам руку. Мы очень рады видеть вас здесь… сколько о вас слышали! Я должна представиться. Миссис Латтрелл. Мой муж и я купили это поместье в припадке безумия и пытаемся получить от него прибыль. Никогда не думала, что в один прекрасный день окажусь хозяйкой гостиницы! Но предупреждаю вас, ка-

питан Хэстингс, я очень деловая женщина. Знаю, что такое накладные расходы.

Мы оба засмеялись, словно она отпустила великолепную шутку. Но мне подумалось, что миссис Латтрелл наверняка сказала правду. За очарованием манер старой дамы я уловил проблески каменной твердости.

Хотя время от времени миссис Латтрелл и допускала в свою речь провинциальный ирландский акцент, в ней явно не было ни капли ирландской крови. Она просто жеманничала.

Я спросил о своем друге.

— А, бедный маленький месье Пуаро. Как он ждал вашего приезда! Даже каменное сердце растаяло бы, глядя на него. Как мне его жаль… он так страдает.

Мы подходили к дому, и она снимала садовые перчатки.

— И ваша хорошенькая дочка, — продолжила она. — Что за прелестная девушка, мы все жутко ею восхищаемся и, по-моему, стыд и грех, что такая девочка вместо того, чтобы ходить на вечеринки и танцевать с молодыми людьми, целыми днями сидит, согнувшись над микроскопом, и режет кроликов. Пусть этим занимаются какие-нибудь мымры.

— Где Джудит? — спросил я. — Она где-то неподалеку?

Миссис Латтрелл скорчила, как говорят дети, рожу.

— А, бедная девочка! Она сидит в студии в конце сада. Доктор Фрэнклин арендует ее у меня и переоборудовал помещение под лабораторию. Завалил клетками с морскими свинками, мышами и кроликами — бедные созданья. Ох и не нравится мне вся эта наука, капитан Хэстингс. А, вот и мой муж.

Полковник Латтрелл только что завернул за угол дома. Он был очень высоким, худым стариком с бледным лицом, кроткими голубыми глазами, и все время нерешительно дергал себя за маленький седой ус.

Вел он себя рассеянно и как-то нервозно.

— А, Джордж, прибыл капитан Хэстингс.

Полковник Латтрелл пожал мне руку.

— Вы приехали поездом 5… э… 40, а?

— А чем же еще он мог приехать? — резко заметила миссис Латтрелл. — И, во всяком случае, какое это имеет значение? Проводи его в дом и покажи ему комнату, Джордж. И потом, может быть, он захочет сразу пойти к месье Пуаро… или вы сперва выпьете чаю?

Я заверил ее, что чай подождет и я предпочитаю немедленно поприветствовать своего друга.

Полковник Латтрелл сказал:

— Хорошо. Идемте. Наверное… э… ваши вещи уже отнесли наверх… а, Дэйзи?

Миссис Латтрелл едко ответила:

— Это твое дело, Джордж. Я занимаюсь садом. Не могу же я уследить за всем.

— Да, да, конечно. Я… я займусь сам, моя дорогая.

Я последовал за ним по крыльцу. На пороге мы столкнулись с седовласым человеком хрупкого телосложения, который торопился в сад с полевым биноклем. Он хромал, лицо у него было мальчишеское, полное задора. Слегка заикаясь, он сказал:

— У сикамора г-гнездится пара птиц.

Когда мы вошли в холл, полковник Латтрелл пояснил:

— Стивен Нортон. Хороший парень. Помешан на птицах.

В самом холле возле стела стоял крупный человек. Явно он только что закончил звонить. Взглянув на нас, он заметил:

— Как бы я хотел перевешать, выпотрошить и четвертовать всех подрядчиков и строителей.

Никогда не делают ничего как положено, черт бы их побрал!

Гнев его был столь комичен, столь горестен, что мы оба рассмеялись. Мне сразу понравился этот человек. Он был очень красив, хотя ему и перевалило за пятьдесят, его лицо покрывал сильный загар. Похоже, он вел жизнь на открытом воздухе и был представителем того типа, который становится все более и более редким — англичанином старой школы, честным, любящим жизнь на природе, умеющим командовать.

Я почти не удивился, когда полковник Латтрелл представил его как сэра Уильяма Бойд Кэррингтона. Я знал, что он был губернатором одной индийской провинции, на коем посту добился выдающихся успехов. Он также был знаменит как первоклассный стрелок и охотник на крупную дичь. Иными словами, человек, чья порода в наше вырождающееся время, печально подумал я, почти вымерла.

— Ага, — сказал он. — Рад встретить во плоти сей знаменитый персонаж, mon ami Хэстингс. — Он засмеялся. — Милый старый бельгиец много о вас говорит. И, конечно, тут еще ваша дочь. Она — прекрасная девушка.

— Наверное, Джудит не очень-то много обо мне

говорит, — улыбаясь, заметил я.

— Да, да, она слишком современна, теперешние девушки, похоже, вообще стесняются признать существование отца или матери.

— Родители, — сказал я, — всегда в опале.

Он засмеялся.

— О, что ж, на мою долю таких страданий не выпало. Не повезло, детей нет. Ваша Джудит очень привлекательная девчонка и ужасно высокомерная. Просто ужасно. — Он снова снял трубку. — Надеюсь, вы не возражаете, Латтрелл, если я пошлю ко всем чертям телефонную станцию. Я — человек нетерпеливый.

— Послужит им неплохим уроком, — отозвался Латтрелл.

Он пошел наверх, и я последовал за ним. Он повел меня в левое крыло дома, к двери в конце коридора, и я понял, что Пуаро выбрал для меня комнату, в которой я жил тогда, во время первого приезда в Стайлз.

И здесь были перемены. Некоторые двери были открыты, и я увидел, что старомодные большие спальни были разделены так, что получилось несколько меньших по размеру комнат.

Мои апартаменты отличались крупными размерами и оставались такими, какими были,

не считая того, что в них провели горячую и холодную воду и от них отделили небольшое помещение для ванной. Она была обставлена в дешевом современном стиле, чем жутко меня разочаровала. Я предпочел бы нечто более близкое к архитектуре самого дома.

Мой багаж уже был здесь, и полковник пояснил, что комната Пуаро расположена как раз напротив моей. Он уже собрался проводить меня туда, когда из холла снизу, отдаваясь эхом, до нас донесся резкий крик: «Джордж?»

Полковник Латтрелл вздрогнул, словно нервная лошадь. Его рука поднялась к губам.

— Я… я… надеюсь, все в порядке? Если вам что будет нужно, позвоните…

— Джордж.

— Иду, моя дорогая, иду.

Он заторопился по коридору. Я постоял минуты полторы, глядя ему вслед. Потом, с бешено колотящимся сердцем, пересек коридор и постучал по двери комнаты Пуаро.

Глава вторая

По-моему, нет ничего печальнее опустошительного действия возраста.

Мой бедный друг. Я описывал его много раз. Посмотрите, как он изменился. Артрит сделал из него калеку, и теперь он передвигался в инвалидном кресле. Его когда-то пухлое тело высохло. Теперь он был маленьким, очень худым человечком. Его лицо изрезали морщины. Его усы и волосы, что ни говори, по-прежнему были черные как смоль, но искренне, хота бы я ни за что в жизни не сказал ему так, чтобы его не обидеть, он совершил ошибку. Приходит время, когда крашеные волосы болезненно выделяются, бросаются в глаза. Однажды я был удивлен, узнав, что волосы Пуаро обязаны своей чернотой жидкости в бутылочке. Но сейчас неестественность была явной и попросту создавалось впечатление, что он носит парик и украшает верхнюю губу, чтобы позабавить детей.

Только его глаза были прежние — проницательные, с мерцающим огоньком и в данный момент, да, несомненно, смягченные эмоцией.

— А, mon ami Хэстингс… mon ami Хэстингс.

Я нагнул голову и, как обычно, он горячо меня обнял.

— Mon ami Хэстингс!

Он откинулся назад и начал разглядывать меня, склонив голову набок.

— Да, вы ничуть не изменились. Та же прямая спина, широкие плечи, седина в волосах tres distingui[11]. Знаете, мой друг, вы отлично сохранились. Les femmes[12]. Вы все еще им интересны, а? Да?

— Право, Пуаро, — запротестовал я. — Неужели обязательно…

— Но, заверяю вас, друг мой, это тест… это тест. Когда молоденькие девушки подходят к вам и начинают любезно разговаривать, о, так любезно… значит, конец! «Бедный старик, — говорят они, — мы должны быть к нему добры. Наверное, ужасно быть таким». Но вы, Хэстингс, vous etes encore jeune[13]. Так что у вас пока что есть возможности. Вот так, подкрутите усы, ссутультесь…

---

[11] Примечания: 11
Очень внушительно — *фр.*

[12] Примечания: 12
Женщины — *фр.*

[13] Примечания: 13
Вы все еще молоды — *фр.*

я представляю себе вас, когда говорю… иначе вид у вас застенчивым не будет.

Я разразился хохотом.

— Право, вы невыносимы, Пуаро. Как вы сами?

— Я… — с гримасой сказал Пуаро. — Я — развалина. Я самая настоящая развалина. Я не могу ходить. Я — калека. Слава Богу, я еще ем сам, но в других отношениях за мной надо ухаживать, как за грудным младенцем. Уложить в кровать, искупать, одеть. Enfin[14] ничего забавного… м-да. К счастью, хотя наружная оболочка сгнила, центр в полном порядке.

— Да, верно, лучшее в мире сердце.

— Сердце? Навряд ли. Я говорю не о сердце. Мозг, mon cher[15], вот что я имею в виду под центром. Мой мозг по-прежнему работает безукоризненно.

По крайней мере, я ясно понял, что в отношении скромности мозг ничуть не испортился.

— И вам здесь нравится? — спросил я.

Пуаро пожал плечами.

— Жить можно. Конечно, это не Ритц. Да, в самом деле. Приехав сюда, я сперва жил в слиш-

---

[14] Примечания: 14
Иными словами — *фр.*

[15] Примечания: 15
Мой дорогой — *фр.*

ком маленькой и неподходяще обставленной комнате. Переехал сюда, разумеется, внеся большую плату. И стряпня — худшая английская. Брюссельская капуста огромная и твердая, такая, какой ее любят англичане. Картошка или недоварена или разваливается на куски. У овощей вкус воды, воды и еще раз воды. Полное отсутствие соли и перца в любом блюде. — Он выразительно смолк.

— Звучит ужасно, — сказал я.

— Я не жалуюсь, — заявил Пуаро и продолжил жаловаться. — И еще эта так называемая модернизация. Ванные, везде понатыканы краны, и что из них льется? Тепловатая водица, mon ami, почти весь день. И полотенца тонкие, такие… тощие!

— Есть чем помянуть старые дни, — задумчиво сказал я. Я вспомнил клубы пара, извергавшиеся из крана в одной из ванных комнат, которыми когда-то обладал Стайлз, одной из этих ванных, комнат с необъятной ванной, отделанной красным деревом, которая гордо покоилась посреди пола. Я вспомнил и огромные полотенца, и сияющие медные емкости с кипяченой горячей водой, которые стояли в старомодных раковинах.

— Но не надо жаловаться, — вновь повторил

Пуаро. — Я согласен страдать… не без причин, конечно.

Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Пуаро, вы не… э… нуждаетесь, а? Я знаю, война сильно ударила по вкладам…

Пуаро быстро меня разуверил.

— Нет, нет, мой друг. С деньгами у меня все в порядке. По правде говоря, я богат. Меня сюда привела отнюдь не экономия.

— Тогда хорошо, — отозвался я и продолжил: — Мне кажется, я могу понять ваши чувства. Старый человек все больше и больше тянется к прошлому. Он пытается вспомнить старые переживания. В каком-то отношении я даже ощущаю боль, находясь здесь, и, однако, мне вспомнились сотни старых мыслей и эмоций, о которых я совсем позабыл. Наверняка вы чувствуете то же самое.

— Ни в малейшей степени. Ничего подобного.

— Хорошее было время, — печально вздохнул я.

— Может, для вас и так, Хэстингс. Что же касается меня, то мое прибытие в Стайлз-Сент-Мэри было болезненным и грустным событием. Я был эмигрантом, раненым, изгнанным из родного дома и родной страны, жившим на милостыню

на чужбине. Да, ничего веселого. Тогда я еще не знал, что Англия станет моим домом и что я найду здесь свое счастье.

— Я забыл, — признался я.

— Точно. Вы всегда приписываете другим чувства, которые испытывали сами. Хэстингс был счастлив — все были счастливы!

— Нет, нет, — смеясь, запротестовал я.

— И, во всяком случае, это неправда, — продолжил Пуаро. — Вы говорите, что оглядываетесь в прошлое, и на ваши глаза набегают слезы. О, счастливые дни! Тогда я был молод. Но на самом деле, друг мой, вы не были счастливы так, как думаете. Совсем недавно вас серьезно ранили, вас изводила мысль, что вы больше непригодны к военной службе, никаких слов не хватит, чтобы описать уныние, нагнанное на вас пребыванием в ужасном лазарете, и, насколько я помню, вы еще больше усложнили положение, влюбившись в двух женщин одновременно.

Я засмеялся и покраснел.

— Что у вас за память, Пуаро.

— Та-та-та… помню, как вы испустили полный меланхолии вздох, шепча глупости в адрес двух прелестных дам.

— А помните, что вы сказали? Вы сказали: «И

ни одна из них не для вас!» Ничего, утешьтесь, mon ami. Может быть, мы будем охотиться снова, и тогда…

Я смолк. Потому что Пуаро и я охотились снова во Франции, и там я встретил одну женщину…

Мой друг мягко похлопал меня по руке.

— Знаю, Хэстингс, знаю, рана все еще свежа. Но не думайте об этом, не оглядывайтесь в прошлое. Смотрите вперед.

Я сделал презрительный жест.

— Смотреть вперед? Что может быть там, впереди?

— Eh bien[16], мой друг, впереди нас ждет работа.

— Работа? Где?

— Здесь.

Я вытаращил на него глаза.

— Только что, — сказал Пуаро, — вы спросили меня, почему я приехал сюда. Может быть, вы не заметили, что я вам не ответил. Я отвечу. И отвечу сейчас. Я охочусь здесь за убийцей.

Я уставился на него с еще большим удивлением. Сперва я даже подумал, что он заговорился.

— Вы действительно имеете в виду то, что

---

[16] Примечания: 16
Что ж — *фр.*

сказали?

— Ну, конечно! Зачем же еще мне понадобилось просить вас присоединиться ко мне? Мои конечности больше не активны, но мой мозг, как я уже вам говорил, не затронут годами. Помните, моим правилом всегда было сидеть и думать. Я по-прежнему могу это делать. По правде говоря, я способен только на это. Чтобы вести активную кампанию, мне нужен мой неоценимый Хэстингс.

— Вы в самом деле говорите всерьез? — выдохнул я.

— Конечно, всерьез. Вы и я, Хэстингс, *охотимся снова.*

Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что Пуаро не шутит.

Как ни фантастично звучало его заявление, я не сомневался. Со слабой улыбкой он сказал:

— Наконец-то вы убеждены. Сначала вы вообразили, не так ли, что у меня размягчились мозги?

— Нет, нет, — поспешно сказал я. — Только место такое неподходящее.

— А, вы так считаете?

— Конечно, я еще не видел всех…

— Кого вы видели?

— Только Латтреллов и человека по фамилии

Нортон, похоже, тот и мухи не обидит, и Бойда Кэррингтона. Должен сказать, мне он сразу понравился.

Пуаро кивнул.

— Что ж, Хэстингс, скажу вам следующее. Когда вы увидите остальных обитателей Стайлз, мое заявление покажется вам столь же маловероятным.

— Кто здесь еще живет?

— Фрэнклины — доктор и его жена, затем больничная сиделка, которая ухаживает за миссис Фрэнклин, ваша дочь Джудит. Потом человек по фамилии Аллертон, этакий женский сердцеед, и мисс Коул, женщина лет 35, Все они, позвольте вам заметить, очень приличные люди.

— И один из них — убийца?

— И один из них — убийца.

— Но почему… как… почему вы думаете?..

Я никак не мог сформулировать вопросы; они громоздились в голове и полностью перепутались.

— Успокойтесь, Хэстингс. Давайте начнем сначала… Принесите мне, прошу вас, вот ту маленькую шкатулку с бюро. Bien[17]. А теперь

---

[17] Примечания: 17
Хорошо — *фр.*

ключ… так…

Отперев шкатулку, он вынул из нее пачку бумаг, отпечатанных на машинке, и газетные вырезки.

— Вы сможете изучить все это как следует на досуге, Хэстингс. В данный момент я не буду утруждаться, разъясняя газетные вырезки. В них всего лишь отчеты о различных трагедиях, иногда неточные, иногда наводящие на мысль. Чтобы получить поверхностное впечатление о делах, прочитайте-ка мои конспекты.

Сгорая от любопытства, я принялся за его записи.

«ДЕЛО Л. ЭДЕРИНГТОНА

Ленард Эдерингтон. Пристрастия не из приятных — принимал наркотики, к тому же пил. Странный человек со склонностями садиста. Жена молода и привлекательна. Очень несчастна в браке. Эдерингтон умер явно от пищевого отравления. Доктор не удовлетворен. В результате вскрытия, после которого выясняется, что смерть была вызвана отравлением мышьяком, в доме обнаружены запасы пестицида, правда, заказан

он был давно. Миссис Эдерингтон арестована и обвинена в убийстве. Она недавно подружилась с человеком, находящимся на государственной гражданской службе в Индии. Нет доказательства неверности, но известно, что они друг другу симпатизировали. Правда, молодой человек уже помолвлен с девушкой, с которой встретился во время путешествия. Сомнения насчет того, получила ли она письмо, сообщающее об этом факте, до или после смерти мужа. Она сама говорит — до. Доказательства против нее, главным образом, косвенные: отсутствие другого вероятного подозреваемого и малая вероятность несчастного случая. Во время суда к ней было проявлено много сочувствия, потому что хорошо известно, какой характер был у ее мужа и как плохо он к ней относился. Резюмирование судьи явно было в ее пользу, он подчеркнул, что в вердикте никто не сомневается.

Миссис Эдерингтон оправдали. Однако ее считали виновной. Дальнейшая ее жизнь оказалась очень тяжелой, потому

что друзья etc.[18], в принципе, отвернулись от нее. Она умерла, приняв смертельную дозу снотворного, через два года после суда. На дознании вынесен вердикт — случайная смерть.

ДЕЛО В. ШАРПЛЗ

Пожилая старая дева. Инвалидка. С ней трудно ладить, страшно мучается от боли. За ней ухаживала ее племянница, Фрида Клэй. Мисс Шарплз умерла от смертельной дозы морфия. Фрида Клэй признала ошибку, заявив, что страдания тетки были столь велики, что она не смогла удержаться и дала ей большую дозу, дабы облегчить боль. По мнению полиции, она дала роковую дозу намеренно, а не по ошибке, но посчитали, что имеющихся доказательств мало, чтобы начинать судебное преследование.

ДЕЛО Э. РИГГЗА

Эдвард Риггз, сельскохозяйственный

[18] Примечания: 18
И прочие — *лат.*

работник. Подозревал, что жена изменяет ему с их жильцом, Беном Крейгом. Крейг и миссис Риггз застрелены. Доказано, что убиты были из ружья Риггза. Риггз сам пошел в полицию, сказал, что, наверное, преступление совершил он, но не помнит ничего. Он сказал, что у него словно все стерли из памяти. Риггз приговорен к смерти, позднее приговор заменен на пожизненные каторжные работы.

ДЕЛО Д. БРАД ЛИ

Дерек Брадли состоял в любовной связи с одной девушкой. Жена узнала, угрожала его убить. Брадли умер от отравления цианидом калия, брошенного в его пиво. Миссис Брадли арестована и предана суду за убийство. Не выдержала перекрестного допроса. Признана виновной и повешена.

ДЕЛО С. ЛИТЧФИЛДА

Старый тиран Мэттью Литчфилд. Четыре дочери живут, почти не оставляя дома, им не позволены никакие удовольствия,

не разрешено тратить ни гроша. В один вечер, когда он возвращался домой, на него напали возле боковой двери и убили ударом по голове. Позднее, после дознания, старшая дочь, Маргарет, пришла в полицейский участок и призналась в убийстве отца. Она заявила, что совершила его, чтобы ее младшие сестры могли жить своей жизнью, пока еще не слишком поздно. Литчфилд оставил большое наследство. Маргарет Литчфилд была признана ненормальной и отправлена в Бродмур[19], но вскоре умерла».

Я прочел все внимательно, с растущим интересом. Наконец, я отложил листы бумаги и вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Итак?

— Я помню дело Брадли, — медленно начал я. — Читал. Она была очень красивой женщиной.

Пуаро кивнул.

— Но вы должны меня просветить. Что все это значит?

— Скажите мне сперва, что вы сами думаете?

---

[19] Примечания: 19

Бродмур — психбольница тюремного типа в графстве Беркшир.

Я был озадачен.

— Вы дали мне отчеты о пяти разных убийствах. Они все были совершены в разных местах и среди представителей разных классов. Кроме того, с первого взгляда, похоже, между ними нет никакого сходства. То есть, мотивом для одного преступления послужила ревность, в другом фигурирует несчастная жена, ищущая способ избавиться от ненавистного мужа, в третьем причиной стали деньги, четвертое, можно сказать, было по цели неэгоистично, ибо убийца и не пытался избегнуть наказания, и пятое было просто зверством, вероятно, совершенным под влиянием спиртного.

Я помолчал и с сомнением добавил:

— У них есть что-то общее, что я упустил?

— Нет, нет, вы сделали очень аккуратное резюме. Единственное, что вы могли бы упомянуть, но не упомянули, есть факт, что ни в одном деле не приходилось по-настоящему *сомневаться.*

— Что-то я не понимаю?

— К примеру, миссис Эдерингтон оправдали, но все были совершенно уверены, что убийство совершила она. Фриду Клэй никто в открытую не обвинял, но никто и не думал об альтернативном решении. Риггз утверждал, что не помнит, как

убивал жену и ее любовника, но никогда и не возникал вопрос, что преступление совершил кто-то иной. Маргарет Литчфилд призналась. В каждом случае, как видите, Хэстингс, был всего лишь один-единственный подозреваемый.

— Да, верно… но не вижу, что отсюда следует.

— А вот теперь я перехожу к факту, которого вы еще не знаете. Предположим, Хэстингс, что в каждом случае имеется одна общая для всех дел чужеродная нотка.

— Что вы имеете в виду?

Пуаро медленно сказал:

— Я буду, Хэстингс, говорить очень осторожно. Давайте я выражу свою мысль следующим образом. Существует некая персона — Х. Ни в одном из вышеуказанных дел у Х (с первого взгляда) не было никакого мотива для убийства. В одном случае, насколько мне удалось узнать, Х фактически находился в 200 милях от места преступления в момент совершения убийства. И, однако, скажу вам и другое. Х был в близких отношениях с Эдерингтонами, Х некоторое время жил в той же деревне, что и Риггз, Х был знаком с миссис Брадли. У меня есть снимок, на котором изображены Х и Фрида Клэй, идущие по улице, и Х находился неподалеку от дома старого Мэтью Литчфилда,

когда того убили. Что скажете?

Я уставился на него и медленно произнес:

— Да, как говорится, немного слишком много. Совпадение может объяснить два случая или даже три, но пять — чуточку густо. Как ни маловероятно с первого взгляда, но между пятью разными убийствами должна существовать связь.

— Значит, вы предположили то же, что и я?

— Что Х — убийца? Да.

— В таком случае, Хэстингс, не пожелаете ли пройти со мной на один шаг дальше? Позвольте мне вам сообщить следующее: *Х в этом доме.*

— Здесь? В Стайлзе?

— В Стайлзе. И какой логический вывод отсюда следует?

Я знал, что он ответит, когда сказал:

— Продолжайте. Говорите.

Эркюль Пуаро веско закончил:

— Вскоре здесь будет совершено убийство… *здесь.*

Глава третья

Минуты полторы-три я в ужасе таращился на Пуаро и потом среагировал.

— Нет, не будет, — заявил я. — Вы ему воспрепятствуете.

Пуаро бросил на меня любящий взгляд.

— Мой верный друг. Как я ценю вашу веру в меня. Tout de meme[20] не уверен, что она оправдана в данном случае.

— Чепуха. Конечно, вы сможете его предотвратить.

Пуаро сказал суровым голосом:

— Поразмышляйте хоть минутку, Хэстингс. Убийцу можно поймать, да. Но как воспрепятствовать убийству?

— Э… вы… вы… *в*, я имею в виду… если вы знаете заранее… — Я умолк, потому что неожиданно увидел все трудности.

Пуаро продолжил:

— Вот видите. Не так-то все просто. Иными словами, есть только три метода. Первый — предупредить жертву. Заставить его или ее

---

[20] Примечания: 20
Тем не менее — *фр.*

остерегаться. Но такой способ не всегда приносит успех, ибо невероятно трудно убедить некоторых людей, что им грозит серьезная опасность… может быть, от кого-то близкого и родного. Они негодуют и отказываются верить. Второй метод — предупредить убийцу. Сказать ему, лишь слегка завуалировав слова: *«Мне известны ваши намерения.* Если такой-то или такая-то умрет, мой друг, *вас* наверняка повесят». Этот способ приносит плоды гораздо чаще первого, но даже и он не может достичь цели. Потому что убийца, друг мой, более тщеславен, чем любое другое земное созданье. Убийца всегда считает себя умней других…, никто не будет подозревать ее или его… полиция будет целиком и полностью озадачена, et cetera. Посему он (или она) продолжают выполнять свой план, и лишь остается довольствоваться тем, что впоследствии преступник угодил на виселицу.

Он помолчал и задумчиво добавил:

— Я дважды в жизни предупреждал убийцу. Один раз в Египте, один раз в другом месте[21]. И в каждом случае убийца решился нанести смертельный удар и не отказался от своих намерений… Может быть, то же самое произойдет

[21] Примечания: 21

Имеются в виду роман «Смерть на Ниле» — 1937 год и рассказ «Родосский треугольник», 1937.

и здесь.

— Вы сказали, что есть еще и третий метод, — напомнил ему я.

— А, да. Но он нуждается в невероятной изобретательности. Нужно точно угадать, где и когда будет нанесен удар, и приготовиться выступить на сцену в психологически нужный момент, дабы поймать убийцу, если уж не, как говорится, с руками в крови, то хотя бы когда его намерения не вызывают никаких сомнении.

— И это, друг мой, — продолжил Пуаро, — уж могу вас заверить, дело ужасно трудное и деликатное, и я ни на единый момент не могу гарантировать успеха! Я бываю тщеславным, но я тщеславен не *настолько!*

— И какой же метод вы намереваетесь применить здесь?

— Возможно, все три, первый наиболее труден.

— Почему? Я-то считал его наиболее легким.

— Да, если знаешь, кто жертва. Но вы разве не понимаете, Хэстингс, что я еще этого не знаю?

— Что?!

Я издал восклицание, не подумав. Потом начал понимать трудности нашего положения. Конечно, серию преступлений должно соединять какое-то звено, но мы не знаем, что за звено.

Мотив, жизненно важный мотив отсутствовал. И, не зная его, мы не могли сказать заранее, кому угрожает смерть.

Пуаро кивнул, увидев по моему лицу, что я сознаю сложность ситуации.

— Вот видите, друг мой, это не так-то просто.

— Да, — сказал я. — Понимаю. Вы до сих пор не смогли найти связи между теми случаями?

Пуаро покачал головой.

— Никакой.

Я вновь поразмышлял. В преступлениях А. В. С. сперва казалось, что мы имеем дело с алфавитным комплексом[22], хотя на самом деле, как выяснилось, все было совершенно иначе.

Я спросил:

— Вы совершенно уверены, что нет никакого, пусть даже скрытого финансового мотива… ничего, к примеру, такого, что вы нашли в деле Эвелин Карлайл?[23]

— Нет. Можете быть совершенно уверены, мой дорогой Хэстингс, что я в первую очередь искал финансовую выгоду.

Что ж, истинная правда. Пуаро всегда в отно-

---

[22] Примечания: 22
Имеется в виду роман «Убийства АВС», 1935 год.

[23] Примечания: 23
Имеется в виду роман «Печальный кипарис», 1939 год.

шении денег был настоящим циником.

Я снова погрузился в размышления. Какая-то вендетта? Такое решение больше соответствует фактам. Но даже тогда по-прежнему отсутствует связующее звено. Я вспомнил когда-то прочитанную историю о серии, казалось бы, бесцельных убийств — выяснилось, что жертвы были присяжными, а преступления совершил человек, которого они осудили. Мне подумалось, что, может быть, что-то подобное кроется и в этом случае. Стадно сказать, но я попридержал идею. Она бы послужила, как говорится, прекрасным пером к моей шляпе, если бы я мог предоставить Пуаро верное решение. Так что я просто спросил:

— А сейчас не скажете ли вы мне, кто Х?

К моей великой досаде, Пуаро очень решительно покачал головой.

— Вот этого, друг мой, я вам не открою.

— Чепуха. Почему нет?

В глазах Пуаро вспыхнул огонек.

— Потому что, mon cher, вы по-прежнему тот же самый старый Хэстингс. По-прежнему ваше лицо выдает все, о чем вы думаете. Поймите, я не желаю, чтобы вы сидели, вытаращив на Х глаза и разинув рот — на лице у вас ясно написано: «Неужели… неужели я смотрю на убийцу?».

— Вы не должны отказывать мне в способности чуток попритворяться при надобности.

— Когда вы пытаетесь притворяться, результат еще более худший. Нет, нет, mon ami, мы должны вести расследование инкогнито — вы и я, И вот когда мы атакуем, то атакуем наверняка.

— Вы — упрямый старый дьявол, — сказал я. — Мозги у меня неплохо работают в отношении…

Я смолк, потому что раздался стук в дверь. Пуаро сказал: «Войдите», и на пороге появилась моя дочь Джудит.

Я бы хотел описать Джудит, но описания никогда мне не удавались. Джудит — высокая, у нее гордая посадка головы, ровные темные брови и прелестная линия век и подбородка… Строгая и суровая. Она серьезная и чуть-чуть презрительная и, по-моему, в ней всегда было что-то трагичное.

Джудит не подошла и не поцеловала меня… она не из тех. Она просто улыбнулась и сказала:

— Привет, отец.

Ее улыбка была робкой и немного смущенной, но я почувствовал, что, несмотря на сдержанность, она была рада меня видеть.

— Ну вот, — сказал я, чувствуя себя немного глупо, как всегда бывало, когда мне доводилось

общаться с представителями молодого поколения. — Я приехал.

— Молодец, дорогой, — заметила Джудит.

— Я описываю ему, — сказал Пуаро, — стряпню.

— Она очень плохая? — наивно осведомилась Джудит.

— Ты не должна этого спрашивать, дитя мое. Ты вообще думаешь хоть о чем-нибудь, кроме пробирок и микроскопов? Твой третий палец запачкан метиленом, он весь синий. Подумай только, что будет с твоим мужем, если ты не будешь заботиться о его желудке.

— Смею заметить, у меня мужа нет.

— Ну, разумеется, он у тебя будет. Для чего же еще господь Бог тебя создал?

— Надеюсь, для многого, — заявила Джудит.

— И в первую очередь для le manage[24].

— Прекрасно, — сказала Джудит. — Вы подыщите мне хорошего мужа, и я буду со всем вниманием заботиться о его желудке.

— Она смеется надо мной, — заметил Пуаро. — В один прекрасный день она узнает, сколь мудры старики.

---

[24] Примечания: 24
Брака — *фр.*

Вновь раздался стук в дверь, и вошел доктор Фрэнклин. Он был высоким, каким-то угловатым молодым человеком лет тридцати пяти, с решительным подбородком, рыжеватыми волосами и ярко-синими глазами. Он был невероятно неуклюжим и постоянно обо что-то спотыкался иди на что-то натыкался.

Он налетел на ширму, натянутую вокруг кресла Пуаро, и, чуть повернув голову, машинально пробормотал ей: «Прошу прощения».

Я хотел было засмеяться, но Джудит была совершенно серьезна. Наверное, она уже к такому привыкла.

— Вы помните моего отца? — спросила она.

Доктор Фрэнклин вздрогнул, нервозно отпрянул, прищурился и огляделся, а потом сунул мне руку и как-то неловко сказал:

— Конечно, конечно, как поживаете? Я слышал, что вы собирались приехать.

Он повернулся к Джудит.

— Как вы считаете, нужна ли нам передышка? Если нет, продолжим и после обеда. Если бы удалось приготовить еще немного тех слайдов…

— Нет, — отрезала Джудит. — Я хочу поговорить с отцом.

— О, да. О, конечно. — Неожиданно он улыб-

нулся извиняющейся мальчишеской улыбкой. — Простите… я так погрузился в работу. Совершенно непростительно… я веду сейм так эгоистично. Простите меня…

Пробили часы, и Фрэнклин торопливо взглянул на них.

— Господи, неужели так поздно? У меня будут неприятности. Обещал Барбаре почитать ей перед обедом.

Он ухмыльнулся нам обоим и поспешно вышел, споткнувшись о порог.

— Как миссис Фрэнклин? — спросил я.

— Все по-прежнему и как обычно, — сказала Джудит.

— Как печально, что она так больна, — заметил я.

— Она сводит с ума доктора, — сказала Джудит. — Врачи любят здоровых людей.

— Какие вы, молодые, бессердечные! — воскликнул я.

Джудит холодно отозвалась:

— Я просто констатирую факт.

— Тем не менее, — сказал Пуаро, — наш хороший доктор сломя голову помчался ей читать.

— Очень глупо с его стороны, — отпарировала Джудит. — Эта ее сиделка может читать с тем

же успехом, если она хочет, чтобы ей читали. Лично я бы возненавидела того, кто читал бы *мне* вслух.

— Что ж, вкусы у всех разные, — заметил я.

— Она очень глупая женщина, — заявила Джудит.

— А вот в этом отношении, mon enfant[25], — сказал Пуаро, — я с тобой совершенно не согласен.

— Она никогда не читает ничего, кроме каких-то дешевых романчиков. Она не интересуется его работой. Она не идет в ногу с современной мыслью. Она только разговаривает о своем здоровье, если только ей удается заполучить слушателя.

— Я по-прежнему утверждаю, — сказал Пуаро, — что она использует свои серые клетки в тех отношениях, дитя мое, о которых ты ничего не знаешь.

— Она слишком женственна, — заявила Джудит. — Все воркует и мурлычет. Наверное, вам такие нравятся, дядя Эркюль.

— Ничуть, — сказал я. — Он любит женщин крупных и ярких и пышных, преимущественно

---

[25] Примечания: 25
Дитя мое — *фр.*

русских.[26]

— Так, значит, вы меня выдаете, Хэстингс? Твой отец, Джудит, всегда питал пристрастие к каштановым волосам, из-за чего частенько попадал в неприятности.

Джудит снисходительно улыбнулась нам обоим. Она сказала:

— Какая вы забавная пара.

Она направилась к выходу, и я встал.

— Нужно распаковаться и принять ванну перед обедом.

Пуаро позвонил в маленький колокольчик, который был у него под рукой, и вскоре вошел его слуга. Я с удивлением обнаружил, что он совершенно мне незнаком.

— Кто это? Где Джорджес?

Джорджес служил у Пуаро многие годы.

— Джорджес вернулся к своей семье. Его отец болен. Надеюсь, он вскоре ко мне вернется. А пока, — он улыбнулся новому слуге, — за мной ухаживает Кертисс.

Кертисс уважительно улыбнулся в ответ. Он был большим человеком, с бычьим тупым лицом.

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду русская графиня Вера Россакова, в которую Пуаро был влюблен.

Выходя из комнаты, я заметил, что Пуаро аккуратно запирает шкатулку с бумагами.

В полном смятении я направился в свою комнату.

Глава четвертая

В тот вечер я спустился к обеду, чувствуя, что вся жизнь неожиданно стала какой-то нереальной. Раз или два, переодеваясь, я спрашивал себя, не придумал ли Пуаро все это. В конце концов, милый старик был уже в летах и тяжело болел. Он сам мог заявлять сколько угодно, что его мозг по-прежнему работает превосходно… но было ли так на самом деле? Всю свою жизнь он выслеживал преступников. Что ж тут удивительного, если под конец он начнет воображать преступления там, где их нет? Вынужденное бездействие болезненно его мучило. Вот он взял, да и выдумал новую полицейскую охоту. Выдает желаемое за действительное — вполне понятный невроз. Выбрал некое число происшествий, о которых были заметки в прессе, и вычитал в них что-то, чего там не было… призрачную фигуру… сумасшедшего убийцу. По всей вероятности, миссис Эдерингтон действительно отравила мужа, работник застрелил жену, молодая женщина дала старой тетке смертельную дозу морфия, ревнивая жена, как и грозила, расправилась с супругом, а

полоумная старая дева в самом деле совершила преступление, в котором впоследствии и призналась. По правде говоря, все эти убийства были точно такими, какими и казались!

Против данной точки зрения (несомненно, здравой) я мог выставить лишь свою, чуть ли не врожденную веру в проницательность Пуаро.

Пуаро сказал, что готовится убийство. Во второй раз Стайлз может стать домом, в котором совершено преступление. Время должно доказать или опровергнуть это заявление, но если оно верно, то нам надлежит предотвратить убийство.

И Пуаро знал, кто убийца, а я — нет!

И чем больше я об этом думал, тем больше злился! Право, чертова самоуверенность Пуаро! Ему требовалась моя помощь, и, однако, он отказывался довериться мне!

Почему? Он назвал причину — разумеется, самую что ни на есть неудовлетворительную! Мне надоели его глупые шутки насчет моего «говорящего лица». Я мог хранить секрет не хуже других. Пуаро всегда настаивает на унизительной точке зрения, что у меня слишком откровенный характер, и любой может прочитать мои мысли. Он иногда пытается смягчить удар, приписывая это моей прекрасной и честной натуре, которой

противны все формы обмана!

Конечно, размышлял я, если все это лишь химера воображения Пуаро, то его молчание легко объяснить.

К тому времени, когда прозвучал гонг, я не пришел ни к какому выводу и спустился к обеду безо всяких предубеждений, но бдительный и настороженный, надеясь раскрыть личность мифического Х Пуаро.

В данный момент я решил принять за чистую правду все сказанное Пуаро. Под этой крышей находится человек, который уже убил пятерых и приготовился убить опять. *Кто он?*

В гостиной перед обедом меня представили мисс Коул и майору Аллертону. Она была высокой, все еще красивой женщиной лет тридцати трех или тридцати четырех. Майора Аллертона я сразу невзлюбил. Он оказался красивым мужчиной в начале пятого десятка, широкоплечим, с загорелым лицом, непринужденным в беседе, и почти все, что он говорил, несло двойной смысл. Под глазами у него были мешки, что свидетельствовало о распутном образе жизни. Я подозревал, что он отпетый гуляка, игрок, любит выпить и самый что ни на есть настоящий бабник.

Я увидел, что и старому полковнику Латтрел-

лу он не очень-то нравился, и Бойд Кэррингтон тоже относился к нему холодно и свысока. Зато у женщин Аллертон пользовался успехом. Миссис Латтрелл восхищенно с ним щебетала, а он лениво льстил ей с едва скрываемой наглостью. Я еще больше разозлился, увидев, что и Джудит, похоже, наслаждается его компанией и из кожи вон лезет, чтобы с ним поговорить. Долгое время для меня было неразрешимой проблемой, почему худшие из мужчин всегда могут рассчитывать на интерес приличнейших женщин. Я знал инстинктивно, что Аллертон был самой настоящей дрянью, и девять мужчин из десяти со мной бы согласились. В то время как девять женщин или даже все десять немедленно бы в него влюбились.

Когда мы сидели за обеденным столом, созерцая расставленные перед нами тарелки, наполненные белой клейкой жидкостью, я разглядывал сотрапезников и прокручивал в уме возможности.

Если Пуаро прав и сохранил ясность ума, один из них был опасным убийцей… и, возможно, к тому же сумасшедшим. Пуаро не распространялся насчет его пола, но я предположил, что почти наверняка X был мужчиной. Итак, кто бы это мог

быть? Конечно, не старый полковник Латтрелл со своей нерешительностью и немощью. Нортон — человек, который тогда выскочил из дома с полевым биноклем? Очень уж маловероятно. Похоже, он парень приятный, не особо деятельный и не слишком энергичный. Конечно, говорил я сам себе, многие убийцы были маленькими, незаметными людьми… И по этой-то причине и совершали преступления… дабы утвердиться. Они обижались на то, что их не замечают и игнорируют. Нортон мог быть убийцей такого типа. Но он любил птиц. Я всегда считал, что любовь к природе — обязательный признак здоровой натуры.

Бойд Кэррингтон? Вне любых подозрений. Человек, известный всему миру. Великолепный спортсмен, администратор, человек, которого любил и почитал каждый. Фрэнклина я тоже исключил. Я знал, как Джудит его уважала и им восхищалась. Наступила очередь майора Аллертона. Я приценился к нему. Если уж когда-нибудь я видел негодяя, так это он! Он бы с родной бабки кожу содрал. И весь покрыт лоском очаровательных манер. Сейчас он разговаривал — рассказывал историю одного ляпсуса — и заставил всех рассмеяться, уныло отпустив шутку

в свой адрес.

Если Аллертон был Х, решил я, то его преступления диктовала какая-то выгода.

Конечно, Пуаро не сказал определенно, что Х был мужчиной. Я рассмотрел в качестве возможности мисс Коул. Двигалась она как-то беспокойно и резко — явно женщина нервная. Красивая, хотя и подавленная. Однако с виду она была вполне нормальной. Она, миссис Латтрелл и Джудит были единственными женщинами за обеденным столом. Миссис Фрэнклин обедала наверху, у себя в комнате, и сиделка, которая за ней ухаживала, ела после нас.

После обедав стоял возле окна гостиной, смотрел на сад и вспоминал то время, когда увидел Синтию Мердок, девушку с каштановыми волосами, бегущую по этой лужайке. Какой очаровательной она была в белом халате!

Погрузившись в воспоминания, я вздрогнул, когда Джудит взяла меня под руку и вывела из комнаты на террасу.

Она резко спросила:

— Что случилось?

Я был поражен.

— Случилось? Что ты имеешь в виду?

— Ты так странно вел себя весь вечер. Почему

ты таращился на всех за обедом?

Я почувствовал досаду. Я и понятия не имел, что позволил своим мыслям настолько захватить надо мной власть.

— Я? Наверное, думал о прошлом. Может быть, видел призраков.

— О да, ты же гостил здесь, когда еще был молодым человеком, верно? И тут убили какую-то старую даму или что-то в этом роде?

— Отравили стрихнином.

— И какая она была? Хорошая или плохая?

Я подумал.

— Она была очень доброй женщиной, — медленно ответил я. — Щедрой. Много давала денег на благотворительные цели.

— О, вот, значит, *в чем* щедрая.

В голосе Джудит послышалось слабое презрение. Потом она задала странный вопрос:

— Люди… были… здесь счастливы?

Нет, они не были счастливы. По крайней мере, это я знал.

Я медленно сказал:

— Нет.

— Почему?

— Потому, что они чувствовали себя узниками. Видишь ли, всеми деньгами владела миссис Ин-

глторп… и… и выдавала их. Ее приемные дети не могли вести собственную жизнь.

Я услышал, как Джудит резко втянула дыхание. Она сильнее сжала мою руку.

— Безнравственно… безнравственно. Злоупотребление властью. Нельзя такое позволять. Старые люди, больные люди, они не должны мешать жить молодым и сильным. Держать их на привязи, изводить, растрачивать понапрасну их силу и энергию, которая могла бы быть использована… в которой *есть надобность*. Это просто эгоизм.

— Не одни старики, — сухо заметил я, — обладают таким качеством.

— О, знаю, отец, ты считаешь, что молодые — эгоисты. Может, так оно и есть, но наш эгоизм — *чистый*. По крайней мере, мы только хотим делать то, что хотим, и не заставляем никого делать то, что хотим, мы не хотим превращать других людей в рабов.

— Да, вы попросту затаптываете их, если они оказываются у вас на пути.

Джудит сжала мою руку. Она сказала:

— Не будь таким озлобленным? Так уж ли многих я затоптала… да и ты никогда не пытался заставить нас жить по-своему. Мы тебе за это

благодарны.

— Боюсь, — честно признался я, — мне бы хотелось поучить вас уму-разуму. Это ваша мать настояла, чтобы вам было позволено сойершать свои ошибки.

Джудит опять быстро сжала мою руку. Она сказала:

— Знаю. Ты все время суетился из-за нас, словно курица-наседка! Я ненавижу суету. Не могу ее выносить. Но ты согласен со мной, не так ли, что полезные жизни часто приносятся в жертву бесполезным?

— Иногда такое случается, — признал я. — Но нет надобности в решительных мерах… Можно ведь просто уйти.

— Да так ли все происходит? *Так ли?*

Ее тон был столь неистов, что я изумленно посмотрел на нее. Было слишком темно, чтобы ясно видеть лицо. *От* продолжила низким озабоченным голосом:

— Так много проблем… так трудно… нужно принимать во внимание финансы, чувство ответственности, нежелание повредить кому-то, кого любил… все такое… и некоторые такие беспринципные… они знают, как сыграть на чувствах других. Некоторые люди… некоторые люди — на-

стоящие *пиявки!*

— Моя дорогая Джудит! — придя в замешательство от ярости ее голоса, воскликнул я.

Похоже, она поняла, что переборщила, потому что засмеялась и убрала руку с моей.

— Я говорила слишком бурно? Просто у меня свои взгляды на сей счет. Видишь ли, я знала один случай… старая скотина. И когда кто-то оказался достаточно храбрым… разрубил узел и освободил любимых людей, ее назвали сумасшедшей. Сумасшедшей? Да это был нормальнейший из поступков… и храбрейший!

Ужасные сомнения охватили меня. Где не так давно я слышал нечто подобное?

— Джудит, — резко сказал я, — о каком случае ты говоришь?

— О, ты их не знаешь. Друзья Фрэнклинов. Старика звали Литчфилд. Он был очень богатый и практически морил голодом своих несчастных дочерей… не позволял им ни с кем видеться, никуда их не выпускал. Вот он был ненормальный, но не настолько, чтобы отправить его в сумасшедший дом.

— И старшая дочь его убила, — сказал я.

— О, наверное, ты читал? Полагаю, можно назвать ее поступок убийством… но оно было

совершено не по личным мотивам, Маргарет Литчфилд сразу пошла в полицию и призналась. Думаю, она была очень храброй. У меня бы не хватило смелости.

— Смелости сдаться или смелости совершить убийство?

— И на то, и на другое.

— Рад слышать, — сурово отозвался я, — и не хочу, чтобы ты больше говорила об убийстве как об оправданном обстоятельствами поступке. — Я помолчал и добавил: — Что думал доктор Фрэнклин?

— Он считал, что так ему и надо, — ответила Джудит. — Знаешь, отец, некоторые прямо-таки напрашиваются, чтобы их убили.

— Я не хочу, чтобы ты говорила что-то подобное, Джудит, Кто вбивает тебе в голову эти идеи?

— Никто.

— Что ж, позволь мне сказать, что ты несешь вредную чепуху.

— Понятно. Давай не будем больше разговаривать на эту тему. — Она смолкла. — Я пришла передать тебе приглашение миссис Фрэнклин. Она хочет увидеться с тобой, если ты не возражаешь подняться в ее спальню.

— С удовольствием. Мне так жаль, что она

чувствовала себя настолько плохо, что не смогла спуститься к обеду.

— Она в полном порядке, — бесчувственно заявила Джудит. — Просто ей нравится устраивать суету.

Молодые не умеют сочувствовать.

Глава пятая

Я встречал миссис Фрэнклин прежде только один раз. Ей было около 30 лет… и я бы отнес ее к типу Мадонны. Большие карие глаза, разделенные на прямой рядок волосы и длинное нежное лицо. Она была очень стройной, и кожа ее казалась какой-то прозрачной.

Она лежала на тахте в окружении подушек и была облачена в очень изящное неглиже белого и бледно-голубого цвета.

Фрэнклин и Бойд Кэррингтон пили кофе. Миссис Фрэнклин поприветствовала меня протянутой рукой и улыбкой.

— Как я рада вашему приезду, капитан Хэстингс. Так будет лучше для Джудит. Бедное дитя слишком много работает.

— Похоже, ей это нравится, — сказал я, беря хрупкую маленькую руку.

Барбара Фрэнклин вздохнула.

— Да, ей повезло. Как я ей завидую. По-моему, она вообще не знает, что такое болезнь. Как вы считаете, сестра? О! Позвольте мне вас представить. Это сестра Крейвен, которая так ужасно ко

мне добра. Не знаю, что бы я без нее делала. Она ухаживает за мной, словно за младенцем.

Сестра Крейвен была высокой, красивой молодой особой с превосходным цветом лица и изящной головой, увенчанной каштановыми волосами. Я отметил ее руки — длинные и белые… так непохожие на руки больничных сиделок. Она была неразговорчивой девушкой и иногда не отвечала. Вот и сейчас она просто наклонила голову.

— Но, право, — продолжила миссис Фрэнклин, — Джон заставляет вашу бедную девочку работать слишком много. Он — настоящий рабовладелец. Ты рабовладелец, не так ли Джон?

Ее муж стоял, выглядывая из окна. Он насвистывал себе под нос и позвякивал мелочью в кармане. От вопроса жены он слегка вздрогнул.

— Что, Барбара?

— Я говорю, что ты эксплуатируешь бедную Джудит Хэстингс безо всякого стыда. Вот приехал капитан Хэстингс, мы с ним объединим усилия и положим твоей тирании конец.

Чувство юмора не было сильной стороной доктора Фрэнклина. Он забеспокоился, вопросительно повернулся к Джудит и промямлил:

— Вы должны мне сказать, если я заставляю вас

слишком много работать.

Джудит ответила:

— Они просто пытаются шутить. Если уж мы заговорили о работе, я хотела спросить вас о том пятне на втором слайде… Ну, знаете, о том, которое…

Он пылко повернулся к ней и быстро заговорил:

— Да, да. Если вы не возражаете, давайте спустимся в лабораторию. Я хочу хорошенько удостовериться…

И, разговаривая, они вышли из комнаты.

Барбара Фрэнклин откинулась на свои подушки. Вздохнула. Сестра Крейвен неожиданно и как-то неприятно сказала:

— По-моему-то, рабовладелец мисс Хэстингс!

Снова миссис Фрэнклин вздохнула. Она прошептала:

— Я чувствую себя такой *неподходящей* женой. Я знаю, мне следовало бы вместе интересоваться работой Джона, но я просто не могу. Наверное, со мной что-то не в порядке, но…

Ее прервало фырканье Бойда Кэррингтона, который стоял возле камина.

— Чепуха, Бэбз, — сказал он. — *Ты в полном порядке*. Не беспокойся.

— Но… но, Билл, дорогой, я *беспокоюсь.* Я так разочарована в себе. Все ж не могу удержаться от ощущения… все так *гадко.* Морские свинки и крысы и тому подобное. Ух! — Она вздрогнула. — Знаю, говорить так глупо, но я — жуткая дура. Меня просто тошнит от их работы. Я так хочу думать о чем-то прелестном и счастливом… о птицах и цветах и играющих детях. Ты знаешь, Билл.

Он подошел и взял ее за умоляюще протянутую руку. Когда он смотрел на нее, его лицо изменилось и стало нежным, как у женщины. Почему-то это было очень впечатляюще, потому что Бойд Кэррингтон был мужественным человеком.

— Ты не слишком изменилась с тех пор, когда тебе было семнадцать, Бэбз, — сказал он. — Ты помнишь ту нашу беседку и птичью ванночку и кокосы?

Он повернул ко мне голову.

— Барбара и я — друзья детства, — пояснил он.

— О! Друзья детства! — запротестовала она.

— Я не отрицаю, что ты была больше чем на пятнадцать лет младше меня. Но я играл с тобой, когда ты была крошечным карапузиком, а я — молодым человеком. Катал тебя на плечах, моя дорогая. И потом я вернулся домой, и оказалось,

что ты стала прекрасной молодой дамой… которая только-только собралась выйти в свет. И… и я внес свою долю, вывозя тебя на ноля для гольфа и обучая игре. Ты помнишь?

— О, Билл, ты думаешь, я забыла?

— Мои родные раньше жили здесь, — пояснила мне она. — И Билл часто приезжал и гостил у своего старого дяди сэра Эверда, в Кнэттоне.

— Настоящий мавзолей был… и есть, — сказал Бойд Кэррингтон. — Иногда я прихожу в отчаяние и думаю, что уже никогда не удастся сделать поместье пригодным для жизни.

— О, Билл, его можно сделать чудесным… по-настоящему чудесным!

— Да, Бэбз, но вся беда в том, что у меня нет идей. Ванные и по-настоящему комфортабельные кресла… вот и все, что я могу придумать. Нужна женская голова.

— Я же говорила тебе, что приду и помогу. Я действительно обещаю. Право.

Сэр Уильям с сомнением взглянул на сестру Крейвен.

— Если ты достаточно для этого сильна, то я могу тебя свозить. Что скажете, сестра?

— О да, сэр Уильям. По-моему, поездка даже пойдет миссис Фрэнклин на пользу… если, конеч-

но, она постарается не переутомиться.

— Значит, все устроено, — заявил Бойд Кэррингтон. — А теперь тебе нужно хорошенько выспаться. Ты должна быть завтра в хорошей форме.

Мы оба пожелали миссис Фрэнклин доброй ночи и вместе ушли.

Когда мы спускались по лестнице, Бойд Кэррингтон грубовато заметил:

— Вы понятия не имеете, каким прелестным созданием она была в семнадцать лет. Я вернулся с Бирмы… знаете, моя жена там умерла. Честно вам признаюсь, я по уши в нее влюбился. Она вышла замуж за Фрэнклина три или четыре года спустя. Не думаю, что их брак счастливый. По-моему, здесь-то и кроется причина ее болезни. Он не понимает ее и не ценит. А она такая чувствительная. Наверняка ее слабость обязана нервам. Выведите ее в свет, развеселите, заинтересуйте, и она станет совсем другой! Но этот чертов костоправ думает только о своих пробирках и западноафриканских племенах и культурах!

Он сердито фыркнул.

Я подумал, что в его словах, действительно, есть доля правды. Однако меня удивило, что Бойд Кэррингтон так влюблен в миссис Фрэнклин,

которая, в конечном счете, была больным созданием, хотя и хорошеньким, потому что хрупкость ей шла. Но сам Бойд Кэррингтон был настолько полон энергии и жизни, что, по-моему, его просто должны были бесить нервозные инвалидки. Однако, наверное, Барбара Фрэнклин была очень прелестна в семнадцать лет и, как часто бывает с идеалистами, каковым я считал Бойда Кэррингтона, ранние впечатления забываются не скоро.

Внизу нас атаковала миссис Латтрелл и предложила сыграть в бридж. Я извинился и отказался под предлогом, что хочу зайти к Пуаро.

Мой друг лежал в постели. Кертис двигался по комнате, приводя все в порядок, но вскоре ушел, закрыв за собой дверь.

— Черт бы вас побрал, Пуаро, — сказал я. — Вас и вашу дьявольскую привычку держать все в своем рукаве. Я потратил весь вечер, пытаясь определить, кто Х.

— Должно быть, потому вы стали несколько невнимательны, — заметил мой друг. — Никто не прокомментировал вашу рассеянность и не спросил вас, что случилось?

Я слегка покраснел, вспомнив вопросы Джудит. Пуаро, думаю, заметил мое замешательство. Я уловил слабую злую улыбку, появившуюся на его

губах. Однако он просто сказал:

— И к какому же вы пришли выводу? На сей счет?

— Вы скажете мне, прав ли я?

— Конечно, нет.

Я пристально наблюдал за его лицом.

— Я подумал о Нортоне…

Лицо Пуаро не изменилось.

— Не то, чтобы, — продолжил я, — там есть за что уцепиться. Он просто показался мне менее маловероятным решением, чем остальные. И потом, еще он… э… незаметный. Думаю, убийца, которого мы ищем, должен быть человеком незаметным.

— Верно. Но существует множество способов оставаться незаметным.

— Что вы имеете в виду?

— Рассмотрим гипотетический случай. За несколько недель до убийства на место его совершения, безо всяких причин, прибывает зловещий незнакомец. В таком случае будет лучше, не так ли, стать незаметной личностью и заняться чем-то совершенно безвредным, к примеру, рыбной ловлей?

— Или наблюдением за птицами, — согласился я. — Да, но я как раз об этом и говорил.

— С другой стороны, — говорил Пуаро, — будет еще лучше, если убийца уже является выдающейся личностью… что он, к примеру, мясник. Вот вам и преимущество — никто не замечает кровавых пятен на мяснике!

— Вы просто нелепы. Все будут знать, если мясник поссорится с пекарем.

— Нет, если мясник стал мясником *только для того, чтобы заполучить шанс убить пекаря.* Нужно заглядывать на шаг назад, друг мой.

Я пристально посмотрел на него, пытаясь догадаться, что за смысл скрывается в его словах. Если они значили что-то определенное, то, похоже, указывали на полковника Латтрелла. Он намеренно открыл гостиницу, чтобы получить возможность убить одного из постояльцев?

Пуаро покачал головой. Он сказал:

— Вы не узнаете ответа по выражению моего лица.

— Вы действительно кого угодно сведете с ума, Пуаро, — со вздохом произнес я. — Во всяком случае, я подозреваю не только Нортона. Что скажете насчет Аллертона?

Пуаро, по-прежнему храня бесстрастный вид, спросил:

— Он вам не понравился?

— Да, не понравился.

— А, то, что у вас называют «мерзкий субъект». Правильно?

— Точно. А разве вы так не считаете?

— Конечно, он человек, — медленно сказал Пуаро, — очень привлекательный для женщин.

Я издал восклицание, полное презрения..

— Какими глупыми могут быть женщины. Что они находят в таких, типах?

— Кто знает? Но так вечно, mauvais sujet...[27] всегда нравится женщинам.

— Но почему?

Пуаро пожал плечами.

— Может быть, они видят в нем что-то, чего не видим мы.

— Но что?

— Вероятно, опасность... Всем, друг мой, требуется привкус опасности в жизни... Некоторые получают ее за счет других, к примеру, на боях быков. Некоторые о ней читают. Некоторые смотрят в кино. Но я уверен... слишком безопасная жизнь противна человеческой натуре. Мужчины находят опасность по-разному. У женщин же выбор более ограничен... они находят опасность

---

[27] Примечания: 27
Негодяй — *фр.*

в основном в любовных делах… в сексе. Вот почему, может быть, им так нравятся тигриные черты… спрятанные когти… предательский прыжок. Прекрасный парень, из которого получится великолепный, хороший муж… они пройдут мимо него.

Я несколько минут в молчании мрачно размышлял над его словами, а потом вернулся к прежней теме.

— Знаете, Пуаро, — сказал я. — Мне будет очень легко узнать, кто Х. Кое-что разнюхаю и выясню, кто был знаком со всеми теми людьми. Я имею в виду героев ваших пяти случаев.

Я говорил с триумфальным видом, но Пуаро просто окинул меня полным презрения взглядом.

— Мне не требуется ваше присутствие, Хэстингс, только для того, чтобы вы неуклюже и вымученно продвигались по пути, который я уже продолжил. И позвольте мне сказать, что это не так просто, как вы думаете. Четыре случая из пяти имели место в данном графстве. Люди, собравшиеся под крышей Стайлз, — не сборище совершенно незнакомых людей, приехавших независимо друг от друга. Это не отель в обычном смысле, слова, Латтреллы родом отсюда; они силь-

но нуждались и купили поместье и пустились в рискованное предприятие. Люди, приехавшие сюда, — их друзья или друзья их друзей. Сэр Уильям убедил пожить здесь Фрэнклинов. Они, в свою очередь, пригласили Нортона и, кажется, мисс Коул… и… так далее. Иными словами, почти наверняка человек, известный одному постояльцу отеля, известен и остальным. Нашему Х просто устраивать свои ловушки. Взять, к примеру, дело работника Риггза. Деревня, где произошла трагедия, находится неподалеку от дома дяди Бойда Кэррингтона. Родственники миссис Фрэнклин тоже жили поблизости. В местной гостинице часто останавливались туристы. Там частенько гостили и друзья семьи миссис Фрэнклин. Сам Фрэнклин — тоже. Нортон и мисс Коул могли там останавливаться и, вероятно, останавливались. Нет-нет, друг мой. Прошу вас не предпринимать неуклюжих попыток раскрыть секрет, который я отказываюсь вам поведать.

— Как чертовски глупо. Можно подумать, я его выдам. Говорю вам, Пуаро, я устал от ваших шуток о моем говорящем лице. Ничего тут смешного нет.

Пуаро спокойно заметил:

— Вы уверены, что это единственная причина?

Разве вы не понимаете, друг мой, что такое знание может быть опасным? Вы не видите, что я беспокоюсь за вашу безопасность?

Я вытаращился на него с разинутым ртом. Об этом я просто не подумал. Но, конечно, он был совершенно прав. Если хитрый и изобретательный убийца, который уже совершил безнаказанно пять преступлений… как считал, не вызвав ничьих подозрений… поймет, что кто-то напал на его след, тогда действительно преследователю будет грозить опасность.

Я резко сказал:

— Но тогда вы… вы сами в опасности, Пуаро?

Пуаро, насколько позволили силы, сделал жест крайнего презрения.

— Я привык к опасности, я могу защититься. И разве со мной нет моего преданного пса? Моего превосходного и верного Хэстингса?

Глава шестая

Пуаро укладывался спать рано. Посему я оставил его и спустился вниз, остановившись, чтобы перекинуться несколькими словами со слугой Кертисом.

Мне он показался очень флегматичным малым, медленно соображающим, но надежными опытным. Он служил у Пуаро со времени возвращения того из Египта. Здоровье его хозяина, сообщил он мне, было довольно неплохим, но время от времени у него случались тревожные сердечные приступы, и за последние несколько месяцев сердце сильно ослабело. Мотор медленно снижал обороты. О, что ж, он прожил прекрасную жизнь! Все же мое сердце терзалось за старого друга, который так доблестно боролся, боролся за каждый шаг, ведущий к пропасти смерти. Даже сейчас, каким бы искалеченным и старым он не был, его неукротимый дух по-прежнему давал возможность заниматься ремеслом, в котором он был таким экспертом.

Я, опечаленный до глубины души, спустился вниз. Я едва ли мог представить себе жизнь без

Пуаро…

В гостиной как раз заканчивался роббер, и меня пригласили присоединиться к игре. Я подумал, что, может быть, хоть как-нибудь отвлекусь, и принял предложение. Бойд Кэррингтон вышел из игры, и я сел за стол с Нортоном, полковником и миссис Латтрелл.

— Что это вы только что говорили, мистер Нортон? — сказала миссис Латтрелл. — Может быть, сыграем еще два? Наше недавнее партнерство было очень успешным.

Нортон приятно улыбнулся, но пробормотал, что, может быть, право, им стоит разделиться?

Миссис Латтрелл согласилась, но, как я решил, без особого желания. Нортон и я сели против Латтреллов. Я заметил, что миссис Латтрелл определенно была недовольна. Она закусила губу, и сразу же исчезли все ее очарование и ирландский акцент. Вскоре я узнал, почему. Я потом очень много играл в паре с полковником Латтреллом, и он был не таким уж плохим игроком, но часто забывался. Посему время от времени и совершал какую-нибудь по-настоящему серьезную ошибку. Но, играя с женой, он делал ошибку за ошибкой, не переставая. Он явно нервничал из-за нее и играл раза в три хуже обычного.

Сама миссис Латтрелл была превосходным игроком, хотя играть с ней было не слишком приятно. Она хваталась за любое постижимое преимущество, игнорировала правила, если ее противник не замечал; строго их блюла, если так было выгодно ей. Она невероятно ловко бросала быстрые взгляды на содержимое рук соперника. Другими словами, она играла, чтобы выиграть.

Я очень быстро понял, что Пуаро имел в виду под уксусом. Во время игры ее сдержанность пропала, и язык немилосердно бичевал каждую ошибку, совершенную несчастным мужем. И Нортону, и мне было очень неловко: я обрадовался, когда роббер подошел к концу! Мы оба извинились под предлогом, что уже поздно.

Когда мы еще недалеко отошли от стола, Нортон дал выход чувствам.

— Просто ужасно, Хэстингс, что уж там творить. Меня прямо-таки перекашивает, когда я вижу, как она задирает несчастного старика. И как кротко он все сносит! Бедняга! Не очень-то он похож на индийского полковника.

— Ш-ш-ш, — предупредил я, потому что Нортон говорил громко и я боялся, что старый полковник Латтрелл может услышать его слова.

— Нет, это уже переходит все пределы.

Я с чувством заметил:

— Я пойму его, если он когда-нибудь возьмется за топор.

Нортон покачал головой.

— Он не возьмется. Душа его вступила в железо[28]. — Он продолжает: — «Да моя дорогая, нет, моя дорогая, прости, моя дорогая», дергает себя за ус да кротко блеет, словно ягненок, и так будет до тех пор, пока он не ляжет в гроб. Он не сможет постоять за себя, даже если попытается.

Я печально покачал головой, потому что, по-моему, Нортон был прав. Мы остановились в холле, и я заметил, что боковая дверь, ведущая в сад, была открыта и через нее дул сквозняк.

— Может быть, ее закрыть? — спросил я.

Нортон поколебался минутку перед ответом.

— Да… э… по-моему, не все еще вернулись.

Неожиданное подозрение закралось в мои мысли.

— Кого нет?

— Вашей дочери. И… э… думаю, Аллертона.

Он попытался говорить небрежным голосом, но информация, добавившаяся к моему разговору с Пуаро, неожиданно вызвала у меня беспокой-

---

[28] Примечания: 28

Он испытал тяжелые муки и смирился — *библейское выражение.*

ство.

Джудит… и Аллертон. Конечно же, Джудит, мою умную, хладнокровную Джудит не обманет такой человек, как Аллертон? Конечно же, она видит его насквозь?

Я твердил себе это раз за разом, когда раздевался, но смутная озабоченность оставалась. Я не смог заснуть и лежал, ворочаясь с боку на бок.

Как и бывает по ночам, все заботы предстают в преувеличенном виде. Вновь меня охватило отчаяние и чувство утраты. Если бы только была жива моя дорогая жена, на чье мудрое суждение я полагался многие годы! Она всегда все знала о детях и все понимала. Без нее я был словно без рук.

Ответственность за их безопасность и счастье лежала на мне. Подхожу ли я для этой задачи? Небеса мне помогут, я никогда не был умным. Я заблуждался, совершал ошибки. Если Джудит погубит свои шансы на счастье… если она пострадает…

В отчаянии я включил свет и сел.

Что толку от таких размышлений? Я должен немного выспаться. *Я* встал и с сомнением посмотрел на пузырек с таблетками аспирина. Нет, мне нужно что-нибудь посильнее. Я подумал, что у Пуаро наверняка есть какое-то снотворное. Я по-

дошел к его комнате и, колеблясь минуту, постоял возле двери. Просто стыдно будить старика.

И вот, стоя там, я услышал звук шагов и оглянулся. По коридору ко мне шел Аллертон. Свет был тусклый, и пока он не подошел близко, я не смог разглядеть его лица и думал: кто бы это мог быть? Потом я увидел и весь словно окаменел. Потому что он улыбался сам себе, и мне сильно не понравилась его улыбка.

Он взглянул на меня и поднял брови.

— Хэлло, Хэстингс, все еще не спите?

— Не могу заснуть, — коротко ответил я.

— Только и всего? Я вам помогу. Идемте со мной.

Я последовал за ним в его комнату, которая была соседней с моей. Странное чувство заставило меня рассмотреть этого человека как можно пристальней.

— Вы сами ложитесь поздно, — заметил я.

— Никогда не шел в постель рано. Особенно, если можно повеселиться. Такие прекрасные вечера не стоит тратить впустую.

Он засмеялся… и мне не понравился его смех.

Я последовал за ним в спальню. Он открыл маленький шкафчик и вынул пузырек с таблетками.

— Вот. Настоящий наркотик. Будете спать, как бревно… и к тому же видеть хорошие сны. Удивительное вещество — сламберил… вот его патентное название.

Энтузиазм в его голосе вызвал у меня легкую дрожь. Так он к тому же еще и наркоман? Я с сомнением произнес;

— Оно… не опасно?

— Только если принять слишком много. Это один из барбитуратов — токсичная доза очень близка к эффективной. — Он улыбнулся, уголки его рта неприятно скользнули вверх.

— Наверное, его можно получить только по предписанию врача? — сказал я.

— Да, старит. Во всяком случае, говоря буквально, *вы* бы не смогли. А у меня есть лазейка.

Наверное, я совершил глупость, но иногда у меня бывают такие порывы. Я спросил:

— Думаю, вы знали Эдерингтона?

Сразу же я понял, что затронул какую-то струну. Его глаза стали твердыми и настороженными. Он сказал… и его голос изменился… стал легкомысленным и искусственным:

— О, да… я знал Эдерингтона. Бедняга. — Потом, потому что я молчал, он продолжил: — Конечно, Эдерингтон принимал наркотики и… немного

переборщил. Нужно знать, когда остановиться. Он не смог. Гадкое дельце. Его жене повезло. Если бы присяжные ей не сочувствовали, ее бы повесили.

Он дал мне пару таблеток. Потом, словно случайно, спросил:

— Вы хорошо знали Эдерингтона?

Я ответил правдиво:

— Нет.

Похоже, он не знал, как продолжить разговор, я отвернулся с легким смешком.

— Забавный был парень. Конечно, у него не было привычек, воспитываемых воскресной школой[29], но иногда он составлял прекрасную компанию.

Я поблагодарил его и вернулся в свою комнату.

Я улегся снова, выключил свет и подумал, не совершил ли я глупость.

Потому что почти наверняка я решил, что Аллертон был Х. И я дал ему понять, что его подозреваю.

---

[29] Примечания: 29

Воскресные школы возникли в конце XVIII века как церковные школы, преследовавшие цель религиозного воспитания детей, до сих пор сохраняют преимущественно религиозный характер.

Глава седьмая

I

Мое повествование о днях, проведенных в Стайлзе, наверняка будет бессвязным. Они были полны разговоров или наводящих слов и фраз, которые врезались мне в память.

Первым делом и очень быстро я понял, насколько немощен и беспомощен Эркюль Пуаро. Я верил, как он и говорил, что его мозг по-прежнему функционирует с былой проницательностью, но физическая оболочка была настолько изношена, что я сразу понял: я должен действовать гораздо активней, чем всегда. Я должен быть своего рода ушами и глазами Пуаро.

Конечно, если выдавался хороший день, Кертис осторожно выносил своего хозяина вниз, куда уже заранее спускал кресло. Потом он выкатывал Пуаро в сад и выбирал место без сквозняков. Когда же погода портилась, его выносили в гостиную. Где бы он ни был, к нему подходил то тот, то другой, садился рядом и разговаривал, но это, было не то же самое, когда Пуаро сам мог выбирать себе партнера для tete-a-tete. Он больше

не был в состоянии говорить с тем, с кем хотел.

На следующий день после моего приезда Фрэнклин отвел меня в старую студию в саду, которая на скорую руку была переоборудована для научных целей.

Позвольте мне сразу пояснить, что у меня самого к науке склонностей нет. В своем отчете о работе доктора Фрэнклина я наверняка использую неправильные термины и пробужу подозрение у тех, кто надлежащим образом сведущ в подобных делах.

Насколько я, простой человек, смог понять, Фрэнклин проводил эксперименты с различными алкалоидами, извлеченными из боба «калабар», Physostigma venenosum. Я понял больше после разговора Фрэнклина с Пуаро. Джудит, которая пыталась меня проинструктировать, как обычно случается с пылкой молодежью, была технична просто до невозможности. Она с ученым видом ссылалась на алкалоиды физостигмина — эзерин, физовенин и генезерин и потом перешла к еще более невозможно звучащему веществу, простигмину, или диметилкарбоновому эфиру 3-гидроксипенилу триметилу ламмонуму etc., etc., и черт еще знает к чему, что, похоже, было одним и тем же веществом, только по-разному

полученным!

В общем, для меня все это было «двойным голландцем», то есть сплошной белибердой, и я вызвал презрение Джудит, спросив, какой прок от их работы, будет человечеству. По-моему, никакой другой вопрос не может вызвать больше досады у истинного ученого. Джудит сразу пронзила меня презрительным взором и вновь бросилась в подробное и полное всяческой терминологии объяснение. Насколько я понял, суть была в том, что какие-то малоизвестные племена Западной Африки обладают замечательным иммунитетом к какой-то равно малоизвестной, хотя и смертельной болезни, называемой, насколько я помню, джорданитом, — ее обнаружил некий энтузиаст доктор Джордан. То была невероятно редкая тропическая болезнь, которая приводила к роковому результату, если белые люди имели несчастье ее подхватить.

Я рискнул усугубить гнев Джудит, заметив, что было бы гораздо благоразумней отыскать какое-нибудь лекарство, излечивающее осложнения после кори!

С жалостью и презрением Джудит дала мне ясно понять, что единственной стоящей достижения целью является не благотворительность, а

расширение горизонта человеческих познаний.

Я посмотрел через микроскоп на некоторые слайды, изучил кое-какие фотографии западноафриканских туземцев (вот уж действительно развлечение так развлечение!), заметил краем глаза усыпленную крысу в клетке и заторопился прочь на воздух.

Как я уже сказал, тот небольшой интерес, который у меня пробудился к их работе, разжег во мне разговор Фрэнклина с Пуаро.

Он сказал:

— Знаете, Пуаро, это вещество больше по вашей части, чем по моей. Растение называют бобом испытания — считается, что оно может доказать, виновен человек или нет. Западноафриканские племена верят в это безоговорочно… или, по крайней мере, верили… теперь-то они становятся более искушенными. Они торжественно сжуют его, будучи совершенно уверены, что он их убьет, если они виновны, и не причинит никакого вреда — если нет.

— И таким образом, увы, умирают?

— Нет, не все. Вот это-то и не замечали до настоящих пор. Конечно, дело не так-то просто, наверняка не обходится без жульничества шамана. Существует два различных вида боба… они

на вид так похожи, что их почти невозможно отличить друг от друга. Но отличие *есть.* Они оба содержат физостигмин и генерезик, и все остальное, но из одного вида можно выделить, думаю, еще один алкалоид, и действие этого алкалоида нейтрализует эффекты других. Больше того, второй вид регулярно употребляет в пищу этакая племенная верхушка в секретном ритуале… и люди, которые его едят, никогда не заболевают джорданитом. Это вещество замечательно воздействует на мускульную систему без вредных побочных эффектов. Чертовски интересно. К сожалению, чистый алкалоид очень нестабилен. Однако мне уже удалось получить кое-какие результаты. Но я хотел бы произвести больше исследований на месте. Эту работу обязательно нужно сделать! Да, черт подери… я могу, продать за нее свою душу.

Он резко смолк. Вновь его губы скривила усмешка.

— Простите, что заговорился о своей работе. Я слишком ею увлечен.

— Как вы заметили, — безмятежно сказал Пуаро, — моя профессия стала бы более легкой, если бы вину и невиновность можно было проверить с такой простотой. А! Если бы действительно

существовало вещество со свойствами, приписываемыми бобу «калабар»!

Фрэнклин возразил:

— Но ведь заботы бы не кончились! В конце концов, что такое вина и что такое невиновность?

— Не думаю, что на сей счет могут быть какие-нибудь сомнения, — заметил я.

Он повернулся ко мне.

— Что есть добро? Что есть зло? Представления о них меняются от столетия к столетию. Вы, вероятнее всего, проверяли бы *чувство* вины или *чувство* невиновности. Иначе говоря, тест безрезультатен.

— Не вижу, почему вы так считаете.

— Мой дорогой друг, предположим, человек думает, что ему предопределено свыше убить диктатора, или ростовщика, или сводника, или кто там возбуждает в нем моральное негодование. Он совершает то, что вы считаете виновным действием, но *он*-то вины не чувствует. И что здесь может поделать ваш несчастный боб испытания?

— Несомненно, — возразил я, — убийца должен испытывать чувство вины, не так ли?

— Я бы хотел убить многих, — весело заявил доктор Фрэнклин. — Не думаю, что потом бы

совесть не давала мне спать по ночам. Знаете, я считаю, что вообще следует уничтожить восемьдесят процентов человечества. Без них было бы гораздо лучше.

Он встал и, весело насвистывая, пошел прочь.

Я с сомнением уставился ему вслед.

Меня вернуло к действительности приглушенное хихиканье Пуаро.

— У вас такой вид, друг мой, словно вы смотрите на змеиное гнездо. Давайте надеяться, что наш друг доктор не станет претворять в жизнь свои идеи.

— А, — проткнул я. — А вдруг?

II

После некоторых колебаний я решил, что мне следует поговорить с Джудит насчет Аллертона. Я посчитал, что должен знать, какова будет ее реакция, Я знал, что она была уравновешенной девушкой и вполне могла о себе позаботиться, и не думал, что ее действительно обманула дешевая привлекательность такого человека, как Аллертон. Но, по правде говоря, я взялся за нее, потому что хотел успокоиться.

К сожалению, я не получил желаемого результата. Наверное, я повел себя неуклюже. Ни на что

молодые люди не обижаются больше, чем на советы старших. Я попытался говорить беспечно и добродушно. Думаю, я потерпел полный провал.

Джудит сразу ощетинилась.

— В чем дело? — осведомилась она. — Родительское предупреждение против большого плохого волка?

— Нет-нет, Джудит, конечно, нет.

— Полагаю, тебе не нравится майор Аллертон?

— Искренне, да. Наверное, и тебе тоже?

— Почему ты так считаешь?

— Э… э… он не твой тип, верно?

— Кого ты относишь к моему типу, отец?

Джудит всегда может меня взбудоражить. Я страшно растерялся.

Она стояла, глядя на меня, скривив рот в презрительной усмешке.

— Конечно, *тебе* он не нравится, — сказала она. — А вот мне нравится. По-моему, он очень забавный.

— О, забавный, может быть. — Я попытался перейти на другую тему.

Джудит медленно заметила:

— Он очень привлекательный. Любая женщина бы так подумала. Мужчины, конечно, не видят его обаяния.

— Разумеется… — Я довольно неуклюже продолжил: — На днях ты в очень поздний час находилась с ним вне дома…

Она не позволила мне закончить. Разразился шторм.

— Право, отец, ты ведешь себя, как идиот. Разве ты не понимаешь, что в моем возрасте человек сам может управляться со своими делами. У тебя нет никакого права контролировать мои поступки или приказывать мне, с кем дружить. Что за бессмысленная и приводящая в ярость привычка у отцов и матерей вмешиваться в жизнь детей! Я очень тебя люблю… но я уже взрослая женщина, и моя жизнь в моих собственных руках. Прекрати вести себя, как мистер Баррет.

Я был столь обижен этим злым замечанием, что просто не смог ответить, и Джудит быстро ушла.

Я стоял, погрузившись в размышления, и к действительности меня вернул голос сиделки миссис Фрэнклин, которая игриво воскликнула;

— Готова дать пенни, чтобы узнать, о чем вы думаете, капитан Хэстингс!

Я повернулся, обрадовавшись, что могу прервать свои горькие размышления. Сестра Крейвен была очень красивой молодой особой. Может быть, она вела себя чуть-чуть слишком игриво и

весело, но была приятной собеседницей.

Она только что усадила свою пациентку на солнечном местечке, неподалеку от импровизированной лаборатории.

— Миссис Фрэнклин интересуется работой мужа? — спросил я.

Сестра Крейвен презрительно вскинула голову.

— О, там слишком много технических деталей, чтобы *она* могла что-то понять. Знаете, капитан Хэстингс, она совсем не умная женщина.

— Да, наверное.

— Конечно, работу доктора Фрэнклина по достоинству может оценить только тот, кто сам разбирается в медицине. Знаете, он действительно очень умный человек. Бедняга, мне так жаль его.

— Жаль его?

— Да. Я так часто видела нечто подобное. Я имею в виду женитьбу на неподходящей женщине.

— Вы считаете, что она ему не подходит?

— А разве вы сами не видите? У них нет совсем ничего общего.

— Кажется, он очень ее любит, — возразил я. — Так внимательно относится ко всем ее желаниям и тому подобное.

Сестра Крейвен как-то неприятно рассмеялась.

— Уж будьте уверены, она за этим следит!

— Вы считаете, что она спекулирует на своем… на своем здоровье? — с сомнением спросил я.

Сестра Крейвен снова засмеялась.

— Ее не надо учить, как добиться своего. Все, что ее светлость пожелает, исполняется. Есть такие женщины — хитрые, как обезьяны. Если им кто-то сопротивляется, они сразу ложатся, закрывают глаза и напускают на себя больной и трогательный вид или же устраивают нервную бурю… Но миссис Фрэнклин относится к трогательному типу. Не спит всю ночь и по утрам бледная, словно смерть, и истощена до предела.

— Но ведь она действительно тяжело больна, верно? — удивленно спросил я.

Сестра Крейвен бросила на меня какой-то странный взгляд и сухо сказала:

— Конечно, — и затем резко сменила тему.

Она спросила меня, правда ли, что я был здесь во время первой войны.

— Да, совершенно верно.

Она понизила голос:

— И здесь было совершено убийство, да? Мне так сказала одна горничная. Укокошили старую даму?

— Да.

— И вы тогда были здесь?

— Да.

Она слегка поежилась и сказала:

— Тогда все ясно, верно?

— Что ясно?

Она бросила на меня украдкой быстрый взгляд.

— Какая… какая у дома атмосфера. Вы ее не чувствуете? Я чувствую. Что-то *не так,* вы меня понимаете?

Я немного помолчал, обдумывая ее слова. Была ли она права? Насильственная смерть… по злобному умыслу… действительно оставляет такой сильный отпечаток на месте, что он ощутим и после многих лет? Медиумы говорят, что да. Стайлз по-прежнему несет на себе следы столь давнего события? Здесь, в этих стенах, в этих садах зарождались и зрели мысли об убийстве, которые под конец осуществились. И они по-прежнему заражают воздух?

Сестра Крейвен прервала мои размышления, резко сказав;

— Я однажды служила в доме, где произошло убийство.

Никогда не забуду. И знаете, по-моему, такого

никто не забудет. Один из моих пациентов. Мне пришлось давать показания и все такое. Я очень странно себя чувствовала. Для девушки переживание не из легких.

— Должно быть. Я сам знаю…

Я смолк. К нам большими шагами из-за угла дома приближался Бойд Кэррингтон.

Как обычно, его жизнерадостная личность прогнала все тени и заботы. Он был таким большим, таким здравомыслящим, таким свободным… милый сильный человек, который прямо-таки излучал *веселье* и благоразумие.

— Доброе утро, Хэстингс, доброе утро, сестра. Где миссис Фрэнклин?

— Доброе утро, сэр Уильям. Миссис Фрэнклин в конце сада, под буком, неподалеку от лаборатории.

— И Фрэнклин, наверное, в лаборатории?

— Да, сэр Уильям… с миссис Хэстингс.

— Несчастная девушка. Это надо же в такое утро сидеть взаперти и химичить! Вам следует выразить протест, Хэстингс.

Сестра Крейвен быстро заметила:

— О, миссис Хэстингс *вполне* счастлива. Ей это нравится, и доктор не может без нее обойтись, точно вам говорю.

— Несчастный парень, — сказал Бойд Кэррингтон. — Если бы у меня секретарем была такая хорошенькая девушка, как ваша Джудит, я бы смотрел на *нее*, а не на морских свинок… а?

Джудит бы жутко разозлилась на такую шутку, но она пришлась по душе сестре Крейвен, которая громко расхохоталась.

— О, сэр Уильям! — воскликнула она. — Зачем вы такое говорите? Уж мы-то все *вас* знаем! Но бедный доктор Фрэнклин — человек серьезный… он думает только о своей работе.

Бойд Кэррингтон весело заметил:

— Похоже, его жена сидит так, чтобы не спускать глаз со своего муженька. Наверное, ревнует.

— Вы столько знаете, сэр Уильям!

Сестра Крейвен прямо-таки восхищалась этим подшучиванием. Она неохотно заявила:

— Ну что ж, мне, пожалуй, пора. Надо справиться насчет солодового молока для миссис Фрэнклин.

Она медленно пошла прочь, и Бойд Кэррингтон долго смотрел ей вслед.

— Красивая девушка, — заметил он. — Прелестные волосы и зубы. Великолепный образчик. Должно быть, жизнь у нее очень скучная — ухаживать день и ночь напролет за больными. Такая

девушка заслуживает лучшей судьбы.

— Ничего, — отозвался я. — Наверняка в один прекрасный день она выйдет замуж.

— По-моему, вы правы!

Он вздохнул… и я решил, что он думает о своей покойной жене. Потом он неожиданно предложил:

— Не хотите ли съездить со мной в Кнэттон и посмотреть поместье?

— Пожалуй. Я только сперва узнаю, нужен ли я Пуаро.

Я нашел Пуаро на веранде, где он восседал, закутанный до ушей.

Он дал мне добро.

— Ну, конечно, идите, Хэстингс, идите. Насколько мне известно, это очень красивое поместье. Вы обязательно должны его увидеть.

— Я сам не против. Но мне бы не хотелось покидать вас.

— Мой преданный друг! Нет, нет, идите с сэром Уильямом. Он — очаровательный человек, не так ли?

— Первый класс, — с энтузиазмом сказал я.

Пуаро улыбнулся.

— А, да. Я всегда считал, что он ваш тип.

III

Я от всей души наслаждался поездкой.

Не только погода была прекрасной… настоящий прелестный летний лень… но я получал удовольствие и от компании Бойда Кэррингтона.

Он обладал обаянием, большим жизненным опытом и посему был превосходным собеседником. Он рассказал мне множество историй о своей административной деятельности в Индии, описал некоторые интригующие детали обычаев восточно-африканского племени, и все было настолько интересно, что я отвлекся и напрочь забыл о своих заботах, связанных с Джудит, и подспудных тревогах, вызванных откровениями Пуаро.

Мне понравилось и то, как Бойд Кэррингтон отзывался о моем друге. Он очень его уважал… как за работу, так и за характер.

Каким бы печальным ни было нынешнее состояние здоровья Пуаро, Бойд Кэррингтон не произнес ни единого снисходительного слова жалости. Похоже, он думал, что жизнь, прожитая так, как прожил ее Пуаро, сама по себе была щедрой наградой и что в своих воспоминаниях мой друг может найти и удовлетворение, и гордость.

— Кроме того, — сказал он, — держу пари, что мозг его столь же проницателен, как всегда.

— Да, верно, — пылко согласился я.

— Величайшая ошибка считать, что если у человека отказали конечности, то отказал и мозг. Ничуть, Анно домини[30] воздействует на разум гораздо меньше, чем принято думать. Клянусь Юпитером, я бы ни за что не согласился совершить убийство под носом Эркюля Пуаро… даже теперь.

— Если вы натворите что-нибудь подобное, будьте уверены, он до вас доберется, — ухмыльнулся я.

— Держу пари, что доберется. Не то чтобы, — уныло добавил он, — я вообще смог бы хорошо обстряпать убийство. Знаете, я ничего не могу планировать. Слишком уж нетерпеливый человек. Если я и совершу убийство, то только под влиянием минуты, в порыве чувств.

— Такое преступление гораздо труднее раскрыть.

— Едва ли. Вероятно, я понаоставляю улики, ведущие ко мне, везде, где только можно. Что ж, мне повезло, что у меня не преступный склад

---

[30] Примечания: 30
Старость — *лат.*

ума. Я могу убить только шантажиста. Худшей подлости не знаю. Всегда считал, что за шантаж следует расстреливать. Что скажете?

Я признался, что согласен с его точкой зрения.

Потом нам навстречу вышел молодой архитектор, и мы начали осматривать результаты переделок в доме.

Кнэттон был выстроен во времена Тюдоров, крыло же добавили позднее.[31] Его не модернизировали и не перестраивали со времен установки двух примитивных ванных комнат в 1840-х.

Бойд Кэррингтон пояснил, что его дядя был своего рода затворником, терпеть не мог людей и жил в углу огромного дома. Он выносил только самого Бойда Кэррингтона и его брата, и они, будучи еще школьниками, проводили здесь каникулы, пока сэр Эверард не стал настоящим отшельником.

Старик так и не женился, тратил только десятую часть своего огромного дохода, так что после выплаты налогов на наследство нынешний баронет оказался очень богатым человеком.

— Но очень одиноким, — вздохнув, добавил он.

Я молчал. Мое сочувствие было слишком силь-

---

[31] Примечания: 31

Тюдоры — династия, сменившая Йорков. 1485–1603 — период Реформации, усиления абсолютизма, централизованной власти.

но, чтобы выразить его словами. Потому что я тоже был одинок. С тех пор, как умерла Синдерс, я чувствовал себя человеком только наполовину.

Вскоре, запинаясь, я попытался выразить свои чувства.

— А, да, Хэстингс, но у вас есть что-то, чего нет у меня.

Он помолчал и потом отрывисто обрисовал свою трагедию.

У него была прекрасная юная жена, прелестное создание, полнею очарования и достоинств, но с испорченной наследственностью. Почтя вся ее семья умерла от пьянства, и она сама стада жертвой того же проклятья. Едва прошел год после их свадьбы, а она уже спилась и умерла смертью алкоголика. Он не винил ее. Он понимал, что наследственность оказалась слишком сильной.

После ее смерти он смирился с одиночеством. Он решил после такого печального опыта никогда не жениться снова.

— Одному, — просто сказал он, — безопаснее.

— Да, я могу понять ваши чувства… по крайней мере, какими они были на первых порах.

— Такая трагедия. Она преждевременно меня состарила и наполнила горечью. — Он помолчал. — Правда, однажды я испытал сильное

искушение. Но она была так молода… я посчитал, что будет несправедливо связать ее жизнь с разочарованным мужчиной. Я был слишком стар для нее… она была таким ребенком… такой хорошенькой… такой чистой.

Он оборвался и покачал головой.

— Может быть, надо было предоставить судить ей?

— Не знаю, Хэстингс. Я посчитал, что нет. Она… казалось, она меня любит. Но ведь, как я сказал, она была так молода. Я всегда буду помнить ее такой, какой увидел в последний день того отпуска. Слегка озадаченный вид… ее маленькая ручка…

Он смолк. Слова нарисовали смутно знакомую картину, хотя я никак не мог вспомнить, чем.

Неожиданно в мои мысли ворвался резкий голос Бойда Кэррингтона.

— Каким дураком я был, — заявил он. — Любой мужчина дурак, если позволяет своему шансу пройти мимо. И вот я остался с огромным, слишком большим для меня особняком, и даже некого посадить во главе стола.

Его старомодная манера разговора показалась мне такой очаровательной. Она вызвала в воображении картину старого милого и спокойного мира.

— Где та дама сейчас? — спросил я.

— О, она вышла замуж. — Он резко отвернулся. — Дело в том, Хэстингс, что я обречен на холостяцкое существование. У меня есть свои маленькие причуды. Идемте, давайте посмотрим сад. За ним, плохо ухаживали, но он все равно чем-то прекрасен.

Мы обошли поместье, и увиденное произвело на меня глубокое впечатление. Несомненно, Кнэттон был великолепен, и не удивительно, что Бойд Кэррингтон им гордился. Он хорошо знал соседей и почти всех, кто жил в округе, хотя, конечно, среди них было много новых людей.

Он давно был знаком с полковником Латтреллом и от всего сердца выразил надежду, что его затея со Стайлзом оправдает ставку.

— Бедный старый Тоби Латтрелл сильно нуждается, — сказал он. — Парень что надо. И солдат отличный, и какой стрелок! Однажды в Африке я отправился с ним на сафари. А, вот это были деньки! Тогда, конечно, он уже был женат, но, слава Господу, его миссис с ним не поехала. Она была хорошенькой… но ужасно капризной! Просто странно, что только сносит мужчина от женщины. Старый Тоби Латтрелл, который, бывало, заставлял подчиненных трястись с головы до

пят, был таким строгим командиром! И вот только посмотрите, как она его задирает и держит под башмаком, и как он смиренно все терпит! Никаких сомнений, у этой женщины не язык, а уксус. Однако голова на плечах у нее есть. Если удастся извлечь из Стайлза доход, она преуспеет. Латтрелл никогда в бизнесе не разбирался… но миссис Тоби и с родной бабки шкуру сдерет!

— Слова из нее прямо фонтаном бьют, — пожаловался я.

Бойд Кэррингтон повеселел.

— Знаю. Сплошная любезность. Но вы играли с ними в бридж?

Я с чувством ответил утвердительно.

— В целом, я держусь подальше от женщин, играющих в бридж, — сказал Бойд Кэррингтон. — И вам бы посоветовал то же самое.

Я сказал ему, как неловко пришлось мне и Нортону в день моего приезда.

— Точно. Не знаешь, куда смотреть!

Он добавил:

— Хороший парень, этот Нортон. Правда, очень уж тихий. Все время наблюдает за птицами и всякой живностью. И сказал мне, что ни за что бы не стал на них охотиться. Странно! Нет страсти к спорту. Я заявил ему, что он много потерял. Не

вижу, какое можно испытать возбуждение, бродя по холодным рощам и пялясь на птиц в бинокль.

Как мало мы тогда знали, сколь важную роль сыграет хобби Нортона в последовавших событиях.

Глава восьмая

I

Дни шли. Было как-то неспокойно на душе, казалось, время пропитало ожидание чего-то.

Ничего, если можно так выразиться, фактически не *случилось*. Однако могу припомнить множество инцидентов, обрывков странных разговоров, случайной информации, проливающей свет на различных обитателей Стайлза, интересные замечания. Они нагромоздились друг на друга, и если бы мне удалось расставить их по своим местам, то я многое смог бы понять.

Именно Пуаро несколькими убедительными словами открыл мне глаза на то, к чему я был преступно слеп.

Я жаловался в бесчисленный раз на его упрямое нежелание довериться мне. «Так нечестно», — сказал ему я. Только он и я знали одинаковые факты. Даже если я и был туп, а он проницателен и делал из сих фактов верные выводы.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Совершенно верно, друг мои. Так нечестно! Так неспортивно. Но это не игра! Посему исходи-

те из сказанного. Это не игра, это не le sport [32]. Вы ни с того ни с сего предпринимаете дикие попытки установить личность X. Я просил вас приехать сюда не для этого. Бросьте бесполезное занятие. Я знаю ответ на данный вопрос. Но чего я не знаю и что должен знать, так это следующее: кто умрет и вскоре? Перед нами стоит задача, mon vieux[33], требующая не играть в догадку, а воспрепятствовать смерти человека.

Я был поражен.

— Конечно, — медленно сказал я. — Я… э, знаю, вы уже один раз так говорили, но я не совсем понял.

— Тогда поймите сейчас… немедленно!

— Да, да, я пойму… я имею в виду, уже понял.

— Тогда скажите мне, Хэстингс, кто умрет?

Я бессмысленно уставился на него.

— Право, понятия не имею!

— Значит, вы должны иметь понятие! Для чего же еще вы здесь?

— Конечно, — сказал я, возвращаясь к своим размышлениям, — должна существовать какая-то связь между жертвой и X, и если бы вы

---

[32] Примечания: 32
Спорт — *фр.*

[33] Примечания: 33
Старина — *фр.*

сообщили мне, кто Х…

Пуаро так бурно затряс головой, что было больно смотреть.

— Разве я не пояснил вам суть техники Х? Ничто не будет связывать Х со смертью. Говорю вам это совершенно определенно.

— Вы имеете в виду, что связь скрыта?

— Она будет так хорошо скрыта, что ни вы, ни я ее не найдем…

— Но, несомненно, изучив прошлое Х…

— Говорю вам, нет. И, разумеется, не *в данный момент.* Убийство может произойти в любую минуту, вы это-то понимаете?

— И погибнет кто-то в доме?

— И погибнет кто-то в доме.

— И вы действительно не знаете, кто или как?

— А, если бы я знал, то не просил бы узнать вас!

— Вы попросту основываете свои предположения на присутствии Х?

В мой голос вкралось сомнение.

Пуаро, чье самообладание ослабло одновременно с вынужденной неподвижностью конечностей, фактически зарычал на меня.

— А, ma foi[34], сколько раз мне нужно повторять? Если множество военных корреспондентов неожиданно прибывают в какую-то европейскую страну, что это значит? Это означает войну! Если доктора съезжаются со всего мира в определенный город, что это показывает? Что здесь состоится медицинская конференция. Если видишь парящего стервятника, то найдешь труп. Если по торфяникам идут загонщики, значит, будет охота. Если видишь внезапно остановившегося человека, скидывающего пиджак и бросающегося в море, значит, предстоит спасение утопающего. Если видишь дам среднего возраста, респектабельной внешности, заглядывающих через изгородь, можно сделать вывод, что там творится что-то неприличное! И, наконец, если унюхаешь точный запах и заметишь несколько человек, идущих по коридору в одном направлении, можно без страха предположить, что вот-вот будет подан обед!

Я минуту-другую поразмышлял над аналогиями и, использовав первую, заявил:

— Но все-таки один военный корреспондент не делает войну!

---

[34] Примечания: 34
Ей-богу — *фр.*

— Конечно. И одна ласточка не делает лето. Но один убийца, Хэстингс, позвольте выразиться следующим образом, делает убийство.

Конечно, отрицать было нечего. Но тем не менее мне подумалось (это, похоже, не пришло в голову Пуаро), что даже у убийцы бывают выходные. Может быть, Х приехал в Стайлз без смертоносных намерений. Однако Пуаро так взвинтился, что я не осмелился высказать свое предположение. Я просто сказал, что вся затея кажется мне безнадежной. Мы должны подождать…

— И посмотреть, — закончил Пуаро, — как ваш мистер Асквит в прошлую войну[35]. Вот это-то, mon cher, как раз то, что мы не должны делать. Заметьте, я не говорю, что мы преуспеем, потому что, как я замечал прежде, когда убийца решил убить, его нелегко перехитрить. Но, по крайней мере, мы можем попытаться. Представьте себе, Хэстингс, что вам дана задача в бридж в газете. Вы можете видеть все карты. Вас просят «предсказать результат сделки».

Я покачал головой.

— Без толку Пуаро. Я не имею ни малейшего

---

[35] Примечания: 35

Герберт Асквит — премьер-министр Великобритании, один из лидеров либеральной партии, отличавшийся выжидательной позицией.

понятия. Если бы я знал, кто такой Х…

Пуаро снова зарычал. Он рычал так громко, что из соседней комнаты прибежал испуганный Кертис. Пуаро взмахом руки приказал ему удалиться и, когда он ушел, мой друг заговорил более сдержанно.

— Послушайте, Хэстингс, вы не настолько глупы, как притворяетесь. Вы изучили те случаи, отчеты о которых я дал вам прочесть. Вы можете не знать, кто такой Х, но вам известна техника совершения его преступлений.

— О, — сказал я, — понятно.

— Конечно, понятно. Вся беда с вами в том, что вы умственно ленивы. Вы любите играть в игры и догадываться. Вы не любите работать головой. Какой элемент присущ технике Х? Разве дело не в том, что совершенное преступление закончено до деталей? Иными словами, есть мотив для убийства, есть возможность, есть способы и, наконец, что самое важное, есть виновный, готовый для скамьи подсудимых.

Сразу же я уловил смысл и понял, каким был дураком, что не сообразил сразу.

— Понятно, — сказал я. — Буду искать человека, который… который… отвечает этим требованиям… требованиям потенциальной жертвы.

Пуаро со вздохом откинулся назад.

— Enfin![36] Я очень устал. Пошлите ко мне Кертиса. Теперь вы понимаете свою задачу. Вы активны, вы можете передвигаться, вы можете разговаривать с людьми, следить за ними, оставаясь незамеченным… — (Я чуть было не издал негодующий возглас протеста, но сдержался. Спор был слишком старым). — Вы можете подслушивать разговоры, ваши колени пока что сгибаются, так что вы можете вставать на них и заглядывать в замочные скважины…

— Я не буду заглядывать в замочные скважины, — резко прервал его я.

Пуаро закрыл глаза.

— Прекрасно. Вы не будете заглядывать в замочные скважины. Вы останетесь английским джентльменом, и кого-то убьют. Не имеет значения. Для англичанина важнее всего честь. Ваша честь важнее жизни другого человека. Bien! Все понятно.

— Нет, но, черт подери, Пуаро…

Пуаро холодно сказал:

— Пошлите ко мне Кертиса. Уходите. Вы упрямы и крайне глупы, и я желал бы иметь рядом

---

[36] Примечания: 36
Наконец-то — *фр.*

кого-то другого, кому мог бы доверять, но наверняка придется смириться с вами и вашими нелепыми идеями насчет честной игры. Так как вы не можете использовать свои серые клетки, потому что у вас их нет, используйте хотя бы свои глаза, свои уши и свой нос, если нужно, насколько вам позволяет честь.

II

На следующий день я осмелился выдвинуть на рассмотрение идею, которая не раз приходила мне в голову. Я немного колебался, потому что разве можно знать, как отреагирует Пуаро.

Я сказал:

— Я думал, Пуаро. Знаю, я не очень-то на это способен. Вы не раз говорили, что я глуп. Что ж, может, и верно. Я лишь наполовину тот человек, которым был. Со смерти Синдерс…

Я смолк. Пуаро издал хриплый звук, означающий сочувствие.

Я продолжил:

— Но здесь есть человек, который мог бы нам помочь, как раз такой человек, какой нам нужен. Ум, воображение, изобретательность. Он привык принимать решения и обладает большим жизненным опытом. Я говорю о Бойде Кэррингтоне.

Он как раз то, что надо. Доверьтесь ему. Выложите перед ним факты.

Пуаро открыл глаза и заявил с невероятной решимостью: Разумеется, нет.

— Но почему? Нельзя отрицать, что он умен, гораздо умнее меня.

— Быть умнее вас не составляет никакого труда, — с едким сарказмом отозвался Пуаро. — Но выбросьте из головы свою идею, Хэстингс. Мы не доверимся *никому*. Понятно, hein[37]? Я запрещаю вам говорить на сей счет с кем бы то ни было.

— Конечно, если вы так считаете, но, право, Бойд Кэррингтон…

— А та-та! Бойд Кэррингтон. Что вы так носитесь с Бойдом Кэррингтоном? Что он такое, в конце концов? Большой человек, напыщенный и самодовольный только потому, что когда-то его называли «ваше превосходительство». Человек, обладающий… да, определенным тактом и очарованием. Но он не удивителен, ваш Бойд Кэррингтон. Он без конца повторяется, он по два раза, а то и больше рассказывает одно и то же… его память настолько никудышна, что он может рассказать вам ту историю, которую рассказали

---

[37] Примечания: 37
А — *фр.*

ему вы сами! Выдающиеся способности? Ничуть. Старый зануда-пустозвон… enfin… напыщенный индюк!

— О, — сказал я и вспомнил.

Действительно, память Бойда Кэррингтона никуда не годилась. И он был повинен в gaffe[38], который, как я сейчас понял, страшно досадил Пуаро. Пуаро как-то рассказал ему случай из своей молодости, когда он еще служил в бельгийской полиции. И всего через пару дней Бойд Кэррингтон по своей забывчивости пересказал в компании ту же самую историю Пуаро, предварив ее замечанием: «Помню, мне говорил chef de la Surete[39] в Париже…» Сейчас-то я понял, какова была обида!

Тактично я не стал продолжать разговор и удалился.

III

Я спустился вниз и вышел в сад. Там никого не было, и я прогулялся мимо рощицы и поднялся на поросший травой холмик, на котором возвыша-

---

[38] Примечания: 38
Промахе — *фр.*

[39] Примечания: 39
Начальник Сюрте — тайная французская полиция — *фр.*

лись покосившаяся беседка в одной из последних стадий разрушения. Я сел, закурил свою трубку и погрузился в размышления.

У кого в Стайлзе был определенный мотив для убийства другого человека… или кого можно исключить из потенциальных преступников. Отложив явный случай полковника Латтрелла, который, как я боялся, вряд ли когда-нибудь схватится за топор посреди роббера, каким бы оправданным, его поступок не мог показаться, я никак не мог додуматься ни до чего другого.

Вся беда в том, что я очень мало знал об этих людях. К примеру, Нортон и мисс Коул. Какие обычные мотивы для убийства? Деньги. Похоже, единственным богатым человеком из собравшихся был Бойд Кэррингтон. Если он умрет, кто унаследует деньги? Кто-то из живущих в доме? Едва ли, но вдруг здесь что-то есть. К примеру, он мог оставить деньги на исследовательскую работу, сделав Фрэнклина попечителем. Это да плюс необдуманные замечания доктора насчет уничтожения 80 процентов человечества могло оказаться чертовски хорошими уликами против рыжего ученого. Или, может быть, Нортон или мисс Коул, его дальние родственники, и унаследуют деньги автоматически. Притянуто за уши,

но вероятно.

Выиграет ли от его смерти полковник Латтрелл, ведь он его старый друг? Похоже, насчет денег возможности исчерпаны. Я перешел к более романтическим мотивам. Фрэнклины. Миссис Фрэнклин была тяжело больна. Может быть, ее медленно отравляли… и ответственность за ее смерть должна лежать на муже? Он врач, у него есть и возможности, и способы, сомнений нет. Что насчет мотива? Неприятное подозрение промелькнуло у меня в голове, когда я подумал, что, вероятно, здесь замешана Джудит. Конечно, я прекрасно знал, что их отношения были чисто деловыми… но поверит ли этому общественность? Поверит ли этому циничный полицейский офицер? Джудит была очень красивой девушкой. Привлекательная секретарша или ассистентка служила мотивом для многих преступлений. Версия привела меня в ужас.

Следом я взялся за Аллертона. Могла ли быть у кого-нибудь причина разделаться с Аллертоном? Если у нас должно быть совершено убийство, я бы предпочел, чтобы жертвой был Аллертон! Мотивов для его устранения наверняка предостаточно. Мисс Коул, хотя и немолода, но все еще привлекательна. А вдруг ею обуяла ревность,

если она и Аллертон когда-то были в близких (интимных) отношениях… хотя что-то не верилось. Кроме того, если Аллертон — Х… Я нетерпеливо покачал головой. Все раздумья вели меня в никуда. Мое внимание привлек звук шагов по гравию, донесшийся откуда-то снизу. К дому быстро шел Фрэнклин. Он засунул руки в карманы, набычился. Он был олицетворением уныния. И когда я увидел его таким, захваченным врасплох, меня поразило, насколько несчастным он выглядел.

Я так пристально уставился на него, что не услышал других шагов, ближе, и, вздрогнув, повернулся, когда со мной заговорила мисс Коул.

— Я не слышал, когда вы подошли, — извиняющимся тоном пояснил я, вскакивая на ноги.

Она осматривала беседку.

— Что за викторианский реликт!

— Разве? Боюсь, она вся обросла паутиной. Садитесь. Я стряхну для вас пыль.

Мне подумалось, что сейчас представился отличный шанс узнать одного соседа немного лучше. Я украдкой изучал ее, одновременно сметая паутину.

Ей было между тридцатью и сорока годами, она выглядела какой-то изможденной, у нее был четкий профиль, без преувеличения прекрасные

глаза. Она была какой-то сдержанной… и, что больше, подозрительной. Неожиданно мне подумалось, что она много настрадалась и поэтому не доверяет жизни. Я решил, что хочу знать немного больше об Элизабет Коул.

— Вот, — сказал я, в последний раз взмахнув носовым платком, — лучше не получится.

— Благодарю вас, — она улыбнулась и села. Я пристроился рядом.

Скамейка зловеще скрипнула, но выдержала.

Мисс Коул спросила:

— Вы мне не скажете, о чем думали, когда я подошла к вам? Вы были так погружены в размышления.

Я медленно ответил:

— Смотрел на доктора Фрэнклина.

— Да?

Я не видел причин, почему бы не повторить ей свою мысль.

— Мне показалось, что он выглядит очень несчастным человеком.

Сидевшая рядом со мной женщина тихо заметила:

— Ну, конечно, он и есть несчастный человек. Вы должны были сразу это понять.

Наверное, я удивился. Слегка запинаясь, про-

бормотал:

— Нет… нет… как-то раньше я не думал. Всегда считал, что он с головой погружен в работу.

— Так и есть.

— И вы считаете, что он несчастен? Я бы сказал, что это наисчастливейшее состояние человеческой души, какое только можно себе представить.

— О да, не стану спорить на сей счет… но если только вам не мешают делать то, к чему лежит душа. Если только вы можете работать на максимум своих способностей.

Я озадаченно посмотрел на нее. Она пояснила:

— Прошлой осенью доктору Фрэнклину предложили выехать в Африку и продолжить исследования там. Он, как вы знаете, жутко проницательный и способный человек и уже сделал первоклассную работу в области тропической медицины.

— И он не поехал?

— Нет. Жена запротестовала. Она сама не могла хорошо перенести африканский климат и в штыки приняла предложение остаться здесь, тем более это значило, что ей придется жить побережливей. Предложенная плата не была высока.

— О, — произнес я и медленно продолжил: —

Наверное, он решил, что не может покинуть ее в таком состоянии.

— Вы много знаете о состоянии ее здоровья, капитан Хэстингс?

— Э… я… нет… Но она же тяжело больна, верно?

— Что уж тут говорить, она наслаждается болезнью, — сухо заметила мисс Коул. Я с сомнением посмотрел на нее. Сразу было понятно, что ее симпатии на стороне мужа.

— Наверное, — медленно начал я, — слабые женщины… склонны к эгоизму?

— Да, думаю, инвалиды… хронические инвалиды необычайно эгоистичны. Может быть, их нельзя винить. Ведь так относиться к ним легче всего.

— Уж не считаете ли вы, что она вообще здорова?

— О, я бы так не сказала. Просто подозрения. Похоже, она всегда делает то, что хочет.

Я минуту-другую поразмышлял в полном молчании. Мне подумалось, что мисс Коул очень хорошо осведомлена о семейных перипетиях жизни Фрэнклинов. Я с любопытством спросил:

— Наверное, вы хорошо знаете доктора Фрэнклина?

Она покачала головой.

— О, нет. Я встречалась с ним только раз или два до того, как приехала сюда.

— Но, похоже, он рассказывал вам о себе?

И снова она покачала головой.

— Нет, то, что я вам сказала, я сама узнала от вашей дочери Джудит.

«Джудит, — с горечью подумал я, — разговаривает со всеми, кроме меня».

Мисс Коул продолжила:

— Джудит ужасно предана своему работодателю и всегда готова его защитить. Она в пух и прах разнесла эгоизм миссис Фрэнклин.

— Вы тоже считаете ее эгоисткой?

— Да, но я могу понять ее точку зрения. Я… я… понимаю тяжело больных людей. Я могу понять и уступчивость доктора Фрэнклина. Джудит, конечно, считает, что он должен где-то, так сказать, припарковать жену и продолжить исследования. Ваша дочь с истинным энтузиазмом относится к науке.

— Знаю, — безутешно сказал я, — иногда меня это так беспокоит. Как-то неестественно, если вы меня понимаете. Мне кажется, ей следует быть… более человечной… весело проводить время… забавляться… влюбиться в хорошего парня, а то

и в двух сразу. В конце концов, молодость как раз для того и существует, чтобы как следует побеситься… а не сидеть целыми днями напролет над пробирками. Неестественно. Когда мы были молоды, вот уж веселились… флиртовали… наслаждались… да вы сами знаете.

Наступило короткое молчание. Потом мисс Коул ответила странным холодным голосом:

— Я не знаю.

Я тотчас пришел в ужас. Сам того не сознавая, я говорил так, словно она и я были сверстниками… но неожиданно понял, что она была лет на десять, а то и больше младше меня и что я нечаянно допустил бестактный промах.

Я весь рассыпался в извинениях. Она прервала мой поток запинающихся фраз.

— Нет, нет, бы не так меня поняли. Пожалуйста, не извиняйтесь. Я имела в виду то, что сказала. *Я не знаю.* У меня никогда не было того, что вы называете молодостью. Я никогда не, как вы выразились, «проводила хорошо время».

Что-то в ее голосе: горечь, обида — озадачили меня. Я неубедительно, но искренне сказал:

— Простите.

Она улыбнулась.

— О, ладно, не имеет значения. Не расстраивай-

тесь так. Давайте поговорим о чем-то другом.

Я повиновался.

— Расскажите мне что-нибудь о других, — попросил я. — Если, конечно, они для вас не незнакомые люди.

— Я всю свою жизнь знаю Латтреллов. Жаль, что им пришлось взяться за Стайлз… особенно жаль его. Он такая дорогуша. И она гораздо лучше, чем вы думаете. Это постоянная экономия и нужда сделали ее такой… хищной. Если пробиваешь дорогу любой ценой, то в конце концов такая тактика принесет свои плоды. Единственное, что мне в ней не нравится, так это ее фонтанные словоизлияния.

— Расскажите мне что-нибудь о мистере Нортоне.

— Про него мало что можно сказать. Он очень хороший… робкий… и, может быть, немного глупый. Он всегда был утонченной натурой. Жил со своей матерью… сварливой и тупой женщиной. Думаю, сидел у нее под каблуком. Она умерла несколько лет назад. Он страшно любит птиц, цветы и тому подобное. Он очень добрый человек… и многое видит.

— Вы имеете в виду, в бинокль?

Мисс Коул улыбнулась.

— Не так буквально. Я имела в виду, что он многое *замечает.* Спокойные люди очень часто бывают цепкими. Он неэгоистичен и невероятно деликатен для мужчины, но какой-то… безрезультатный, если вы меня понимаете.

Я кивнул.

— О да, понимаю.

Элизабет Коул неожиданно сказала с более глубокой ноткой горечи в голосе:

— Вот что больше всего подавляет в таких местах. Гостиницы, принадлежащие сломанным жизнью дворянам. Там останавливаются лишь неудачники… люди, которые ничего не добились и никогда не добьются, люди… которых разбила, сломала жизнь, старые, усталые люди, для которых все кончено.

Ее голос замер. Глубокая печаль опустилась на меня. Как она права? Вот мы, призраки белых людей. *Седые головы, седые сердца, седые мечты.* Я сам, грустный и одинокий, женщина, сидящая рядом, — полное горечи разочарованное создание. Амбиции доктора Фрэнклина разбиты, его жена тяжело больна. Тихий маленький Нортон хромает по округе, наблюдая за птицами. Даже Пуаро, когда-то блестящий Пуаро, сейчас усталый, искалеченный старик.

Как иначе все было в прошлом… в прошлом, когда я впервые приехал в Стайлз. Я не выдержал… приглушенное восклицание боли и горечи сорвалось с моих губ.

Собеседница быстро спросила:

— Что случилось?

— Ничего. Меня просто поразил контраст… знаете, я был здесь много лет назад, еще молодым человеком. Я думал о том, как все было иначе тогда и каким стало теперь.

— Понимаю. Значит, раньше этот дом был счастливым? Все жившие в нем люди были счастливы?

Странно, как иногда мысли человека проносятся в голове, словно узоры калейдоскопа. Так было и тогда. Озадаченно, снова и снова я тасовал воспоминания и события. И, наконец, мозаика сложилась в правильный рисунок.

Я сожалел о прошлом как о прошлом, но не как о реальности. Даже тогда, давно, в Стайлзе не было счастья. Я бесстрастно вспомнил истинные факты. Мой друг Джон и его жена, оба несчастные и злящиеся на жизнь, которую вынуждены вести… Лоуренс Кавендиш, погруженный в меланхолию. Синтия, чью девичью живость омрачало зависимое положение. Ингльторп, женившийся на

богатой женщине ради денег.

Нет, никто из них не был счастлив. И сейчас, снова среди живущих здесь людей нет ни одного счастливого человека. Стайлз — Несчастливый дом.

Я сказал мисс Коул:

— Я поддался ложным сентиментам. Этот дом никогда не был счастливым. И сейчас он несчастлив. Все живущие в нем несчастны.

— Нет, нет. Ваша дочь…

— Джудит несчастлива.

Я сказал очень уверенно, потому что неожиданно понял. Да, Джудит несчастлива.

— Бойд Кэррингтон, — с сомнением произнес я. — На днях он говорил мне, что одинок… но, несмотря ни на что, думаю, он наслаждается жизнью… и своим домом, и многим другим.

Мисс Коул резко отозвалась:

— О да, сэр Уильям другой. Он не принадлежит к нашему кругу. Он — из другого мира… из мира успеха и независимости. Он прожил жизнь успешно и это знает. Он не из… не из числа, покалеченных.

Какое странное слово она выбрала. Я повернулся и уставился на нее.

— Не скажете ли вы мне, — спросил я, — почему

вы использовали такое выражение?

— Потому что, — с неожиданной яростью, и энергией заявила она, — такова правда. Во всяком случае, правда обо мне. Я — покалеченная.

— Я могу понять, — мягко заметил я, — что вы были очень несчастны.

Она тихо сказала;

— Вы не знаете, кто я такая, не так ли?

— Э… мне известна ваша фамилия…

— Коул — не моя фамилия… то есть это фамилия моей матери. Я взяла ее… после…

— После?

— Моя настоящая фамилия Литчфилд.

Минуту-другую до меня не доходил смысл ее слов… просто мне показалось, что эту фамилию я уже где-то слышал. Потом я вспомнил:

— Мэттью Литчфилд.

Она кивнула.

— Вижу, вы знаете. Вот что я имела в виду. Мой отец был больным человеком и настоящим тираном. Он запрещал нам вести нормальную жизнь. Мы не могли никого пригласить в гости. Он не давал нам денег. Мы жили… в тюрьме.

Она помолчала. Ее глаза, эти прекрасные темные глаза, широко раскрылись.

— И потом моя сестра… моя сестра..

Она смолкла.

— Пожалуйста, не надо… не продолжайте. Вам слишком больно говорить. Я все знаю. Нет нужды пояснять.

— Но вы не знаете. Вы просто не можете знать. Мэгги. Непостижимо… невероятно. Я знаю, что она пошла в полицию, что сдалась и призналась. Но иногда я не могу поверить! Я почему-то чувствую, что это неправда… что не… не могло все произойти так, как она сказала.

— Вы имеете в виду… — я заколебался, — … что факты противоречили…

Она оборвала меня.

— Нет, нет. Дело не в этом. Нет, все в самой Мэгги. Это было *непохоже* на нее. Это была не… это была не *Мэгги!*

С моих губ чуть было не сорвались слова, но я удержался, не произнес их. Еще не пришло время, когда я смог сказать ей: «Вы правы. *Это была не Мэгги…*»

Глава девятая

Должно быть, было часов шесть, когда на тропинке появился полковник Латтрелл. У него в руках была мелкокалиберная винтовка, и он нес пару подстреленных лесных голубей.

Он вздрогнул, когда я его окликнул, и, казалось, удивился, увидев нас.

— Хэлло, что это вы здесь делаете? Знаете, развалина не очень-то безопасная. На глазах рассыпается. Вот-вот рухнет вообще. Надеюсь, вы там не испачкались, Элизабет?

— О, все в порядке. Капитан Хэстингс пожертвовал своим носовым платком ради чистоты моего платья.

Полковник рассеянно пробормотал:

— Да? Что ж, тогда прекрасно.

Он стоял, дергая себя за ус, и мы встали и присоединились к нему. Казалось, сегодня вечером его мысли были где-то далеко-далеко.

Наконец он пробудился от размышлений и сказал:

— Пытался перестрелять чертовых лесных голубей. Представить себе не можете, сколько от

них убытков.

— Я слышал, вы отличный стрелок, — сказал я ему.

— А? Кто вам сказал? О, Бойд Кэррингтон. Было когда-то… был когда-то. Сейчас-то хуже. Возраст есть возраст.

— Зрение, — предположил я.

Он сразу же отверг мою версию.

— Чепуха. Зрение ничуть не хуже. Ну, конечно… приходится читать в очках. Но дальнозоркость в полном порядке.

Он повторил через одну-две минуты:

— Да… в полном порядке. Не то чтобы это имело значение…

Его голос замер, превратившись в рассеянное бормотанье.

Мисс Коул заметила, оглядываясь по сторонам:

— Какой сегодня прекрасный вечер.

Она была совершенно права. Солнце клонилось к западу и изливало богатый оттенками золотой свет, благодаря которому темная листва деревьев словно пылала зеленым огнем. Вечер был тихий и спокойный и очень английский, какой вспоминается в далеких тропических странах. Я высказал свои мысли вслух.

Полковник Латтрелл пылко согласился.

— Да, да, я частенько думал о таких вечерах… в Индии. Сразу начинаешь думать о том, когда выйдешь в отставку и осядешь… верно?

Я кивнул. Он продолжил изменившимся голосом:

— Да, осядешь… вернешься домой… ничего никогда не бывает таким, как себе представляешь… нет… нет.

Я подумал, что, вероятно, эти слова особенно верны в его отношении. Он никогда и представить себе не мог, что станет хозяином гостиницы, будет пытаться извлечь из нее доход и что его постоянно будет изводить придирчивая жена, а он попросту жаловаться.

Мы медленно направились к дому. Нортон и Бойд Кэррингтон сидели на веранде; полковник и я присоединились к ним, мисс Коул же вошла в дом. Мы поболтали несколько минут. Казалось, полковник Латтрелл немного приободрился. Он даже раза два пошутил и был гораздо бодрее, чем обычно.

— Ну и жаркий выдался денек, — заметил Нортон. — Страшно хочу пить.

— У меня есть что выпить, парни. В доме, а? — Полковник говорил энергично и весело.

Мы поблагодарили его и приняли предложе-

ние. Он встал и скрылся в доме.

Та часть террасы, где сидели мы, располагалась как раз напротив окна столовой, и это окно было открыто.

Мы слышали, как полковник двигается по комнате… открывает буфет, потом раздался визг штопора и приглушенный хлопок — из бутылки выскочила пробка.

И затем прозвучал резкий высокий голос миссис Латтрелл:

— Что ты делаешь, Джордж?

Полковник что-то забормотал. Мы только слышали отрывки промямленных фраз: «…друзья в саду… выпить…».

Прогремел резкий, раздраженный, полный негодования голос:

— Ты не сделаешь ничего подобного, Джордж. Это надо же додуматься! Как ты считаешь, мы сможем добиться дохода, если будем предлагать выпивку всем и каждому? Здесь за вино будут платить. У *меня* есть способности к бизнесу, которых у тебя нет. Да ты завтра же оказался бы банкротом, если бы не я! Мне приходится следить за тобой, как за ребенком. Да, как за ребенком. У тебя ни на грош нет здравого смысла. Отдай мне бутылку. Отдай мне ее, я тебе говорю.

И снова раздалось мучительное, низкое, протестующее, невнятное бормотанье.

Миссис Латтрелл сварливо ответила:

— Мне наплевать. Бутылка вернется в буфет, и я его запру.

Раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

— Вот так, я не позволю тебе творить глупости.

На сей раз голос полковника прозвучал более ясно.

— Ты заходишь слишком далеко, Дэйзи. *Я не потерплю.*

— *Ты* не потерпишь? А кто ты такой, хотела бы я знать? Кто управляет домом? Я. И не забывай об этом.

До нас донесся шорох ткани — по-видимому, миссис Латтрелл выпорхнула из комнаты.

Через несколько минут появился полковник. И за прошедшие минуты он стал выглядеть гораздо старше и дряхлее.

Вряд ли кто из нас не почувствовал к нему жалости и вряд ли кто не испытал желания убить миссис Латтрелл.

— Уж простите меня, ребята, — сказал он скованным, неестественным голосом. — Виски кончилось.

Он, должно быть, понял, что мы волей-неволей услышали их разговор. А если и не понял, то вскоре догадался по нашему поведению. Мы все чувствовали себя жутко неловко, и Нортон совсем потерял голову и сначала торопливо затараторил, что он на самом деле и не хотел выпить… и так вот-вот обед, а потом неуклюже попытался сменить тему разговора и произнес целую серию никак друг с другом не связанных замечаний. По правде говоря, момент был кошмарный. Я сам был словно парализован, и Бойд Кэррингтон, единственный в нашей компании человек, который мог бы сгладить ситуацию, никак не мог вставить и слова из-за лепета Нортона.

Краем глаза я заметил миссис Латтрелл, шествующую по одной тропинке, экипированную садовыми перчатками и приспособлением для прополки одуванчиков. Разумеется, она была деловой женщиной, но тогда я страшно на нее злился. Ни у одного человека нет права унижать другого.

Нортон по-прежнему возбужденно что-то верещал. Он взял лесного голубя и, начав с рассказа, как его однажды подняли на смех в подготови-

тельной школе[40], когда его затошнило при виде убитого кролика, перешел к охоте на шотландских куропаток, изложив длинную и довольно бессмысленную историю о том, как однажды в Шотландии застрелили загонщика.

Мы перешли на различные инциденты, связанные с охотой, и потом Бойд Кэррингтон прочистил горло и заявил:

— Забавная штука случилась однажды с моим денщиком. Он был ирландец. У него был отпуск, и он уехал в Ирландию. Когда вернулся, я спросил его, хорошо ли он провел отдых.

«А, кинешно, ваша честь, лучшего отдыха у мине за всю жисть не было!» — «Я рад», — сказал я, удивившись его энтузиазму. — «А, да, кинешно, отдых так отдых! Я застрелил своего брата». — «Ты застрелил своего брата!» — воскликнул я. — «А, да, шо верно, то верно. Я давненько хотел. И вот я был на крыше, в Дублине, и хто бы вы думали шел по улице — мой брат, а я тута, и с винтовкой в руке. Ну и выстрел же был, пущай я сам так говорю. Срезал его, словно пташку. А! Шо был за момент, я никогда его не забуду!»

---

[40] Примечания: 40

Частное заведение, обычно школа-интернат для мальчиков от 8 до 13 лет, готовит учащихся к поступлению в привилегированную частную среднюю школу.

Бойд Кэррингтон рассказал историю прекрасно, с преувеличенными драматическими ударениями, и мы все рас смеялись и почувствовали себя легче. Когда он встал и пошел в дом, сказав, что должен принять ванну перед обедом, Нортон выразил наши общие чувства, с энтузиазмом заметив:

— Какой прекрасный человек!

Я согласился, и Латтрелл сказал:

— Да, да, хороший парень.

— Всегда во всем добивался успеха, — продолжил Нортон. — Все, ж чему прикладывал руку, шло успешно. Здравомыслящий, твердо знает, чего хочет… по существу — истинный человек действия.

Латтрелл медленно произнес:

— Есть такие люди. Во всем добиваются успеха. Они не могут ошибиться. Некоторым… достается вся удача.

Нортон быстро закачал головой.

— Нет, нет, сэр. Не удача. — Он многозначительно процитировал: «Не в наших звездах, дорогой Брут… но в нас самих».[41]

Латтрелл ответил:

---

[41] Примечания: 41
У. Шекспир. «Юлий Цезарь».

— Может быть, вы правы.

Я быстро вставил:

— Во всяком случае, ему повезло унаследовать Кнэттон. Что за поместье! Но ему обязательно нужно жениться. А то так ему будет тоскливо и одиноко.

Нортон засмеялся.

— Жениться и осесть? И предположим, жена будет его задирать…

Вот уж неудача, так неудача. Конечно, в его замечании не было ничего особенного. Но оно оказалось таким неуместным в данных обстоятельствах, и Нортон понял это как раз в тот момент, когда с его губ сорвались слова. Он попытался остановиться, заколебался, начал запинаться и неловко смолк, тем самым еще больше ухудшив ситуацию.

И он, и я начали говорить одновременно. Я сделал какое-то идиотское замечание насчет вечернего света. Нортон сказал, что было бы неплохо сыграть после обеда в бридж.

Полковник Латтрелл не обратил на нас внимания. Он произнес странным и невыразительным голосом.

— Нет. Жена не будет задирать Бойда Кэррингтона. Он не из тех, кто *позволит* себя задирать.

Он — в полном порядке. Он — *мужчина!*

Ситуация была очень неловкая. Нортон вновь залепетал о бридже. И вот посреди его фразы большой лесной голубь, хлопая крыльями, пролетел над нашими головами и уселся на ветку растущего неподалеку дерева.

Полковник Латтрелл взял свое ружье.

— Вот еще один вредитель, — заметил он.

Но перед тем, как он успел прицелиться, птица опять взлетела и скрылась за деревьями, так что ее уже было невозможно подстрелить. И в тот самый момент внимание полковника привлекло какое-то движение на дальнем склоне.

— Черт возьми, кролик общипывает кору молодых фруктовых деревьев. Я-то думал, что обнес то место проволокой.

Он поднял винтовку и выстрелил, и я увидел…

Раздался женский визг. Он замер, превратившись в какое-то ужасное бульканье. Ружье выпало из руки полковника, его тело обмякло… он закусил губу.

— Боже мой… это Дэйзи.

Я уже мчался по лужайке. Нортон следовал за мной по пятам. Я добрался до миссис Латтрелл и склонился над ней. Она стояла на коленях, привязывая колышек к одному фруктовому деревцу,

когда полковник выстрелил. Трава здесь была высокая, так что я понял, почему Латтрелл не увидел ее, а лишь различил движение в траве. Свет тоже был тусклый. Пуля попала ей в плечо, и кровь лилась из раны. Я осмотрел ее и взглянул на Нортона. Он прислонился к дереву и весь позеленел, казалось, его вот-вот стошнит. Он сказал извиняющимся тоном:

— Не выношу крови…

Я резко рявкнул:

— Идите, найдите Фрэнклина… живо. Или сиделку.

Он кивнул и убежал.

Первой на сцене появилась сестра Крейвен. Она прибыла на место в невероятно короткий срок и сразу же деловито принялась останавливать кровотечение. Вскоре прибежал и Фрэнклин. Поддерживая с двух сторон миссис Латтрелл, они отвели ее в дом и уложили на кровать. Фрэнклин обработал и перевязал рану и отправился за лечащим врачом миссис Латтрелл. Сестра Крейвен осталась с ней.

Я наткнулся на Фрэнклина как раз в тот момент, когда он положил трубку.

— Как она?

— О! Очухается. К счастью, не задет ни один

важный орган. Как все произошло?

Я рассказал. Он заметил:

— Понятно. Где старик? Он будет чувствовать себя, словно после нокаута. Что ж, ничего удивительного. Вероятно, ему требуется больше внимания с ее стороны… Сердце у него никуда не годится.

Мы нашли полковника Латтрелла в курительной. У него были посиневшие губы и совершенно ошеломленный вид. Он судорожно спросил:

— Дэйзи. Она… как она?

— Она будет в полном порядке, сэр. Не нужно беспокоиться.

— Я… думал… кролик… общипывает кору… не знаю, как я смог так ошибиться. Свет бил в глаза.

— Такое случается, — сухо заметил Фрэнклин. — Я видел один-два подобных инцидента. Послушайте, сэр, позвольте-ка дать вам тоник. Вы не очень-то хорошо себя чувствуете.

— Я в порядке. Могу я… могу я пойти к ней?

— Не сейчас. С ней сестра Крейвен. Но не беспокойтесь, она в полном порядке. Вскоре придет доктор Оливер, и он скажет вам то же самое.

Я оставил их вдвоем и вышел в сад, залитый светом садящегося солнца. По тропинке мне навстречу шли Джудит и Аллертон. Он наклонился

к ней, и они оба смеялись.

Видимо, сыграла роль произошедшая трагедия, но я жутко разозлился. Я резко окликнул Джудит, и она удивленно подняла на меня глаза. Несколькими словами я поведал им о случившемся.

— Какой необычный инцидент, — прокомментировала моя дочь.

Похоже, подумал я, она не озабочена, как следовало бы.

Аллертон же повел себя вообще возмутительно. Он воспринял случившееся как хорошую шутку.

— Так старой карге и надо, — заметил он. — Думаю, старина пальнул в нее специально.

— Разумеется, нет, — резко возразил я. — Это всего лишь несчастный случай.

— Да, но я знаю такие несчастные случаи. Иногда они происходят в чертовски подходящий момент. Честное слово, если старик стрелял в нее с умыслом, я снимаю перед ним шляпу.

— Ничего подобного, — сердито прорычал я.

— Не будьте слишком самоуверенны. Я знавал двух человек, которые застрелили своих жен. Один прочищал револьвер. Другой выстрелил в нее в упор, якобы в шутку, как сам сказал. Не знал, что оружие заряжено. И оба вышли сухими из воды. Чертовски хорошо отделались от своих

гарпий.

— Полковник Латтрелл, — холодно заметил я, — не из таких людей.

— А разве нельзя сказать, что он был бы счастлив, отделавшись от нее? — очень к месту потребовал Аллертон. — Они случайно не поссорились?

Я сердито отвернулся, в то же самое время пытаясь скрыть смятение. Слишком уж близко к цели был Аллертон. Впервые в мои мысли вкралось сомнение.

Его не развеяла встреча с Бойдом Кэррингтоном. Он пояснил, что решил прогуляться к озеру. Когда я сообщил ему новости, он сразу сказал:

— Вы не думаете, что он намеревался ее застрелить, а, Хэстингс?

— Милостивый государь!

— Простите, простите. Не следовало так говорить. Только вот мысль промелькнула… просто интересно… Она… она его не худо спровоцировала.

Мы оба помолчали минуты полторы, вспоминая невольно подслушанную сцену.

Чувствуя себя несчастным и терзаясь беспокойством, я постучал в дверь Пуаро.

Он уже слышал от Кертиса о случившемся,

но с нетерпением ожидал детального отчета. Прибыв в Стайлз, я уже привык докладывать ему ежедневно о своих встречах и разговорах во всех подробностях. Я считал, что благодаря этому дорогой старина чувствует себя менее отрезанным от внешнего мира. У него создавалась иллюзия, что он действительно принимает участие во всех событиях. Память у меня всегда была хорошей и точной, и мне не составляло никакого труда повторять разговоры почти слово в слово.

Пуаро слушал очень внимательно. Я надеялся, что он сможет раз и навсегда развеять ужасное подозрение, которое сейчас завладело моим умом, но перед тем, как он успел высказать свое мнение, раздался тихий стук в дверь.

То была сестра Крейвен. Она извинилась за беспокойство.

— Простите, но я думала, что доктор здесь. Старая дама пришла в себя и беспокоится о муже. Она хотела бы его видеть. Вы не знаете, где он, капитан Хэстингс? Не хочу оставлять свою пациентку.

Я вызвался его разыскать. Пуаро кивнул в знак одобрения, и сестра Крейвен тепло меня поблагодарила.

Я нашел полковника Латтрелла в маленькой

утренней комнате, которая использовалась редко. Он стоял у окна, выглядывая в сад. Когда я вошел, он резко повернулся. В его глазах застыл немой вопрос. Я подумал, что он боится.

— Ваша жена пришла в себя, полковник Латтрелл, и зовет вас.

— О! — на его щеках вспыхнул румянец, и я понял, каким бледным он был.

Он сказал медленно, неуверенно, словно старый-престарый человек:

— Она… она… зовет меня? Я… я приду… немедленно.

Он таким нетвердым шагом зашаркал к двери, что я бросился помочь ему. Он тяжело облокотился о меня, когда мы поднимались по лестнице. Дышал он с трудом. Шок, как и предсказывал Фрэнклин, был сильным.

Мы подошли к двери комнаты, где находилась больная. Я постучал, и живой деловой голос сестры Крейвен ответил:

— Войдите.

Так и поддерживая старика, я вошел с ним в комнату. Вокруг кровати была натянута ширма. Мы обогнули ее.

Миссис Латтрелл выглядела очень больной… бледной и хилой. Она лежала, закрыв глаза. Когда

мы очутились возле кровати, она их открыла.

Она сказала тоненьким слабым голосом:

— Джордж… Джордж…

— Дэйзи… моя дорогая…

Одна рука ее была перевязана. Другая, здоровая, нетвердо двинулась к нему. Он сделал шаг вперед и схватил ее маленькую хрупкую руку. Он снова сказал:

— Дэйзи… — и потом как-то грубовато: — Слава Богу, ты в полном порядке.

И, глядя на него, видя его затуманившиеся глаза и застывшие в них любовь и тревогу, я страшно устыдился наших мерзких предположений.

Я тихо покинул комнату. Закамуфлированный несчастный случай, это надо же додуматься! В его идущих от самого сердца словах не было и намека на неискренность. Я жутко обрадовался. Когда шел по коридору, меня чуть не напугал звук гонга. Я совсем забыл о времени. Инцидент расстроил все. Только повариха продолжала работать, как всегда, и в обычное время подала обед.

Никто не переодевался, и полковник Латтрелл вообще не появился. Но миссис Фрэнклин сразу же спустилась вниз. Она выглядела очень привлекательной в бледно-розовом платье и, похоже, отлично себя чувствовала и была в прекрасном

настроении. Фрэнклин же, подумал я, был угрюмый и поглощенный собственными мыслями.

После обеда, к моей досаде, Аллертон и Джудит исчезли в саду. Я посидел немного, слушая разговор Фрэнклина и Нортона о тропических болезнях. Нортон был сочувствующим и заинтересованным слушателем, даже если и плохо разбирался в теме беседы.

Миссис Фрэнклин и Бойд Кэррингтон разговаривали в другом углу комнаты. Он показывал ей какие-то образцы то ли занавесок, то ли кретона.

Элизабет Коул сидела с книгой и, казалось, полностью была ею поглощена. Я решил, что она немного смущалась и чувствовала себя как-то неловко в моей компании. Наверное, в этом не было ничего неестественного, если учитывать ее дневные исповеди. Мне все-таки было жаль, что так получилось, и я надеялся, что она не раскаивается, что доверилась мне. Я бы хотел дать ей честно понять, что с уважением отношусь к ее признаниям и никому их не передам. Однако она не дала мне шанса. Посидев еще немного, я встал и поднялся к Пуаро.

У него был полковник Латтрелл, который сидел в круге света, льющегося из маленькой электрической лампы.

Он говорил, и Пуаро слушал. Думаю, полковник больше обращался к самому себе, нежели к нему.

— Я так хорошо помню… да, это было на охотничьем балу. На ней было платье из белой ткани, кажется, ее называют тюль. Оно прямо-таки плыло вокруг нее. Она была такой хорошенькой девушкой. Видя ее, я начинал смущаться. И я сказал себе: «На этой девушке я женюсь». И, клянусь Юпитером, я добился ее руки. Ох, как же очаровательно она себя вела… Дерзила, знаете ли, и веселая была, и ответ у нее всегда на все находился. Никогда не смалчивала, черт бы ее побрал.

Он хихикнул.

У меня перед глазами появилась эта сцена. Я смог представить себе Дэйзи Латтрелл с юным дерзким лицом и острым языком… такую тогда очаровательную и грозящую превратиться с годами в сварливую старуху.

Но ведь сегодня вечером полковник Латтрелл думал о той юной девушке, о своей первой любви. О своей Дэйзи.

Я снова устыдился за то, что мы говорили всего несколько часов назад. Конечно, когда полковник Латтрелл, наконец, отправился в постель, я выпалил Пуаро все начистоту.

Он выслушал меня очень спокойно. Мне ничего не удалось понять по выражению его лица.

— Так вот, значит, что вы думали, Хастингс… что выстрел был преднамеренным?

— Да. Сейчас я стыжусь…

Пуаро отмахнулся от моих нынешних чувств.

— Эта мысль появилась у вас сама или кто-то на нее навел?

— Аллертон сказал что-то в этом роде, — возмущенно заметил я. — Конечно, подобные мысли в его духе.

— Кто-нибудь еще?

— Бойд Кэррингтон высказал такое предположение.

— А! Бойд Кэррингтон.

— И, в конце концов, он человек светский, и в подобных вопросах у него есть кое-какой опыт.

— О, совершенно верно, совершенно верно. Однако он не видел, как все произошло?

— Нет, он ушел прогуляться. Решил подышать свежим воздухом, а потом уж переодеться перед обедом.

— Понятно.

Я обеспокоенно сказал:

— Конечно, я этой версии не верю. Она лишь…

Пуаро прервал меня.

— Не нужно испытывать раскаяния по поводу подозрений, Хэстингс. В данных обстоятельствах такая идея могла прийти на ум любому. О да, здесь нет ничего неестественного.

В манерах Пуаро было что-то, что я не совсем понял. Какая-то странная сдержанность. В его глазах застыло любопытное выражение.

Я медленно сказал:

— Возможно. Но, видя сейчас, как он ей предан…

Пуаро кивнул.

— Точно. Вспомните, такое часто бывает. Под ссорами, непониманием, кажущейся враждебностью скрывается настоящая, истинная любовь.

Я согласился. Я вспомнил нежный любящий взгляд маленькой миссис Латтрелл, когда она смотрела на своего склонившегося над постелью мужа. Никакого уксуса, нетерпения или раздражительности.

«Супружеская жизнь, — размышлял я, ложась спать, — прелюбопытная штука». Что-то в манерах Пуаро смутно меня беспокоило. Этот странный наблюдательный взгляд… словно он ждал, когда я пойму… что? Я уже ложился в кровать, когда меня осенило. Мысль прямо ударила меня между глаз.

Если бы миссис Латтрелл была убита, то дело было бы таким же, как и остальные. Было бы ясно, что полковник Латтрелл убил жену. Ее смерть приписали бы несчастному случаю, но, однако, никто не был бы уверен: то ли это несчастный случай, то ли преднамеренное преступление. Недостаточно доказательств, чтобы вынести вердикт — убийство, но вполне достаточно, чтобы пробудить такие подозрения.

Но значит… значит…

Что это значит?

Значит… если в случившемся есть хоть капля здравого смысла… стрелял в миссис Латтрелл не полковник Латтрелл, а Х. Но такое невозможно. Я все видел собственными глазами. Стрелял полковник Латтрелл. Другого выстрела не было.

Если не… Но, конечно, такое просто невозможно… Нет, не так уж невозможно… просто очень маловероятно. Но возможно… да… Предположим, что кто-то поджидал момента и в этот самый миг, когда выстрелил полковник Латтрелл (в кролика), другой человек выстрелил в миссис Латтрелл. Тогда слышно было только один выстрел. Или даже если они чуть-чуть не совпали, несоответствие приписали бы эху (ну, конечно, было эхо, как это я сразу не вспомнил).

Но нет, что за абсурд. Есть способы точно установить, из какого оружия был произведен выстрел. Метки на пуле должны совпадать с резьбой на стволе ружья.

Но, вспомнил я, такое бывает только в тех случаях, когда полиции требуется установить, из какого именно оружия был произведен выстрел. А полковник Латтрелл был бы совершенно уверен, как и все остальные, что роковой выстрел на его совести. Факт приняли бы без вопросов, и никто бы в нем не сомневался, и никому бы в голову не пришло проводить экспертизу. Сомнения возникли бы только по тому поводу: был ли выстрел случайный или преднамеренный, но эту проблему никогда бы не решили.

И посему случай вставал в ряд с другими… с делом работника Риггза, который не помнил, но считал, что совершил убийство, с делом Мэгги Литчфилд, которая сошла с ума и призналась в преступлении, которого не совершала.

Да, дело вставало в один ряд с другими, и теперь я понял смысл поведения Пуаро. Он ждал, когда я это пойму.

Глава десятая

I

На следующее утро я заговорил с Пуаро на сей счет. Его лицо сразу засияло, и он оценивающе кивнул головой.

— Превосходно, Хэстингс. Мне было интересно, заметите ли вы сходство. Понимаете, я не хотел вам подсказывать.

— Значит, я прав. Это дело рук Х?

— Бесспорно.

— Но *почему*, Пуаро? Что за мотив?

Пуаро покачал головой.

— Вы не знаете? У вас нет никакой идеи на сей счет?

Пуаро медленно сказал:

— У меня есть идея… да.

— Вы установили связь между всеми случаями?

— Думаю, что да.

— Но тогда…

Я с трудом сдерживал нетерпение.

— Нет, Хэстингс.

— Но я должен знать.

— Будет гораздо лучше, если вы ничего не узнаете.

— Почему?

— *Положитесь на мое слово.*

— Вы неисправимы, — сказал я. — Искалечены артритом… сидите здесь, совершенно беспомощный. И по-прежнему пытаетесь играть «одной рукой».

— Не считайте, что я играю одной рукой. Ничуть. Напротив, вы прекрасно вписываетесь в картину, принимаете в событиях активное участие, Хэстингс. Вы — мои глаза и уши. Я лишь отказываюсь дать вам потенциально опасную информацию.

— Опасную мне?

— Убийце.

— Вы хотите, — медленно произнес я, — чтобы он не подозревал, что вы напали на его след? Наверное, так. Или же вы считаете, что я не могу о себе позаботиться?

— По крайней мере, вы должны знать одно, Хэстингс. Человек, который убил один раз, убьет снова… снова… и снова, и снова, и снова.

— Во всяком случае, — мрачно заметил я, — на сей раз убийства не было. Хоть одна пуля прошла мимо цели.

— Да, очень удачно… что и говорить, очень удачно. Как я уже замечал, такое трудно предвидеть.

Он вздохнул. На его лице появилось озабоченное выражение.

Я тихо удалился, с горечью поняв, как тяжело дается сейчас Пуаро всякое длительное усилие. Его мозг сохранял былую проницательность, но сам он был больным и усталым человеком.

Пуаро предупредил меня, чтобы я не пытался узнать, кто такой Х. В глубине души я все еще цеплялся за убеждение, что мне удалось разгадать эту тайну. Только один человек из обитателей Стайлза казался мне определенным носителем зла. Простой вопрос помог бы мне удостовериться в одном. Должно быть, тест принесет отрицательный результат, но и он мог оказаться ценным.

После завтрака я взялся за Джудит.

— Где ты была вчера вечером, когда я встретил тебя с майором Аллертоном?

Вся беда в том, что когда думаешь лишь об одной аспекте дела, то начинаешь игнорировать все остальные. Я был просто поражен, когда Джудит набросилась на меня.

— Право, отец, не понимаю, какое тебе до этого дело.

Я ошарашенно уставился на нее.

— Я… я только спросил.

— Да, но *почему?* Почему ты без конца задаешь вопросы? Что я делала? Куда ходила? С кем была? Просто невыносимо!

Самое забавное было в том, что на сей раз я вообще-то не спрашивал, где была Джудит. Меня интересовал Аллертон.

Я попытался умиротворить ее.

— Право, Джудит, не понимаю, почему мне нельзя задать простой вопрос.

— Не понимаю, зачем ты хочешь знать.

— Да не так уж и хочу. Я просто думал… Почему ни ты, ни он… э… не знали о случившемся?

— Ты имеешь в виду несчастный случай? Если тебе так надо знать, могу тебе сообщить, что я была в деревне, покупала марки.

Я ухватился за местоимение.

— Значит, Аллертона с тобой не было?

Джудит раздраженно вздохнула.

— Да, его со мной не было, — ответила она тоном едва сдерживаемой ярости. — Мы встретились неподалеку от дома и через какие-то две минуты увидели тебя. Надеюсь, теперь ты удовлетворен? Но я хотела бы тебе сказать, что если я и проведу целый день, гуляя с майором

Аллертоном, это не твое дело. Мне двадцать один год, я сама зарабатываю себе на жизнь, и как я провожу время, касается только меня.

— Разумеется, — быстро сказал я, пытаясь сдержать всеразрушающий поток.

— Я рада, что ты со мной согласен. — Похоже, Джудит успокоилась. Ее губы скривила печальная полуулыбка. — О, миленький, не старайся быть таким строгим родителем. Ты просто представить себе не можешь, как это сводит с ума. Если бы ты только так не *суетился.*

— Я не буду… в будущем не буду, — пообещал я ей.

В этот момент к нам большими шагами подошел Фрэнклин.

— Привет, Джудит. Идемте. Мы и так уже опоздали.

Говорил он отрывисто и невежливо. Несмотря ни на что, я почувствовал досаду. Я знал, что Фрэнклин был работодателем Джудит, что он имел право использовать ее время и, так как платил ей жалованье, мог ей приказывать. И, однако, я не понимал, почему бы не вести себя с обычной вежливостью. Он вообще не отличался изысканными манерами, но, по крайней мере, к большинству относился хоть мало-мальски

прилично. Но с Джудит, особенно в последнее время, он обращался до крайности резко и повелительно. Разговаривая с ней, он почти на нее не смотрел и приказы прямо-таки вылаивал. Похоже, Джудит на него не обижалась, зато обижался я. Мне подумалось, что его поведение слишком контрастировало с преувеличенным вниманием Аллертона. Несомненно, Джон Фрэнклин был раз в десять лучше Аллертона, но с точки зрения привлекательности не шел с ним ни в какое сравнение.

Я смотрел вслед Фрэнклину, шагавшему по тропинке к лаборатории своей неуклюжей походкой. Разглядывал его угловатую фигуру, выступающие кости черепа, его рыжие волосы и веснушки. Некрасивый мужчина и неуклюжий человек… И никаких выдающихся качеств. Блестящий ум — да, но женщины редко влюбляются в один ум. Я огорченно подумал, что Джудит из-за своей работы никогда не общалась с другими мужчинами. У нее не было возможности составить мнение о разных привлекательных представителях противоположного пола. На фоне грубого и некрасивого Фрэнклина резко выделялось показное очарование Аллертона. У моей бедной девочки не было шанса оценить его по-настоящему.

Предположим, она серьезно в него влюбится. Ее недавняя раздражительность была тревожным сигналом. Я знал, что Аллертон — самый настоящий негодяй. А может, и хуже. Если Аллертон — Х?..

Может быть. В то время, когда прогремел выстрел, он не был с Джудит. Но каков мотив этих, казалось бы, бесцельных преступлений? Я был уверен, что Аллертон ничем не напоминал сумасшедшего. Он был нормальный… совершенно нормальный… и крайне беспринципный человек.

И Джудит… моя Джудит… слишком часто проводила с ним время.

II

До настоящего момента я не слишком беспокоился по поводу дочери, и мысли о Х и могущем совершиться в любой момент преступлении отогнали все личные проблемы на задний план.

Сейчас, после того, как удар был нанесен, когда покушение состоялось и, слава тебе, Господи, провалилось, я мог подумать и над своими делами. И чем больше я думал, тем больше начинал тревожиться. Из случайного разговора, состоявшегося на днях, я узнал, что Аллертон женатый

человек. Бойд Кэррингтон, который знал все обо всех, изложил мне более подробные детали. Жена Аллертона была ревностной католичкой. Она ушла от него вскоре после свадьбы. Но из-за ее религиозных верований и вопроса быть не могло о разводе.

— И если вы меня спросите, — искренне заявил Бойд Кэррингтон, — негодяя это вполне устраивает. Его намерения всегда были бесчестными, и жена на заднем плане превосходно вписывается в картину!

Очень приятно такое выслушивать отцу!

Дни после несчастного случая, на первый взгляд, проходили безо всяких событий, но я все больше и больше беспокоился в глубине души.

Полковник Латтрелл львиную часть времени проводил в спальне жены. К ней была приставлена сиделка, и сестра Крейвен смогла вновь заняться у ходом за миссис Фрэнклин.

Не желая показаться злобным человеком, должен признать, что заметил признаки раздражения в поведении миссис Фрэнклин по поводу того, что теперь она не была en chef[42] больной. Забота и внимание сконцентрировались на мис-

---

[42] Примечания: 42
Главной — *фр.*

сис Латтрелл, а это явно пришлось не по душе маленькой леди, привыкшей к тому, что главным событием дня было ее здоровье.

Она полулежала на складном стуле с парусиновым сиденьем, прижав руку к боку и жалуясь на сильное сердцебиение. Она отвергала чуть ли не всю пищу, и ее требования скрывались под маской терпения.

— Я так ненавижу придавать людям хлопоты, — жалобно прошептала она Пуаро. — Мне так стыдно за свое никудышнее здоровье. Так… так *унизительно* всегда просить людей что-то для тебя сделать. Иногда я думаю, что болезнь — настоящее преступление. Если у тебя нет здоровья и ты слишком чувствителен, то не подходишь для жизни и тебя попросту нужно тихо убрать с дороги.

— О нет, мадам, — Пуаро, как всегда, был сама галантность. — Нежный, экзотический цветок должен произрастать под кровлей теплицы… он не перенесет холодных ветров. Вот обычный сорняк будет расти и зимой… но вряд ли заслуживает из-за этого похвалы. Возьмите, к примеру, меня… искалеченный, скрюченный, неспособный двигаться, но я… я не думаю сдаваться. Я наслаждаюсь, чем могу… пищей, питьем и ин-

теллектуальными удовольствиями.

Миссис Фрэнклин вздохнула и прошептала:

— А, но вы — совсем другое дело. Вам не нужно думать ни о ком, кроме себя. У меня же есть мой бедный Джон. Какое я для него тяжкое бремя! Больная бесполезная жена. Камень на шее.

— Уверен, он никогда бы так не сказал.

— О, не *сказал!* Конечно, нет. Но мужчины, бедняжки, не умеют скрывать своих мыслей. И Джона видно насквозь. Конечно, он не хочет быть нелюбезным, но он… к счастью для себя, очень нечувствительный человек. Он сам ничего не чувствует и считает, что другие такие же. Как повезло тем, кто родился таким толстокожим.

— Я бы не назвал доктора Фрэнклина толстокожим человеком.

— Да? Но вы не знаете его столь же хорошо, как я. Конечно, мне известно, что не будь меня, он был бы намного свободней. Иногда я впадаю в такое глубокое уныние, что думаю: какое было бы облегчение, если бы удалось покончить со всем и вся.

— О, что вы, мадам.

— В конце концов, какой от меня прок? Уйти от всего бренного в Великую Неизвестность… — она покачала головой. — И тогда Джон будет

свободен.

— Великая чепуха, — фыркнула сестра Крейвен, когда я передал ей сей разговор. — Она ничего такого не сделает! Не беспокойтесь, капитан Хэстингс. Те, кто голосом умирающей утки рассуждает о том, как бы «покончить со всем и вся», никогда и не помышляют ни о чем подобном.

И должен сказать, что как только волнение вокруг раны миссис Латтрелл спало, и сестра Крейвен опять вернулась к своей пациентке, настроение миссис Фрэнклин намного улучшилось.

В одно особенно хорошее утро Кертис усадил Пуаро под буковыми деревьями неподалеку от лаборатории. Там было его излюбленное место. Оно было защищено от восточного ветра и здесь не чувствовалось ни малейшего сквозняка. Так что оно вполне устраивало Пуаро, который ненавидел сквозняки и всегда подозрительно относился к свежему воздуху. По правде говоря, он вообще предпочитал находиться в доме, но все же терпел пребывание на открытом месте, конечно, предварительно закутавшись в плед.

Я направился к нему, и когда добрался до того места, из лаборатории вышла миссис Фрэнклин.

Она была одета очень к лицу и выглядела неве-

роятно веселой. Она охотно пояснила, что едет с Бойдом Кэррингтоном посмотреть дом и дать совет знатока насчет выбора кретона.

— Я вчера оставила сумочку в лаборатории, когда разговаривала с Джоном, — пояснила она. — Бедный Джон. Он и Джудит уехали в Тэдкастер… у них кончился какой-то химический реактив.

Она опустилась на скамейку рядом с Пуаро и с комичным выражением лица покачала головой:

— Бедняжки… я так рада, что не имею склонности к науке. В такой прелестный день… их заботы кажутся такими… такими пустыми.

— Вы не должны говорить так в присутствии ученых, мадам.

— Да, конечно. — Ее выражение изменилось. Оно стало серьезным. Она тихо сказала:

— Вы не должны думать, месье Пуаро, что я не восхищаюсь своим мужем. Что вы. По-моему, его жизнь, посвященная работе… потрясающий пример. — Похоже, что миссис Фрэнклин любила играть разные роли. В данный момент она была верной и преклоняющейся перед мужем женой.

Она подалась вперед, пылко положив руку на колено Пуаро.

— Джон, — сказала она, — просто… *святой.*

Иногда я страшно за него боюсь.

Я подумал, что, назвав Фрэнклина святым, она немного переборщила, но Барбара Фрэнклин продолжила с сияющим взором:

— Он сделает все… пойдет на любой риск… ради расширения горизонтов человеческого познания, Как прекрасно, верно?

— Конечно, конечно, — быстро заверил ее Пуаро.

— Вы знаете, иногда, — продолжила миссис Фрэнклин, — я по-настоящему за него нервничаю. Он же ни перед чем не останавливается. Вот сейчас экспериментирует с этим ужасным бобом. Я так боюсь, что он начнет ставить опыты на себе.

— Разумеется, он примет все необходимые меры предосторожности, — заметил я.

Она покачала головой со слабой горестной улыбкой.

— Вы не знаете Джона. Вы когда-нибудь слышали, что он сделал с новым газом?

Я покачал головой.

— Они хотели узнать свойства какого-то нового газа. И Джон вызвался опробовать его на себе. Закрылся в резервуаре, кажется, на тридцать шесть часов… измерял пульс, температуру и дыхание… чтобы посмотреть, какими будут последствия и

одинаковы ли они для животных и для людей. Такой ужасный риск, как потом сказал мне один профессор. Он запросто мог умереть. Но такой уж Джон человек — совсем не обращает внимания на собственную безопасность. Наверное, быть таким просто удивительно, верно? Я бы никогда не набралась храбрости.

— Да, в самом деле, нужно быть очень мужественным человеком, — согласился Пуаро, — чтобы хладнокровно решиться на подобное.

Барбара Фрэнклин сказала:

— Да. Знаете, я ужасно им горжусь, но в то же время и нервничаю. Потому что, видите ли, морские свинки и лягушки годятся лишь до определенного уровня исследований. Потом нужно исследовать реакцию человека. Вот почему я так боюсь, что Джон возьмет и введет себе этот мерзкий боб для испытания, и произойдет нечто ужасное. — Она вздрогнула и покачала головой. Но он только смеется над моими страхами. Знаете, он просто *святой.*

В этот момент к нам подошел Бойд Кэррингтон.

— Привет, Бэбз, ты готова?

— Да, Билл, жду тебя.

— Надеюсь, ты не слишком утомишься.

— Конечно. Сегодня я чувствую себя лучше, чем когда-либо.

Она встала, озарила нас прелестной улыбкой и пошла по лужайке в сопровождении Кэррингтона.

— Доктор Фрэнклин… современный святой… хм, — заметил Пуаро.

— Смена взглядов, — отозвался я. — Но, думаю, это в ее духе.

— Что в ее духе?

— Пробовать себя в разных ролях. Вчера — непонятая, лишенная заботы жена, завтра — готовая к самопожертвованию, страдающая женщина, которая страшится обременить человека. Сегодня поклоняющаяся перед мужем супруга. Вся беда в том, что она всегда слегка перебарщивает.

Пуаро задумчиво произнес:

— Вы считаете миссис Фрэнклин дурой, не так ли?

— Э… я бы так не сказал… но да, не слишком блестящий интеллект.

— А, она не ваш тип.

— А кто же мой тип? — огрызнулся я.

Пуаро неожиданно ответил:

— Откройте рот, закройте глаза и посмотрите, кого ниспошлют вам феи…

Я не смог отпарировать, потому что по траве вприпрыжку бежала сестра Крейвен. Она улыбнулась нам, обнажив свои великолепные зубы, открыла дверь лаборатории, вошла туда и вновь появилась с парой перчаток.

— Сперва носовой платок, потом перчатки… все время что-нибудь забывает, — заметила она, уносясь к ожидавшим ее Барбаре Фрэнклин и Бойду Кэррингтону.

Я подумал, что миссис Фрэнклин была беспомощной женщиной, которая вечно забывает и теряет свои вещи и считает, что все обязаны искать их и возвращать ей как само собой разумеющееся, и даже, как мне показалось, этим гордится. Я слышал, как она часто самодовольно шептала: «Конечно, у меня не голова, а *cumo*».

Я сидел, глядя вслед сестре Крейвен, бегущей по лужайке, до тех пор, пока она не скрылась из виду. Она бежала красиво, у нее было крепкое, прекрасно сложенное тело. Я заметил, поддавшись порыву:

— Наверное, девушка по горло сыта такой жизнью. Здесь и ухода-то мало… только сходи да принеси. Не думаю, что миссис Фрэнклин слишком внимательна или добра.

Ответ Пуаро вызвал у меня жуткую досаду.

Неизвестно по какой причине он закрыл глаза и прошептал:

— Каштановые волосы.

Конечно, у сестры Крейвен были каштановые волосы, только не понимаю, почему Пуаро выбрал эту самую минуту, чтобы прокомментировать сей факт.

Я не ответил.

Глава одиннадцатая

Думаю, именно на следующее утро перед ленчем состоялся разговор, который, сам не знаю почему, меня обеспокоил.

Нас было четверо — Джудит, я, Бойд Кэррингтон и Нортон.

Не уверен, с чего точно все началось, но мы разговорились об эвтаназии… кто был «за», а кто «против».

Бойд Кэррингтон, что совершенно естественно, говорил больше всех. Нортон вставлял слово то тут, то там, а Джудит сидела молча, но слушала очень внимательно.

Я признался, что хотя с первого взгляда такое вроде бы следует практиковать, но в действительности испытывал к подобному способу ухода из жизни сентиментальное отвращение. Кроме того, сказал я, по-моему, эвтаназия давала слишком много власти родственникам.

Нортон согласился со мной. Он добавил, что, по его мнению, эвтаназию следовало бы применять только по желанию самого пациента, когда в смертельном исходе после мучительных страда-

ний не было никаких сомнений.

Бойд Кэррингтон заметил:

— Но… вот это очень любопытно. Разве человек может пожелать, как говорится, «избавиться от страданий»?

Затем он рассказал одну историю, которая, как заверил нас, была подлинной, о человеке, страдавшем от невыносимых болей, вызванных неоперабельным раком. Этот человек умолял своего лечащего врача «дать ему что-то, чтобы со всем покончить». Доктор ответил: «Не могу, старина». Позднее, уходя, он оставил пациенту таблетки морфия, тщательно разъяснив, сколько он может принять и не отравиться и какая доза опасна. Хотя они и были оставлены пациенту, и он безо всякого труда мог принять роковую дозу, ничего подобного не сделал, «таким образом доказав, — заключил Бойд Кэррингтон, — что, несмотря на свои слова, человек предпочитает страдания быстрой и легкой смерти».

И вот тогда-то Джудит заговорила в первый раз, заговорила энергично и резко.

— Конечно, — заявила она. — Просто решать должен не он.

Бойд Кэррингтон спросил, что она имеет в виду.

— Я хочу сказать, что у любого слабого человека… страдающего от болезни… нет сил решать. Он не может, и посему решать следует за него. Долг любящих его людей принять такое решение.

— Долг? — с сомнением осведомился я.

Джудит повернулась ко мне.

— Да, *долг.* Долг человека в ясном уме, который сможет взять на себя ответственность.

Бойд Кэррингтон покачал головой.

— И кончить на скамье подсудимых, выслушивая обвинение в убийстве?

— Не обязательно. Во всяком случае, если кого-то любишь, то можно и рискнуть.

— Но послушайте, Джудит, — сказал Нортон. — Вы предлагаете, чтобы люди брали на себя ужасающую ответственность.

— Я так не считаю. Люди слишком боятся ответственности. Но они же ничего не страшатся в тех случаях, где речь идет о собаке… так что же мешает им в делах человеческих?

— …По-моему, здесь есть разница, верно?

Джудит сказала:

— Да, они более важны.

Нортон прошептал:

— Вы меня пугаете.

Бойд Кэррингтон полюбопытствовал:

— Так *вы* бы рискнули, а?

— Думаю, да, — ответила Джудит. — Я не боюсь рисковать.

Бойд Кэррингтон покачал головой.

— Такого нельзя позволять. Нельзя же, чтобы здесь, там и тут люди брали закон в свои руки. Решали дела жизни и смерти.

Нортон заметил:

— По правде говоря, Бойд Кэррингтон, у большинства просто не хватило бы нервов взять на себя такую ответственность.

И, глядя на Джудит, он слабо улыбнулся.

— И у вас тоже, по-моему, не хватит сил, если дойдет до дела.

Джудит спокойно сказала:

— Конечно, откуда знать наверняка. Но думаю, у меня выдержки достаточно.

Нортон заметил со слабым огоньком в глазах:

— Разумеется, если только вам надо будет заточить свой топор.[43]

Джудит разгоряченно покраснела. Она резко ответила:

— Ваши слова попросту показывают, что вы вообще ничего не понимаете. Если бы у меня

---

[43] Примечания: 43

Мотивы будут корыстными — идиома, *англ.*

был… личный мотив, я не смогла бы сделать ничего. Разве вы не видите? — она обратилась к нам. — Такие дела должны решаться безо всяких персональных причин. Можно взять на себя ответственность за… за… покончить с чьей-то жизнью, только если совершенно уверен в своем мотиве. Он должен быть абсолютно чистым.

— И все-таки, — сказал Нортон, — вы бы ни на что подобное не осмелились.

Джудит настаивала:

— Я бы осмелилась. Во-первых, я не считаю жизнь священной и неприкосновенной, как все вы. Ненужные жизни… бесполезные жизни… должны быть убраны с дороги. От них только один *беспорядок.* Только люди, могущие внести вклад в развитие общества, должны обладать правом на жизнь. Остальных следует безболезненно умертвить.

Неожиданно она обратилась к Бойду Кэррингтону:

— Вы согласны со мной, да?

Он медленно сказал:

— В принципе, да. Выживать должны только достойнейшие.

— Вы бы взяли закон в свои руки, если бы возникла необходимость?

Бойд Кэррингтон неторопливо ответил:

— Возможно, не знаю…

Нортон тихо заметил:

— Многие согласились бы с вами в теории. Но практика — совсем другое дело.

— Вы рассуждаете нелогично.

Нортон нетерпеливо сказал:

— Конечно, нелогично. Потому что весь вопрос в *храбрости.* Просто у большинства не хватит *кишок,* если выразиться вульгарно.

Джудит промолчала. Нортон продолжил:

— Если честно, Джудит, у вас бы тоже не хватило мужества. Не хватило бы храбрости, когда бы дошло до дела.

— Вы так думаете?

— Уверен.

— По-моему, вы ошибаетесь, Нортон, — сказал Бойд Кэррингтон. — Я считаю, что у Джудит достаточно храбрости. К счастью, случай для ее проверки не часто представляется.

Из дома донесся гул гонга.

Джудит встала.

Обращаясь к Нортону, она очень четко заявила:

— Знаете, вы ошибаетесь. У меня больше… больше кишок, чем вы думаете.

Она быстро пошла к дому. Бойд Кэррингтон последовал за нею, бросив на ходу:

— Хэй, подождите меня, Джудит.

Я тоже направился к дому, почему-то чувствуя неясный страх. Нортон, который всегда очень быстро ощущал настроение, попытался меня утешить.

— Она говорила не всерьез, — сказал он. — Просто всем молодым обязательно взбредет в голову какая-нибудь сырая идея… но, к счастью, никто ее в жизнь не претворяет. Она остается просто на словах.

Думаю, Джудит его услышала, потому что бросила на него через плечо разъяренный взгляд.

Нортон понизил голос:

— Из-за теорий не стоит беспокоиться, — сказал он. — Но послушайте, Хэстингс…

— Да?

Похоже, Нортон был смущен. Он сказал:

— Не хочу лезть не в свое дело, но что вы знаете об Аллертоне?

— Об Аллертоне?

— Да, простите, если покажусь вам любопытным Паркером[44], но искренне… если бы я был на

---

[44] Примечания: 44
Эквивалент любопытной Варвары.

вашем месте, то не позволил бы вашей девочке слишком много с ним видеться. Он… э… у него не очень-то хорошая репутация.

— Я и сам вижу, что он за негодяй, — с горечью признался я. — Но теперь все не так-то просто, как было раньше.

— О, знаю. Девушки могут сами за собой последить, как говорится. И в отношении большинства из них высказывание верно. Но… э… Аллертон разработал специальную технику на сей счет.

Он поколебался и продолжил:

— Послушайте, по-моему, мне следует вам рассказать. Конечно, не слишком прилично… но так уж получилось, что я знаю о нем кое-что довольно гадкое.

История была просто отвратительна. История девушки, уверенной в себе, современной, независимой. Аллертон испытал на ней всю свою «технику». А вот и другая сторона картины. История закончилась тем, что отчаявшаяся девушка покончила с собой, приняв смертельную дозу веронала. И самое ужасное состояло в том, что та девушка была очень похожа на Джудит… представительница того же самого независимого высокомерного типа. Она была из тех девушек, которые, влюбляясь, влюблялись отчаянно и

от всей души, влюблялись так, как не способны влюбиться забывчивые пустышки.

Я отправился к ленчу с ужасным предчувствием.

Глава двенадцатая

I

— Вас что-то беспокоит, mon ami? — спросил в тот день Пуаро.

Я не ответил, просто покачал головой. Я считал, что не имею права взваливать на Пуаро бремя своих чисто личных проблем. Да и вряд ли чем он мог мне помочь.

Джудит бы выслушала любые его увещевания с отрешенным видом и снисходительной улыбкой, как и всякий представитель молодого поколения выслушивает занудные советы стариков.

Джудит, моя Джудит…

Трудно описать, что я перечувствовал и испытал в тот день. Потом, хорошенько все обдумав, я посчитал, что кое в чем виновата атмосфера самого Стайлза. Злые помыслы легко приходили здесь на ум. И к тому же у дома было не только зловещее прошлое, но и зловещее настоящее. Призрачная тень убийства и убийцы витала повсюду.

И почти наверняка, как я считал, убийцей был Аллертон, а Джудит в него влюбилась! Все было

так невероятно… так чудовищно… и я не знал, что делать.

После ленча Бойд Кэррингтон отвел меня в сторону. Он немного помямлил перед тем, как перейти к делу. Наконец отрывисто заявил:

— Не подумайте, что я вмешиваюсь в ваши дела, но, думаю, вам следует поговорить со своей девочкой. Предупредите ее… а? Вы знаете, что из себя представляет этот Аллертон… плохая репутация, и она… э… ясно как божий день… она в него влюбилась.

Как легко бездетным такое говорить детям!

Предупредить ее? Будет ли прок? Не станет ли еще хуже?

Если бы только Синдерс была жива. Она бы знала, что сделать, что сказать.

Признаюсь, у меня возникло искушение попридержать язык и не говорить ничего. Но потом я подумал, что подобное поведение продиктовано трусостью и малодушием. Я просто увиливал от неприятной ситуации, которая может возникнуть в откровенном разговоре с Джудит. Видите ли, я побаивался свою красивую высокую дочь.

Я расхаживал взад и вперед по саду, все больше и больше возбуждаясь. Наконец, ноги привели меня к розарию, и там, так уж получилось, все

решилось, ибо Джудит сидела на скамейке одна, и за всю жизнь я не видел выражения большего горя на лице женщины. Маска была сброшена. Остались лишь нерешительность и глубокое несчастье.

Я собрался с духом и подошел к ней. Она не замечала меня до тех пор, пока я не заговорил.

— Джудит, — сказал я. — Ради Бога, не переживай так.

Она поражение повернулась ко мне.

— Отец? Я тебя не заметила.

Я продолжил, зная, что результат будет роковым, если она ухитрится вернуть меня к нормальному повседневному разговору.

— О, мое дорогое дитя, не думай, что я не знаю, что я не могу понять. Он этого не стоит… о, поверь мне, он этого не стоит.

Ее озабоченные встревоженные глаза смотрели на меня, она тихо сказала.

— И ты считаешь, что действительно знаешь, о чем говоришь?

— Знаю. Ты любишь этого человека. Но, моя дорогая, ничего хорошего из твоей привязанности не выйдет.

Она мрачно улыбнулась. Душераздирающая улыбка.

— Наверное, я знаю это не хуже тебя.

— Не знаешь. Не можешь. О, Джудит, что будет? Он женатый человек. Для тебя не будет будущего… одно только горе и позор… и все кончится горьким самоотвращением.

Ее улыбка стала шире… еще более горестной.

— Как красноречиво ты говоришь, а?

— Откажись, Джудит… откажись от него.

— Нет!

— Он не стоит этого, моя дорогая.

Она ответила очень тихо и медленно.

— Для меня он стоит всего, что есть в мире.

— Нет, нет, Джудит, умоляю тебя…

Улыбка исчезла. Она стала похожей на настоящую фурию.

— Как ты смеешь? Как же ты смеешь вмешиваться? Я терпеть не могу такого отношения. Ты никогда не будешь говорить со мной об этом снова. Я ненавижу тебя… я ненавижу тебя. Это не твое дело. Это моя жизнь… моя собственная тайная внутренняя жизнь!

Она встала. Твердой рукой оттолкнула меня и прошла мимо. Словно фурия. Я в ужасе уставился ей вслед.

Я все еще сидел там, ошеломленный и беспомощный, не способный думать о последующих

действиях, хотя прошло уже четверть часа.

II

Я сидел там, когда меня нашли Элизабет Коул и Нортон.

Потом я понял, что они были очень ко мне добры. Они увидели, они должны были увидеть, что я был страшно расстроен. Но они очень тактично сделали вид, что не замечают мое смятение. Они просто взяли меня с собой на прогулку. Они оба любили природу. Элизабет Коул рассказывала мне про дикие цветы, Нортон показывал в бинокль птиц.

Они говорили мягко, успокаивающе и только о пернатых да о лесной флоре. Мало-помалу я вернулся к нормальному мироощущению, хотя по-прежнему страшно волновался.

Более того, как и остальные, я был убежден, что любое происшествие связано с моими заботами и тревогами. И поэтому, когда Нортон воскликнул, глядя в бинокль: «Ба, да это никак крапчатый дятел. Я никогда…» и потом неожиданно смолк, я немедленно начал подозревать. Я протянул руку за биноклем.

— Дайте мне посмотреть.

Я говорил властным приказным тоном. Нортон

крутил в руках бинокль. Он произнес странным колеблющимся голосом:

— Я… я ошибся… он улетел… по крайней мере, по правде говоря, это была самая обыкновенная птица.

Лицо у него было очень бледное и озабоченное. Он старался не смотреть на нас. Казалось, он был озадачен и расстроен.

Даже сейчас я не думаю, что повел себя полностью безрассудно, поспешно решив, что он увидел в бинокль нечто, не предназначенное для моих глаз.

Что бы там ни было, он был столь ошарашен увиденным, что мы оба сразу это заметили.

Его бинокль был настроен на дальнюю полоску леса. Что он там увидел?

Я властно сказал:

— Дайте мне посмотреть.

Я схватил бинокль. Помню, он пытался сопротивляться, но очень уж неуклюже. Я крепко сжал прибор.

Нортон слабо пробормотал:

— Ничего особенного… я имею в виду, птица улетела… я хочу…

Когда я приставлял бинокль к глазам, мои руки чуть чуть тряслись. Линзы были мощные. Я на-

строил бинокль, как мог, на то место, куда, как я думал, смотрел Нортон.

Но не увидел ничего… ничего, кроме проблеска чего-то белого (белого платья девушки?), исчезающего в деревьях.

Я опустил бинокль. Без слов отдал его Нортону. Он не смотрел мне в глаза. У него был встревоженный и озадаченный вид. Мы в полной тишине вернулись в дом, и, помню, Нортон молчал всю дорогу.

III

Миссис Фрэнклин и Бойд Кэррингтон вошли вскоре после нашего возвращения. Он возил ее на машине в Тэдминстер, потому что она хотела что-то купить.

И, как я понял, великолепно потрудилась. Из автомобиля несли ворох свертков, и у нее был очень оживленный вид, она разговаривала и смеялась, и даже на щеках загорелся румянец.

Она отослала наверх Бойда Кэррингтона с какой-то особенно хрупкой покупкой, и я галантно принял следующий груз.

Говорила она гораздо быстрее и как-то нервознее, чем обычно.

— Ужасно жарко, верно? Наверное, будет гроза.

Обязательно вскоре поднимется буря. Знаете, говорят в это лето мало влаги. Такой засухи не было уже годы и годы.

Она продолжила, повернувшись к Элизабет Коул:

— Что вы тут делали, пока меня не было? Где Джон? Он сказал, что у него болит голова и собирался прогуляться. Может быть, так полегчает. Что-то совсем на него непохоже, никогда у него голова не болела. Наверное, он беспокоится из-за своих экспериментов. Они не идут так, как надо, или что-то в таком роде. Как бы я хотела, чтобы он побольше разговаривал.

Она помолчала и потом обратилась к Нортону.

— Вы очень молчаливый, мистер Нортон. Что-нибудь случилось? Вы… вы какой-то напуганный. Может быть, вы увидели привидения старой миссис Как-там-бишь-ее?

Нортон вздрогнул.

— Нет-нет, не видел никаких привидений. Я… просто кое о чем думал.

В этот момент на пороге показался Кертис, везущий Пуаро в инвалидном кресле. Он остановился в холле, собравшись взять своего хозяина и отнести его наверх.

Пуаро оглядел нас неожиданно ставшими бди-

тельными и настороженными глазами.

Он резко спросил:

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

Никто из нас минуту-другую не отвечал, затем Барбара Фрэнклин сказала, издав короткий неестественный смешок:

— Нет, конечно, нет, что может случиться? Просто… наверное, вот-вот гроза начнется? Я… о, боже, я так ужасно устала. Отнесите вот это наверх, будьте так любезны, капитан Хэстингс. Большое вам спасибо.

Я последовал за ней по лестнице в восточное крыло. Ее комната была расположена в его конце.

Миссис Фрэнклин открыла дверь. Я шел за ней по пятам, доверху загруженный свертками.

Она резко остановилась на пороге. У окна сестра Крейвен разглядывала ладонь Бойда Кэррингтона.

Он поднял голову и рассмеялся каким-то блеющим смехом.

— Хэллоу, а мне вот судьбу предсказывают. Сестра гадает по руке хоть куда.

— Разве? Понятия не имела, — голос Барбары был резок. Мне подумалось, что сестра Крейвен очень сильно ей досадила. — Пожалуйста,

возьмите эти вещи, сестра, будьте так добры. И не могли бы вы приготовить мне эгг флип[45]. Я очень устала. И, пожалуйста, грелку. Я лягу в постель как можно скорее.

— Конечно, миссис Фрэнклин.

Сестра Крейвен шагнула вперед. По ее виду нельзя было сказать, что она испытывает какие-то чувства, кроме профессиональной озабоченности.

Миссис Фрэнклин сказала:

— Пожалуйста, уйди, Билл. Я ужасно устала.

Бойд Кэррингтон забеспокоился.

— О, Бэбз, поездка оказалась для тебя слишком утомительной? Мне так жаль. Какой я безмозглый дурень. Я не должен был позволять тебе так перетруждаться.

Миссис Фрэнклин озарила его ангельской улыбкой мученицы.

— Не хочу ничего говорить. Ненавижу быть *надоедливой.*

Мы оба, немного сконфуженные, вышли из комнаты, оставив женщин вдвоем.

Бойд Кэррингтон сокрушенно заметил:

— Что я за дурак. Барбара казалась такой ве-

---

[45] Примечания: 45

Яично-винный напиток, вино или коньяк, взбитые с желтками, сахаром и сливками, подается горячим или холодным.

селой и оживленной, что я напрочь забыл, что ей не следует переутомляться. Надеюсь, она не забелеет.

Я машинально ответил:

— О, по-моему, после отдыха ночью она будет в полном порядке.

Он спустился по лестнице, Я поколебался и затем отправился по другому крылу к своей комнате и комнате Пуаро. Должно быть, коротышка меня ждет. В первый раз мне не очень-то хотелось к нему идти. Я был слишком занят своими мыслями и по-прежнему ощущал какую-то странную тупую боль внизу живота.

Я медленно брел по коридору.

Из комнаты Аллертона до меня донеслись голоса. Не хочу сказать, что я сознательно к ним прислушивался, хотя и совершенно машинально остановился на минутку возле двери. Потом неожиданно она открылась, и оттуда вышла моя дочь Джудит.

Она встала как вкопанная, увидев меня. Я схватил ее за руку и потащил в свою комнату. Внезапно я страшно рассердился.

— Что ты делала у этого человека?

Она устремила на меня твердый взгляд. Никакого гнева — только лед и холод. Несколько

секунд она не отвечала.

Я встряхнул ее за руку:

— Говорю тебе, я этого не позволю. Ты не знаешь, что делаешь.

Тогда она сказала низким едким голосом:

— По-моему, у тебя очень развращенный склад ума.

Я заявил:

— Может быть. Наверное, на меня повлияли упреки вашего поколения. По крайней мере, у нас есть определенные стандарты. Пойми, наконец, Джудит, я запрещаю тебе, абсолютно запрещаю иметь дело с этим человеком…

Она твердо взглянула на меня и потом спокойно сказала:

— Понятно. Вот, значит, как.

— Ты отрицаешь, что влюблена в него?

— Нет.

— Но ты не знаешь, кто он такой. Ты просто не можешь знать.

И специально, не смягчая слов, я повторил ту историю об Аллертоне.

— Вот видишь, — закончил я. — Вот какая он грязная скотина.

Похоже, она осталась совершенно равнодушна. Лишь ее губы скривила презрительная усмешка.

— Могу тебя заверить, что никогда не считала его святым.

— Да какая разница? Джудит, ну не такая же ты испорченная.

— Если хочешь, можешь назвать меня и так.

— Джудит, ты не должна… ты не…

Я не мог найти слов для выражения своих мыслей. Она вырвала свою руку из моей.

— А сейчас послушай, отец. Я делаю, что хочу. Ты не можешь меня напугать. И твои проповеди тоже ни к чему. Я буду жить так, как пожелаю, и ты не сможешь меня остановить.

Она вышла.

Я почувствовал, как у меня дрожат коленки.

Я опустился на стул. Все было хуже… гораздо хуже, чем я думал. Дитя было им увлечено… потеряло голову. И мне было не к кому обратиться за помощью. Ее мать, единственный человек, которого бы она послушалась, умерла. Я мог надеяться только на самого себя.

Не думаю, что когда-либо в жизни раньше или позже я страдал так, как страдал тогда…

IV

Вскоре я очнулся. Я умылся, побрился и переоделся. Я спустился к обеду. Я вел себя, как мне

казалось, совершенно обычно. Похоже, никто ничего не заметил.

Раз или два я видел, как Джудит бросала на меня любопытный взгляд. Должно быть, она недоумевала, как это мне удается выглядеть так, словно ничего не произошло…

В душе я все больше и больше набирался решимости.

Мне нужна была храбрость… храбрость и изобретательность. После обеда мы вышли из дома, смотрели на небо, делали замечания насчет духоты, предсказывали дождь, грозу… бурю…

Краем глаза я увидел, как Джудит скрылась за углом дома. Вскоре и Аллертон пошел в том же направлении.

Я быстренько завершил разговор с Бойдом Кэррингтоном и последовал за ними.

Нортон, думаю, пытался меня остановить. Он взял меня за руку. Он пробовал предложить прогуляться к розарию. Я не обратил на него внимания.

Он все еще был со мной, когда я завернул за угол. Они были там. Я увидел поднятое вверх лицо Джудит, увидел склонившегося над ним Аллертона… увидел, как он обнял ее… как они поцеловались.

Потом они быстро отступили друг от друга. Я сделал шаг вперед. Чуть ли не силой Нортону удалось оттащить меня назад.

Он сказал:

— Послушайте, вы не можете…

Я прервал его. Я убедительно заявил:

— Могу. И сделаю.

— *Бесполезно*, мой друг. Конечно, все это очень огорчительно, но дело в том, что вы ничего не *можете* поделать.

Я молчал. Наверное, он так считал, но я знал лучше.

Нортон продолжил:

— Я знаю, что подобная ситуация может свести с ума кого угодно, но остается лишь одно — признать поражение. *Смиритесь* же, сударь!

Я не стал с ним спорить. Я ждал, позволяя ему выговориться. Потом вновь твердо завернул за угол дома.

Они оба уже исчезли, но у меня была идея насчет того, где они могут быть. Неподалеку отсюда в рощице сирени скрывалась беседка. Я направился к ней. Думаю, Нортон все еще был со мной, но не уверен. Подойдя поближе, я услышал голоса и остановился. Говорил Аллертон.

— Ну что ж, значит, моя дорогая девочка, все

устроено. И не надо больше возражений. Ты завтра поедешь в город. Я же скажу, что смотаюсь в Ипсвич погостить у своего товарища одну-две ночки. Ты протелеграфируешь из Лондона, что не сможешь вернуться. И кто узнает об очаровательном маленьком обедике в моей квартирке? Обещаю тебе, ты не разочаруешься.

Я почувствовал, как Нортон дергает меня за руку и неожиданно кротко повернулся к нему. Я чуть не расхохотался при виде его обеспокоенного, встревоженного лица. Я позволил ему увлечь себя к дому. Я сделал вид, что сдался, потому что в этот момент знал точно, что буду делать…

Я сказал ему ясно и четко:

— Не беспокойтесь, старина. Все бесполезно — теперь я понимаю. Невозможно управлять своими детьми. Я сдаюсь.

Он просто до нелепости обрадовался.

Вскоре я сообщил ему, что сегодня лягу спать пораньше. Я сказал, что у меня немного разболелась голова.

Он и не подозревал, что я собираюсь делать.

V

Я остановился минуты на полторы в коридоре.

Кругом было очень тихо. Никого. Кровати уже

приготовлены для сна. Нортон, комната которого была на этой же стороне, остался внизу. Элизабет Коул играла в бридж. Кертис, я знал, ужинает на первом этаже. Крыло было в моем распоряжении.

Я польстил себе, что не напрасно столько лет проработал с Пуаро. Я знал, какие следует принять предосторожности.

Аллертон *не* встретится завтра с Джудит в Лондоне.

Аллертон вообще никуда завтра не поедет.

Все было просто смехотворно легко.

Я пошел к себе и взял пузырек с аспирином. Потом отправился в комнату Аллертона и проскользнул в ванную. Таблетки сламберила стояли в шкафчике. Восьми, подумал я, будет достаточно. Безвредная доза — одна-две. Посему восьми хватит с лихвой. Аллертон сам говорил, что токсичная доза невелика. Я прочел на этикетке: «Предписанную дозу превышать опасно».

Я улыбнулся сам себе.

Я обернул руку шелковым носовым платком и осторожно отвинтил крышку. На пузырьке не должно остаться отпечатков пальцев. Я высыпал таблетки. Да, они были почти того же самого размера, что и аспирин. Я положил 8 аспири-

новых таблеток в бутылочку, а потом досыпал сламберила, оставив себе 8 штук. Теперь пузырек выглядел точно так же, как и раньше. Аллертон не заметит разницы.

Я вернулся в свою комнату. У меня была бутылка виски… впрочем, как и у большинства обитателей Стайлза. Я вынул две рюмки и сифон. Я не знал случая, чтобы Аллертон отказался от выпивки. Когда он поднимется, приглашу его пропустить стаканчик перед сном. Я бросил таблетки в налитое на донышко спиртное. Они с легкостью растворились. Я очень осторожно попробовал результат. Может быть, чуточку горько, но едва ли заметно. Я буду наливать себе виски, когда Аллертон поднимется. Передам рюмку ему, а себе налью другую. Все очень просто и естественно. Наверняка он и понятия не имеет о моих чувствах… если, конечно, Джудит ничего ему не сказала. Я немного обдумал свой пункт, но решил, что нахожусь в полной безопасности. Джудит никогда никому ничего не говорит.

Вероятно, он считает, что я совсем не подозреваю об их планах. Мне оставалось только ждать. Должно быть, ждать придется долго, час, а то и два, пока Аллертон отправится спать. Он всегда был поздней пташкой.

Я спокойно сидел и ждал.

Неожиданный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Однако это оказался всего лишь Кертис. Пуаро просил меня к себе.

Я с трудом пришел в себя. Пуаро! Я не думал о нем весь вечер. Должно быть, он терялся в догадках, что со мной приключилось. Я забеспокоился. Во-первых, так как устыдился, что не зашел к нему, и во-вторых, потому, что не хотел, чтобы он подозревал, — произошло нечто из ряда вон выходящее.

Я последовал за Кертисом через коридор.

— Eh bien, — воскликнул Пуаро. — Так значит, вы меня бросили, hein?

Я выдавил из себя зевок.

— Уж простите, старина, — сказал я. — Но, по правде говоря, у меня так жутко разболелась голова, что все перед глазами поплыло. Наверное, вот-вот гроза начнется. Я просто одурел… так что совсем забыл пожелать вам спокойной ночи.

Как я и надеялся, Пуаро сразу же захлопотал. Он предложил лекарства. Он засуетился. Он обвинил меня в том, что я сидел на улице на сквозняке (и это-то в один из самых жарких летних дней!). Я отказался от аспирина под предлогом, что уже принял несколько таблеток, но не

смог отделаться от чашки сладкого и невероятно отвратительного шоколада!

— Видите ли, он очень питателен для нервов, — пояснил Пуаро.

Я выпил его, чтобы избежать спора, и потом пожелал ему спокойной ночи. Его тревожные и любящие восклицания еще долго звенели у меня в ушах! Я вернулся в свою комнату и напоказ закрыл дверь. А потом с крайней предосторожностью приотворил ее снова, оставив маленькую щелочку. Теперь-то я обязательно услышу шаги Аллертона. Но, должно быть, придется подождать еще немного.

Я сидел и ждал. Я думал и ждал. Я думал о своей покойной жене. Я тихо прошептал:

— Понимаешь, дорогая, я ее спасу.

Она оставила Джудит на мое попечение. Я ее не подведу.

В мертвой тишине я неожиданно почувствовал, что Синдерс где-то совсем рядом.

Мне даже показалось, что она в комнате.

И я сидел и мрачно ждал…

Глава тринадцатая

I

Когда хладнокровно описываешь состояние спада напряжения, то словно разбиваешь вдребезги свое самолюбие.

Так уж получилось, что, ожидая Аллертона, я заснул. Наверное, ничего удивительного. Предыдущей ночью я спал очень плохо. Провел на воздухе весь день. Извелся от беспокойства и напряжения и так взвинтился, что смог решиться на такое. Да к тому же погода была очень пасмурная и веяло грозой.

Во всяком случае, все так вот получилось. Я заснул в своем кресле и когда пробудился, за окном щебетали птицы, уже встало солнце. Я сам скрючился и обмяк — прямо так, в смокинге. Во рту чувствовался неприятный привкус, и голова раскалывалась. Я был озадачен, удивлен, возмущен и, что самое главное, невероятно, ужасно рад.

Кто это написал: «Самый тяжелый день (только доживи до завтра) обязательно пройдет»? Как верно сказано! Сейчас я увидел ясно и разумно, каким взвинченным и заблуждающимся был.

Какие-то мелодраматические ощущения, потеря всякого чувства пропорции. Я же фактически решил убить другого человека.

В этот момент мой взгляд упал на рюмку виски. Вздрогнув, я встал, отдернул занавески и вылил их из окна. Должно быть, вчера вечером я просто сошел с ума.

Я побрился, принял ванну и переоделся. Потом, чувствуя себя немного лучше, пошел к Пуаро. Я знал, что он всегда встает рано. Я сел и во всем ему честно исповедался.

Не выразить словами, какое это было огромное облегчение. Он мягко качнул головой.

— Вот какие глупости вы замышляете. Рад, что вы пришли ко мне исповедаться. Но почему, мой дорогой друг, вы не явились ко мне вчера и не рассказали, что у вас было на уме?

Я пристыженно ответил:

— Наверное, боялся, что вы попытаетесь меня остановить.

— Разумеется, я бы вас остановил. Вы думаете, я захотел бы увидеть, как вас повесят, и все из-за какого-то пренеприятного субъекта по имени майор Аллертон?

— Меня бы не поймали, — заявил я. — Я принял все предосторожности.

— Так думают все убийцы. Ваша психика подходит под шаблон! Но позвольте мне вам сказать, mon ami, что вы не так умны, как считали.

— Я принял все предосторожности. Я стер отпечатки своих пальцев с пузырька.

— Точно. Но вы стерли и отпечатки Аллертона. И когда он найден мертвым… что происходит дальше? Производится вскрытие и установлено, что он умер от смертельной дозы сламберила. Он принял ее случайно или намеренно? Tiens[46], его отпечатков на пузырьке нет. Но почему? Будь его смерть случайной или самоубийством, он не стал бы их стирать. И тогда анализируются оставшиеся таблетки и оказывается, что почти половина из них заменена аспирином.

— Ну и что тут особенного, почти у всех есть аспирин, — слабо пробормотал я.

— Да, но не у всех есть дочь, которую Аллертон преследует с бесчестными намерениями… если использовать старомодную мелодраматическую фразу. И вы накануне поссорились с ней на сей счет. Два человека, Бойл Кэррингтон и Нортон, могут засвидетельствовать, какие бурные чувства вы испытывали к покойному. Сразу же

---

[46] Примечания: 46
Ага — *фр.*

внимание сфокусировалось бы на вас, и к тому времени вы бы испытывали такой страх или даже раскаяние, что хороший опытный инспектор полиции наверняка бы решил, что вы и есть виновный. И даже, вполне возможно, кто-то мог бы увидеть, как вы возились с таблетками.

— Никто не мог. Никого не было.

— Возле окна есть балкон. Кто-то мог стоять там и заглядывать в комнату. Или, кто знает, кто-то мог смотреть в замочную скважину.

— Вы зациклились на своих замочных скважинах, Пуаро. Люди не проводят все время, подглядывая за другими в замочные скважины, как вы, похоже, считаете.

Пуаро полузакрыл глаза и заметил, что у меня всегда была слишком доверчивая натура.

— И позвольте вам сказать, что в этом доме с ключами происходят очень забавные вещи. Я… я всегда хочу знать, что моя дверь заперта изнутри, даже если добряк Кертис в соседней комнате. Вскоре после прибытия мой ключ исчезает… бесследно! Мне пришлось сделать другой.

— Ну что ж, во всяком случае, — с глубоким вздохом облегчения сказал я (мой мозг все еще был перегружен личными заботами), — все закончилось благополучно. Страшно даже подумать,

что можно взвинтиться до такого состояния. — Я понизил голос: — Пуаро, вы не думаете, что это потому, что… потому что здесь много лет тому назад было совершено убийство, и дом словно заражен инфекцией?

— Вы имеете в виду вирус убийства? М-да… предположение интересное.

— У домов всегда есть своя атмосфера, — задумчиво сказал я. — У этого же — плохая история.

Пуаро кивнул.

— Да. Здесь жили люди… несколько человек… которые от всей души желали смерти другому. Вы правы.

— Наверное, так или иначе атмосфера оказывает влияние. Но, Пуаро, скажите мне, что делать… я имею в виду с Джудит и Аллертоном? Как-то надо их остановить. Что, по-вашему, мне надо предпринять?

— Ничего, — многозначительно произнес Пуаро.

— О, но…

— Поверьте мне, если вы не будете вмешиваться, то причините меньше вреда.

— Если бы я взялся за Аллертона…

— Что вы можете сказать или сделать? Джудит двадцать один год, и она сама себе хозяйка.

— Но, думаю, мне следовало бы…

Пуаро прервал меня.

— Нет, Хэстингс, не воображайте, что достаточно умны, достаточно сильны или достаточно хитры, чтобы произвести впечатление на кого-то из этой пары… Аллертон привык иметь дело с сердитыми и бессильными отцами и, вероятно, наслаждается разговорами с ними, как хорошей шуткой. Джудит не из тех, кого можно запугать. Я бы сам посоветовал… если бы я советовал вам вообще… сделать кое-что другое. Если бы я был на вашем месте, то доверился бы ей.

Я вытаращил на него глаза.

— Джудит, — сказал Эркюль Пуаро, — прекрасная девушка. Я от всей души ею восхищаюсь.

Я ответил нетвердым голосом:

— Я тоже ею восхищаюсь. Но я боюсь за нее.

Неожиданно Пуаро очень уж энергично кивнул.

— Я тоже боюсь за нее, — сказал он, — но не по той причине, по какой боитесь вы. Я ужасно боюсь. И я бессилен… или почти бессилен. А дни идут. Есть опасность, Хэстингс, и она совсем рядом.

II

Я знал так же, как и Пуаро, что опасность была совсем рядом. У меня было больше причин для уверенности благодаря услышанному прошлым вечером.

Однако я поразмышлял над фразой Пуаро, спускаясь к завтраку. «Если бы я был на вашем месте, то доверился бы ей».

Она была такой неожиданной… и, однако, вызвала во мне какое-то странное ощущение комфорта. И почти сразу я убедился в правоте слов Пуаро. Потому что Джудит, похоже, передумала и в Лондон не поехала.

Вместо этого она отправилась с Фрэнклином в лабораторию прямо после завтрака, и было ясно, что день им предстоит трудный.

Я от всей души вознес молитвы Господу. Каким сумасшедшим, каким отчаявшимся я был вчера. Я решил… решил с полной уверенностью, что Джудит поддалась обманчивым предложениям Аллертона. Но сейчас-то я вспомнил, что фактически не слышал, дала ли она согласие или нет. Да, она была слишком порядочной, слишком хорошей и умной, чтобы поддаться на его уловки. Она отказалась от свидания.

Оказалось, что Аллертон позавтракал рано и уехал в Ипсвич. Значит, он приводил план в действие и, должно быть, предположил, что Джудит поедет в Лондон, как и было условлено.

Что ж, мрачно подумал я, он испытает большое разочарование. Ко мне подошел Бойд Кэррингтон и как-то сварливо заметил, что очень уж веселый я сегодня утром.

— Да, — ответил я, — получил хорошие новости.

Он ответил, что вот у него как раз ничего хорошего. И надоедливый телефонный разговор с архитектором насчет каких-то трудностей со строительством… местный землемер не на шутку взбеленился. Да и в письмах много тревожного. К тому же он боялся, что вчера позволил миссис Фрэнклин сильно переутомиться.

Сразу было понятно, что миссис Фрэнклин с лихвой возмещала свой недавний приступ здоровья и хорошего настроения. Она, как я понял со слов сестры Крейвен, стала просто невозможной.

Сестре Крейвен пришлось отказаться от своего выходного, который был ей обещан, чтобы съездить и повстречаться с какими-то друзьями, и она страшно на сей счет злилась. С раннего утра миссис Фрэнклин требовала нюхательную

соль, грелки, различное питье и кушанья и ни в какую не позволяла сестре оставлять комнату. Ее мучили и невралгия, и боли вокруг сердца, и судороги в ступнях и лодыжках, и озноб, и Бог знает что еще.

Могу заявить сейчас и здесь, что ни я, ни кто-либо другой по-настоящему не встревожился. Мы все приписали жалобы миссис Фрэнклин ее склонности к ипохондрии.

Разумеется, вышесказанное относится и к сестре Крейвен, и к доктору Фрэнклину.

Его вызвали из лаборатории, и ему пришлось выслушать жалобы жены, спросить ее, не хочет ли она, чтобы он пригласил местного врача (сие предложение было бурно отвергнуто миссис Фрэнклин); он составил ей успокаивающую микстуру, утешил как мог и вновь вернулся к работе.

Сестра Крейвен сказала мне:

— Конечно, он знает, что она просто притворяется.

— Вы действительно считаете, что с ней ничего серьезного?

— Температура нормальная и пульс в полном порядке. Просто ей хочется поднять на ноги каждого, вот и все.

Она была раздражена и говорила более неосто-

рожно, чем обычно.

— Она любит мешать другим наслаждаться. Ей бы хотелось, чтобы муж взвинтился и бегал бы вокруг нее, и даже сэр Уильям должен почувствовать себя самой последней скотиной, потому что «вчера ее переутомил». Уж такой она человек.

Явно сегодня сестра Крейвен считала свою пациентку просто невыносимой. Я так понял, что миссис Фрэнклин действительно была очень груба по отношению к ней. Она была из тех женщин, которых сиделки и слуги инстинктивно не любят… не только из-за причиняемых ими хлопот, но и из-за того, как они эти хлопоты преподносят.

Итак, как я уже говорил, никто серьезно не отнесся к ее недомоганию.

Единственным исключением был Бойд Кэррингтон, который бродил с таким трогательным видом, какой бывает у маленького мальчика, которому дали нагоняй.

Сколько раз с тех пор я вновь и вновь прокручиваю в уме события того дня, пытаясь вспомнить что-то до сих пор незамеченное… какой-нибудь крошечный, позабытый инцидент, изо всех сил стараясь точно восстановить, кто как себя вел. Кто был нормален, а кто возбужден.

Позвольте мне еще раз описать точно, что я о ком помню. Бойд Кэррингтон, как я уже сказал, чувствовал себя явно неловко. Похоже, он считал, что вчера был слишком энергичен, многословен и эгоистичен, и не думал о хрупком здоровье своей спутницы. Он раз или два поднимался и интересовался здоровьем Барбары Фрэнклин, и сестра Крейвен, которая сама была в прескверном настроении, разговаривала с ним сварливо и раздражительно. Ему даже пришлось побывать в деревне и купить коробку шоколадных конфет. Она была возвращена ему. «Миссис Фрэнклин терпеть не может шоколадных конфет». Он безутешно открыл коробку в курительной комнате, и Нортон, я и он торжественно угостились.

У Нортона, как я теперь думаю, наверняка в то утро было что-то на уме. Он вел себя очень рассеянно, раз или два хмурился, словно его что-то озадачивало.

Он любил шоколадные конфеты и, сам того не замечая, съел много. На улице разыгралась буря. С десяти лил дождь.

Обычно в такие дни на всех нападает меланхолия. Но нас всех погода оживила.

Примерно в полдень Кертис отнес Пуаро вниз и уютно устроил его в гостиной. К нему присоеди-

нилась Элизабет Коул и играла ему на пианино. Касалась она клавиш легко и приятно. Она исполняла Баха и Моцарта — любимых композиторов моего друга.

Фрэнклин и Джудит вернулись из сада около часа. Джудит была очень бледной и какой-то напряженной. Она молчала и рассеянно оглядывалась по сторонам, словно была погружена в размышления, и потом ушла.

Фрэнклин подсел к нам. Он тоже устал, явно о чем-то усиленно думал и, похоже, был на пределе.

Помню, я сказал что-то насчет того, какое облегчение принес дождь, и он быстро ответил:

— Да. Бывают времена… когда *что-то* должно сломаться…

И почему-то у меня сложилось впечатление, что он говорит не просто о погоде. Как всегда неуклюже, он резко двинул стол и рассыпал половину конфет. Как обычно, с пораженным видом извинился, явно обращаясь к коробке:

— О, простите.

Это должно было бы показаться забавным, но почему-то не показалось. Он быстро нагнулся и подобрал рассыпавшиеся конфеты.

Нортон спросил, много ли сегодня было работы.

И тогда на его лице вспыхнула улыбка… пылкая, мальчишеская, очень и очень живая.

— Нет… нет… просто неожиданно понял, что шел не по тому следу. Нужен процесс попроще. Сейчас нашелся путь гораздо быстрее.

Он стоял, покачиваясь взад и вперед, в его глазах застыло рассеянное, однако решительное выражение.

— Да, гораздо быстрее. Так намного лучше.

III

Если утром мы все были какие-то нервозные и бесцельно слонялись по саду и дому, то день оказался неожиданно приятным. Показалось солнце, воздух был прохладный и свежий. Миссис Латтрелл снесли вниз и усадили на веранде. Она была в превосходной форме… и не изливала мысли таким фонтанирующим потоком, и в поведении ее не было ни единого, даже скрытого намека на уксус. Она подшучивала над мужем, но мягко и с любовью, и он, сияя, смотрел на нее. Было просто восхитительно видеть их в таких хороших отношениях. Пуаро тоже позволил выкатить себя на свежий воздух и также был в отличном настроении. Думаю, ему было приятно видеть прекрасно ладящих друг с другом Латтрел-

лов. Полковник выглядел намного лет моложе, вел себя решительнее обычного, гораздо реже дергал себя за ус. Он даже предложил сыграть вечером в бридж.

— Дейзи так скучает без своего бриджа.

— Что верно, то верно, — согласилась миссис Латтрелл.

Нортон предположил, что игра будет для нее слишком утомительной.

— Я сыграю один роббер, — заявила миссис Латтрелл и добавила с огоньком в глазах: — Я буду вести себя хорошо и ни за что не буду кусать бедного Джорджа.

— Моя дорогая, — запротестовал ее муж. — Я знаю, что играю ужасно.

— Ну и что? — сказала миссис Латтрелл. — Разве я не испытываю грандиозного удовольствия, дразня и задирая тебя на сей счет?

Мы все рассмеялись. Миссис Латтрелл продолжила:

— О, я знаю Свои недостатки, но не собираюсь в этой жизни от них отказываться. Джорджу просто придется смириться со мной.

Полковник Латтрелл посмотрел на нее с глупым видом. Думаю, именно из-за их отношений начался спор насчет брака и развода, который

состоялся чуть позже.

Становятся ли мужчины и женщины действительно счастливее после развода, или же очень часто период раздражительности и отчужденности бывает временным… то же самое и насчет волнений по поводу третьей, так сказать, персоны… что если потом супруги вновь чувствуют любовь и возобновляют дружественные отношения.

Иногда очень странно видеть несоответствие убеждений людей их жизненному опыту.

Мой брак был невероятно счастливым и успешным, а я сам человек старомодный, и, однако, я стоял за развод… разрубить узлы и начать все сызнова.

Бойд Кэррингтон, который в женитьбе оказался несчастлив, твердо придерживался идеи о нерасторжимости брачных уз. Он сказал, что относится к браку с крайним почтением, потому что он, по его мнению, является фундаментом государства.

Нортон, будучи холостяком и посему не имея личного опыта, думал так же, как и я. Фрэнклин, казалось бы, современный ученый, как ни странно, решительно противился разводу. По всей видимости, тот противоречил логике его мышления. На каждом человеке лежат определенные

обязанности. Таковые следует выполнять, а не отлынивать от них и не увиливать. Контракт, сказал он, есть контракт. Человек подписывает его по своей воле и посему должен его выполнять. Все иное, как он выразился, ведет к беспорядку. Болтающиеся концы веревки, полурасторгнутые узы.

Откинувшись на спинку кресла, рассеянно подталкивая длинными ногами стол, он говорил:

— Мужчина сам, выбирает себе жену. Он отвечает за нее до тех пор, пока она не умрет… или он.

Нортон заметил с комичным видом:

— И иногда… о, приходит благословенная смерть, а?

Мы засмеялись, а Бойд Кэррингтон сказал:

— Уж не вам говорить, мой милый, вы-то никогда не были женаты.

Нортон ответил, покачивая головой:

— И теперь, наверное, уже слишком поздно.

— Разве? — Взгляд у Бойда Кэррингтона был лукавый. — Вы уверены?

Именно в этот момент к нам присоединилась миссис Фрэнклин. Вместе с ней была Элизабет Коул.

Показалось ли мне или Бойд Кэррингтон дей-

ствительно многозначительно перевел взгляд с нее на Нортона, и Нортон на самом деле покраснел?

У меня появилась новая идея, и я пристально посмотрел на Элизабет Коул. Она действительно была еще сравнительно молода. Кроме того, она была женщиной красивой. А точнее, очаровательной и симпатичной, и смогла бы сделать счастливым всякого мужчину. И она в последнее время весьма часто бывала с Нортоном. Разыскивая дикие цветы и птиц, они стали друзьями; я вспомнил, как она говорила, что Нортон очень добрый человек.

Что ж, если так, то я рад за нее. Ее голодная и тусклая юность не должна была препятствовать конечному счастью. Трагедия, потрясшая ее жизнь, не была напрасной. Я думал, глядя на нее, что сна выглядит гораздо счастливее и… да, веселее, чем в первые дни моего пребывания в Стайлзе.

Элизабет Коул и Нортон… да, может быть.

И неожиданно из ниоткуда возникли и охватили меня смутное беспокойство и тревога. Небезопасно… ошибочно… строить здесь планы о счастье. В атмосфере Стайлза было что-то злое. Я ощутил это сейчас… в ту самую минуту. Вдруг

я почувствовал себя старым и усталым… да и испуганным.

Через мгновение мрачные мысли прошли. Никто, думаю, перемены во мне не заметил, кроме Бойда Кэррингтона. Спустя несколько минут он тихо спросил:

— Что-нибудь случилось, Хэстингс?

— Нет, а что?

— Э… вы выглядели… не могу пояснить…

— Просто предчувствие… опасение…

— Предчувствие зла?

— Да, если можно так выразиться. Ощущение, что… что-то должно случиться.

— Забавно. И мне раза два так казалось. И что же, по-вашему?

Он не сводил с меня глаз.

Я покачал головой. Потому что действительно ничего определенного не опасался. Просто на меня накатила волна уныния и страха. Потом из дома вышла Джудит. Она шла медленно, высоко подняв голову, плотно сжав губы, ее лицо было серьезно и прекрасно. Я подумал, как она похожа на меня и Синдерс. Она была словно какая-то юная жрица. Нортон почувствовал нечто подобное.

Он сказал ей:

— Вы сейчас напоминаете свою тезку перед

тем, как она отрезала голову Олоферна.[47]

Джудит улыбнулась и приподняла брови:

— Что-то я никак не могу вспомнить, зачем ей это понадобилось.

— О, по строго моральным причинам. Во благо общества.

Легкая насмешка в его тоне разозлила Джудит. Она покраснела и, пройдя мимо него, села рядом с Фрэнклином.

Она сказала:

— Миссис Фрэнклин чувствует себя намного лучше. Она хочет, чтобы вечером мы все поднялись и выпили с ней кофе.

IV

Разумеется, миссис Фрэнклин была человеком настроения. Я подумал так, когда мы гуськом поднимались к ней после обеда. Сделав сегодня жизнь каждого невыносимой, она теперь была воплощением ласки. Она была одета в неглиже цвета eau de Nil[48] и возлежала в своем шезлонге.

---

[47] Примечания: 47

Джудит — английский вариант библейского имени Юдифь, вдовы Манасии, снявшей мечом голову Олоферна — вождя ассирийского племени.

[48] Примечания: 48

Вод Нила — *фр.*

Рядом с ней стоял маленький вращающийся столик с полками для книг, на котором располагались кофейные приборы. Ее пальцы, ловкие и белые, быстро исполняли ритуал заваривания кофе, правда, не обошлось без помощи сестры Крейвен. Мы все были здесь, за исключением Пуаро, который удалился к себе перед обедом, и Аллертона, еще не вернувшегося из Ипсвича, и миссис и полковника Латтреллов, оставшихся внизу.

Донесся аромат кофе. Кофе, подававшийся в Стайлзе, был довольно неинтересной мутной жидкостью, так что мы с нетерпением ожидали напитка миссис Фрэнклин из свежих зерен да еще с добавкой ягод.

Фрэнклин сидел у противоположной стороны стола и передавал чашки, которые она наполняла. Бойд Кэррингтон стоял возле софы, Элизабет Коул и Нортон были возле окна. Сестра Крейвен удалилась на задний фон к изголовью кровати. Я сидел в кресле, сражался с криптик-кроссвордом в «Таймс» и проглядывал зашифрованные подсказки.

— Или любовь… или риск третьей стороны? — зачитал я. — Восемь букв.

— Вероятно, анаграмма, — предположил Фр-

энклин.

Мы подумали минутку-другую. Я продолжил:

— Недобрые парни между холмами.

— Ворота, — быстро отозвался Бойд Кэррингтон.

— Цитата: *«И спрошенное Эхо, чье бы оно там ни было, отвечает ей...»* — пропуск. Теннисон. Пять букв.

— Где, — предложила миссис Фрэнклин. — Конечно, правильно. И Эхо *отвечает:* «Где?»

Я засомневался.

— Слово должно кончаться на «W».

— Ну, много слов оканчивается на «W». *КАК, и СЕЙЧАС, и СНЕГ.* [49]

Элизабет Коул откликнулась от окна:

— Цитата Теннисона звучит так: *«И спрошенное Эхо, чье бы там оно ни было, отвечает ей: «Смерть».*

Я услышал резкий вдох где-то рядом. Я поднял голову. Это была Джудит. Она прошла мимо нас к окну и стояла на балконе. Вписывая последний ответ, я заметил:

— Даже любовь не может быть анаграммой. Сейчас вторая буква «А».

---

[49] Примечания: 49
HOW, NOW, SNOW.

— И какая подсказка?

— Или любовь, или риск третьей стороны. Пропуск А и шесть пропусков.

— Любовник, — ответил Бойд Кэррингтон.

Я услышал, как чайная ложка загремела на блюдце Барбары Фрэнклин, и перешел к следующей подсказке.

— Ревность — чудовище с зелеными глазами; кто так сказал?

— Шекспир, — заявил Бойд Кэррингтон.

— Отелло или Эмилия? — вопросила миссис Фрэнклин.

— Слишком длинные слова. Нужен ответ из пяти букв.

— Яго.

— *Уверена,* что Отелло.

— Это вообще цитата не из «Отелло». Так Ромео говорил Джульетте.

Каждый выразил свое мнение. Неожиданно с балкона Джудит крикнула:

— Смотрите, падающая звезда. О, а вот и другая.

Бойд Кэррингтон сказал:

— Где? Нужно загадать желание.

Он вышел на балкон и присоединился к Элизабет Коул, Нортону и Джудит. Сестра Крейвен

последовала за ним. Фрэнклин тоже встал и направился на балкон. Они стояли, издавая восклицания, пристально глядя в ночное небо.

Я остался со своим кроссвордом. Зачем *мне* падающая звезда? Мне нечего желать…

Неожиданно Бойд Кэррингтон ворвался в комнату.

— Барбара, ты должна выйти.

Миссис Фрэнклин резко сказала:

— Нет, не могу. Я слишком устала.

— Чепуха, Барбара. Ты должна выйти и загадать желание! — Он захохотал. — И не протестуй. Я тебя вынесу.

И неожиданно, наклонившись, он подхватил ее на руки. Она засмеялась и запротестовала.

— Билл, положи меня… не будь таким глупым.

— Маленькие девочки должны загадывать желания.

Он вынес ее через окно и поставил на балкон.

Я еще ниже согнулся над газетой. Потому что вспомнил… ясная тропическая ночь… кваканье лягушек… и падающая звезда. Я стоял у окна, повернулся и подхватил Синдерс, и вынес ее на руках смотреть на звезды и загадывать желания…

Строчки кроссворда побежали и затуманились

перед глазами.

Кто-то вышел с балкона и вернулся в комнату — Джудит. Джудит не должна видеть меня со слезами на глазах. Не должна. Я торопливо крутнул вертящийся книжный шкаф, сделав вид, что ищу книгу. Я вспомнил, что видел здесь старое издание Шекспира. Да, вот и оно. Я пролистал «Отелло».

— Что ты делаешь, отец?

Переворачивая страницы, я промямлил что-то насчет ответа на кроссворд. Да. Это был Яго.

«Берегись ревности, мой лорд;
То чудище с зёленьми глазами,
глумящееся над своей добычей».

Джудит торжественно продолжила:

— «Ни мак, ни мандрагора,
Никакие другие наводящие сон
сиропы
Никогда не дадут тебе того
сладкого сна,
Коим ты владел вчера».

Ее голос, прекрасный и глубокий, звенел в тишине.

Потихоньку возвращались другие, они смеялись и разговаривали. Миссис Фрэнклин вновь уселась в шезлонг. Фрэнклин вернулся на свое место и начал перемешивать кофе. Нортон и Элизабет Коул выпили свой и откланялись, потому что обещали поиграть в бридж с Латтреллами.

Миссис Фрэнклин выпила кофе и потом потребовала «капли». Джудит принесла их из ванной — сестра Крейвен только что вышла.

Фрэнклин бесцельно бродил по комнате. Он натолкнулся на небольшой столик. Жена резко сказала:

— Не будь таким неуклюжим, Джон.

— Прости, Барбара. Я кое о чем думал.

Миссис Фрэнклин жеманно заметила:

— Ты самый настоящий медведь, верно, дорогуша?

Он как-то рассеянно посмотрел на нее и потом сказал:

— Хорошая ночь; думаю, мне надо прогуляться.

Он вышел.

Миссис Фрэнклин заметила:

— Знаете, он *гений.* Это видно даже по его манерам. Я так ужасно им восхищаюсь. Какая страсть к работе!

— Да, да, умный парень, — небрежно отозвался Бойд Кэррингтон.

Джудит резко оставила комнату, чуть не столкнувшись на пороге с сестрой Крейвен.

Бойд Кэррингтон сказал:

— Что насчет партии в пикет, Бэбз?

— О, прелестно. Не принесете ли карты, сестра?

Сестра Крейвен отправилась за картами, а я пожелал миссис Фрэнклин доброй ночи и поблагодарил ее за кофе.

Выйдя из комнаты, я натолкнулся на Фрэнклина и Джудит. Они стояли в коридоре и выглядывали из окна. Они не разговаривали. Просто стояли бок о бок.

Фрэнклин взглянул через плечо, когда я приблизился к ним. Он сделал несколько шагов, заколебался и сказал:

— Пойдемте прогуляемся, Джудит?

Моя дочь покачала головой.

— Не сегодня. — Она как-то резко добавила: — Я пойду спать. Спокойной ночи.

Я спустился вместе с Фрэнклином. Он тихо насвистывал себе под нос и улыбался.

Я был не в очень-то хорошем расположении духа и поэтому сварливо заметил:

— Похоже, вы очень собой довольны.

Он признал:

— Да, сделал кое-что, что хотел сделать долгое время. Прекрасно, м-да.

Я расстался с ним внизу и на минутку заглянул к игрокам в бридж. Нортон подмигнул мне, когда миссис Латтрелл не смотрела в его сторону. Роббер проходил в необычайно гармоничной обстановке. Аллертон все еще не вернулся. Казалось, без него дом стал гораздо счастливее и не таким гнетущим.

Я поднялся в комнату Пуаро. С ним сидела Джудит. Она улыбнулась мне, но не заговорила.

— Она простила вас, mon ami, — заявил Пуаро. Что за возмутительные слова!

— Право, — залопотал я. — Вот уж не думал…

Джудит встала, обвила меня рукой за шею и поцеловала.

Она сказала:

— Бедный отец. Дядя Эркюль *не* будет нападать на твое самолюбие. Простить нужно *меня.* Так что прости и пожелай мне спокойной ночи.

Не знаю, почему, но я сказал:

— Прости, Джудит. Мне очень жаль. Я не хотел…

Она остановила меня.

— Все в порядке. Давай забудем о том, что было. Сейчас все в порядке. — Она расплылась в мечтательной улыбке и снова сказала:

— Сейчас все в порядке… — и тихо оставила комнату. Когда она ушла, Пуаро посмотрел на меня.

— Ну, — потребовал он, — что произошло сегодня вечером?

Я распростер руки.

— Ничего не случилось и вряд ли случится, — сказал я. Оказалось, что я был очень далек от истины. Потому что в эту ночь кое-что произошло. Неожиданно миссис Фрэнклин стало плохо. Послали еще за двумя докторами, но напрасно. Она умерла на следующее утро.

Не прошло и двадцати четырех часов, как мы узнали, что ее смерть была вызвана отравлением физостигмином.

Глава четырнадцатая

I

Дознание проводилось через два дня. Во второй раз я был на дознании в этом местечке.

Коронер оказался человеком средних лет, с проницательным взглядом и сухой отрывистой речью.

Сперва заслушали медицинское показание. В нем констатировался факт, что смерть последовала в результате отравления физостигмином; в трупе также обнаружили другие алкалоиды боба «калабар». Яд, по всей вероятности, был принят между семью часами и полуночью в предыдущий вечер. Полицейский хирург и его коллеги отказались дать более точную информацию.

Следующим свидетелем был доктор Фрэнклин. Он создал хорошее впечатление. Показания его были четкими, ясными и простыми. После смерти жены он проверил свои растворы. Обнаружилось, что один пузырек, в котором должен был находиться насыщенный раствор алкалоидов боба «калабар», с которыми он проводил эксперименты, был наполнен обыкновенной

водой лишь со слабыми следами прежнего содержимого. Он не мог сказать наверняка, когда была совершена подмена, потому что не использовал тот препарат несколько дней.

Затем рассмотрели вопрос о доступе в лабораторию. Доктор Фрэнклин признал, что обычно она была заперта и ключ всегда находился у него в кармане. У его ассистентки, мисс Хэстингс, был второй такой ключ. Любой, кто хотел войти в студию, должен был попросить ключ у нее или у него самого. Жена брала его время от времени, когда оставляла в лаборатории принадлежащие ей вещи. Он никогда не приносил в дом или комнату жены раствор физостигмина и думал, что вряд ли она приняла его случайно.

На дальнейшие вопросы коронера он ответил, что жена некоторое время пребывала в подавленном и нервозном состоянии. Дело не в болезни. Она страдала от депрессии и быстрой перемены настроения. В последние дни, заявил он, она была весела, и он посчитал, что ее самочувствие улучшилось и настроение поднялось. Они не ссорились и были в хороших отношениях. В прошлый вечер, казалось, жена чувствовала себя прекрасно, и от меланхолии не осталось и следа.

Он сказал, что жена время от времени заговари-

вала о самоубийстве, но он к ее словам серьезно не относился. После прямого вопроса он ответил, что, по его мнению, жена не принадлежала к типу людей, подверженных самоубийству. Такова его точка зрения человека и врача.

За ним последовала сестра Крейвен. У нее был очень щеголеватый и деятельный вид. Опрятная форма ей шла, и отвечала она живо, четко и профессионально. Она служила у миссис Фрэнклин больше двух месяцев. Миссис Фрэнклин сильно страдала от депрессии. Свидетельница, по крайней мере, три раза слышала, как она говорила, что «хочет покончить со всем», что ее жизнь бесполезна и она камень на шее мужа.

— Почему она так говорила? Они ссорились?

— О нет, но она знала, что ее мужу недавно предложили место за границей. Он отказался, чтобы не оставлять ее.

— И порой она чувствовала угрызения совести по этому поводу?

— Да. Начинала винить свое плохое здоровье и очень нервничала.

— Доктор Фрэнклин об этом знал?

— Не думаю, что она часто разговаривала с ним на сей счет.

— Но она была подвержена приступам депрес-

сии?

— О, несомненно.

— Она когда-нибудь определенно заявляла о намерении покончить с собой?

— Думаю, использовала лишь фразы типа «покончить со всем».

— Она никогда не намекала на какой-либо метод совершения самоубийства?

— Нет. Она изъяснялась очень туманно.

— В последнее время что-либо определенное вызывало у нее глубокую депрессию?

— Нет. Она была сравнительно в хорошем настроении.

— Вы согласны с доктором Фрэнклином, что она вечером перед смертью была в отличном настроении?

Сестра Крейвен заколебалась.

— Э… она была возбуждена. День у нее был плохой… жаловалась на боль и головокружение. Казалось, вечером она почувствовала себя немного лучше… но вела себя как-то неестественно и лихорадочно.

— Вы видели какой-нибудь пузырек или другой сосуд, который мог бы содержать яд?

— Нет.

— Что она ела и пила?

— Суп, отбивную котлету, зеленый горошек и картофельное пюре и пирог с вишней. И запила все рюмкой красного бургундского вина.

— Откуда она взяла бургунди?

— В ее комнате была бутылка. Там еще немного осталось, но, по-моему, вино обследовали и ничего такого не обнаружили.

— Могла ли она положить яд в рюмку так, чтобы вы не видели?

— О да, без труда. Я ходила взад и вперед по комнате, прибиралась, приводила все в порядок. Я за ней не следила. Рядом была небольшая шкатулка и еще сумочка. Она могла бросить яд в вино или потом в кофе или даже молоко, которое выпила перед сном.

— Есть ли у вас какое-либо предположение на счет того, что она сделала с пузырьком или каким другим сосудом, содержащим яд?

Сестра Крейвен подумала.

— Знаете, она могла выкинуть его потом из окна. Или же бросить в корзину для ненужных бумаг, или даже вымыть в ванной и вновь поставить в аптечку. Там есть несколько пустых пузырьков. Я не выкидывала их, потому что они могли понадобиться.

— Когда вы в последний раз видели миссис

Фрэнклин?

— В половине одиннадцатого. Я приготовила ее ко сну. Она выпила горячее молоко и сказала, что хочет принять аспирин.

— И как она тогда выглядела?

Свидетельница минутку поразмышляла.

— Э… право… как всегда… нет, должна сказать, она была немножко возбуждена.

— Подавлена?

— Э… нет, взвинчена, так сказать. Но если вы думаете о самоубийстве, предчувствие, наверное, могло так на нее повлиять. Она, вероятно, почувствовала себя благородной, возвышенной такой.

— Вы считаете, что она могла совершить самоубийство?

Наступила пауза. Казалось, сестра Крейвен никак не могла решить.

— Знаете, — наконец начала она, — и да и нет… да, в целом, да. Она была очень неуравновешенной.

Следом давал показания сэр Уильям Бойд Кэррингтон. Похоже, он был искренне расстроен, но отвечал ясно.

Он играл с покойной в пикет в ту ночь, когда она умерла. Тогда он не заметил никаких признаков депрессии, но в разговоре, состо-

явшемся несколькими днями раньше, миссис Фрэнклин затрагивала тему самоубийства. Она была самоотверженной женщиной, и ее сильно расстраивала мысль, что она мешает карьере мужа. Она была ему предана и очень им гордилась. Иногда она впадала в глубокое уныние из-за своего здоровья.

Вызвали Джудит, но она мало что смогла сказать.

Она ничего не знала об исчезновении физостигмина из лаборатории. В ночь трагедии миссис Фрэнклин вела себя, как обычно, правда, может быть, была чересчур возбуждена. Она никогда не слышала разговоров миссис Фрэнклин о самоубийстве.

Последним свидетелем был Эркюль Пуаро. Его показание было очень многозначительным и произвело сильное впечатление. Он описал разговор, который состоялся у него с миссис Фрэнклин в день, предшествующий ее кончине. Она была сильно подавлена и несколько раз выражала желание покончить со всем. Она беспокоилась из-за своего здоровья и призналась ему по секрету, что ею овладевают Приступы глубокой меланхолии, когда ей кажется, что жить вообще не стоит. Она сказала, что иногда ей хочется заснуть и больше

не проснуться.

Его последующий ответ произвел настоящую сенсацию.

— Утром, 10 июня, вы сидели возле двери лаборатории?

— Да.

— Вы видели, как миссис Фрэнклин вышла из лаборатории?

— Видел.

— У нее что-нибудь было в руке?

— В правой руке она сжимала небольшой пузырек.

— Вы совершенно уверены?

— Да.

— При виде вас она смутилась?

— Она была поражена, вот и все.

Коронер начал суммирование.

— Нужно решить, — сказал он, — как покойная умерла. В установлении причин смерти нет никаких трудностей — на сей вопрос дало ответ медицинское показание. Покойная была отравлена сульфатом физостигмина. Остается решить, приняла ли она яд случайно или преднамеренно или же он был дан ей каким-то другим человеком. Свидетели слышали, что покойная испытывала приступы меланхолии, что она была

слаба здоровьем и что, хотя умершая не страдала от серьезного заболевания, находилась тем не менее в нервозном состоянии.

Месье Эркюль Пуаро, свидетель, чье имя имеет большой вес, совершенно уверен, что видел, как миссис Фрэнклин выходила из лаборатории с небольшим пузырьком в руке, и что она была поражена, увидев его. Присяжные могут прийти к заключению, что она взяла яд из лаборатории, намереваясь покончить с собой. Похоже, она страдала от навязчивой идеи, что стоит на дороге мужа и мешает его карьере.

Ради справедливости стоит заметить, что доктор Фрэнклин был хорошим и любящим мужем и никогда не выражал досады по поводу ее слабости и не жаловался, что она препятствует его карьере. Похоже, это ее собственная идея.

Женщинами в определенном состоянии нервного коллапса иногда овладевают подобные мысли.

Нет ничего, могущего доказать, в какое время или в каком растворителе был принят яд. Может быть, и несколько необычно, что не удалось найти пузырек, содержащий яд, но вполне вероятно, что, как и предположила сестра Крейвен, миссис Фрэнклин вымыла его и поставила в шкафчик

в ванной, откуда, вероятно, его и взяла. Решать присяжным.

Вердикт вынесли почти сразу.

Присяжные решили, что миссис Фрэнклин покончила с собой в период временного расстройства ума.

II

Через полчаса я был в комнате Пуаро. Он выглядел страшно изможденным. Кертис уложил его в кровать и приводил в чувство тоником.

Я умирал от желания поговорить, но все же был вынужден сдерживаться до тех пор, пока слуга не закончил и не оставил комнату.

Вот тогда-то я взорвался.

— Вы сказали правду, Пуаро? Что видели пузырек в руке миссис Фрэнклин, когда она вышла из лаборатории?

Очень слабая улыбка скривила посиневшие губы Пуаро. Он прошептал:

— А вы его не видели, друг мой?

— Нет, не видел.

— Но вы могли и не заметить, hein?

— Да, вполне. Не могу поклясться, что пузырька не было.

Я с сомнением посмотрел на него.

— Вопрос в том, говорите ли вы правду.

— Так вы считаете, что я мог и солгать, друг мой?

— Не стал бы списывать это с ваших счетов.

— Хэстингс, вы шокируете и удивляете меня. Где же ваша простая вера?

— Ну, — уступил я. — Вряд ли, конечно, вы станете лжесвидетельствовать.

Пуаро кротко заметил:

— В данном случае никакого лжесвидетельства нет. Присяга не давалась.

— Значит, вы солгали?

Пуаро машинально взмахнул рукой.

— Что я сказал, mon ami, то сказал. Осуждать мои слова излишне.

— Я просто вас не понимаю! — воскликнул я.

— Чего вы не понимаете?

— Вашего показания… насчет того, что миссис Фрэнклин говорила о самоубийстве… о депрессии.

— Enfin, вы сами слышали, как она говорила нечто подобное.

— Да. Но только при определенном настроении. Вы этого-то не уточнили.

— Возможно, я не хотел уточнять.

Я уставился на него.

— Вы *хотели,* чтобы вынесли вердикт о самоубийстве?

Пуаро помолчал перед тем, как ответить. Наконец он сказал:

— Думаю, Хэстингс, вы не понимаете всей серьезности ситуации. Да, если уж вы так настаиваете, я хотел, чтобы вынесли вердикт: *самоубийство…*

— Но вы не думаете… сами… что она покончила с собой?

Пуаро медленно покачал головой.

Я сказал:

— Вы считаете… что ее убили.

— Да, Хэстингс, ее убили.

— Тогда зачем пытаться все замять… навесить на дело ярлык самоубийства и отложить его в сторону? Ведь теперь расследование прекратится.

— Точно.

— Вы этого хотите?

— Да.

— Но *почему*?

— Неужели вы не понимаете? Просто непостижимо! Ну да ладно… давайте не будем распространяться на сей счет. Вы должны положиться на мое слово, что ее *убили*… намеренно, предумышленно убили. Я говорил вам, Хэстингс, что здесь должно

совершиться преступление и что вряд ли мы сможем его предотвратить… потому что убийца — человек безжалостный и решительный.

Я поежился и сказал:

— Что теперь?

Пуаро улыбнулся.

— Дело раскрыто… на него повешен ярлык самоубийства, и оно отложено в сторону. Но вы и я, Хэстингс, продолжим расследование, будем работать под землей, словно кроты. И, рано или поздно, *доберемся до* Х.

Я сказал:

— И предположим, что… в это время… еще кто-то будет убит?

Пуаро покачал головой.

— Не думаю. Если, конечно, кто-то чего-то не видел или не узнал… но если так, разумеется, этот человек выйдет и скажет?..

Глава пятнадцатая

I

Я немного смутно помню события тех дней, которые последовали за дознанием о смерти миссис Фрэнклин. Конечно, состоялись похороны, на которых присутствовало множество любопытных из Стайлз-Сент-Мэри. И именно тогда ко мне обратилась одна старуха со слезящимися глазами и неприятными манерами. Она пристала ко мне как раз в тот момент, когда мы выходили с кладбища.

— Я вас вспомнила, сэр.

— Э… э, может быть…

Она продолжала, не слушая, что я сказал:

— Двадцать с лишком лет назад вы были здесь. Когда в Коурт умерла старая леди. Вот тогда у нас в Стайлзе было первое убийство. И не последнее, сказала я. Старая миссис Инглторп тогда была убита, и мы все говорили, что с ней муженек разделался. Все мы были уверены.

Она устремила на меня хитрый, коварный взгляд.

— Может быть, и на сей раз муж виноват.

— Что вы имеете в виду? — резко заявил я. — Разве вы не слышали, что вынесли вердикт о самоубийстве?

— Это коронер так сказал. Но он мог и ошибиться, вы не думаете?

Она подтолкнула меня локтем.

— Уж доктора-то знают, как разделаться с женами. И, похоже, она не очень-то хороша для него была.

Я сердито повернулся к ней, и она поспешно ретировалась, буркнув, что ничего такого в виду не имела, только что-то уж все больно странно, верно, во второй раз и то же самое происходит.

— И что еще более странно, сэр, так это то, что вы оба раза здесь оказываетесь, так ведь?

Как ни фантастично, но я даже подумал, не подозревает ли она, что я совершил оба преступления. Очень неприятная мысль. И, конечно же, я понял, какая странная и навязчивая штука — местные подозрения, В конце концов они были недалеки от правды. Ведь кто-то убил миссис Фрэнклин.

Как я уже упоминал, очень плохо помню, что произошло в те дни. Прежде всего меня страшно беспокоило здоровье Пуаро. Ко мне пришел Кертис со встревоженным выражением на своем

деревянном лице и доложил, что у Пуаро был серьезный сердечный приступ.

— По-моему, сэр, ему следует показаться доктору.

Я сломя голову бросился к Пуаро, который бурно отверг мое предложение. Я подумал, что на него это что-то не похоже. Он всегда, по моему мнению, жутко беспокоился за свое самочувствие. Везде подозревал сквозняк, обвязывал шею шелковыми и шерстяными шарфами, приходил в ужас, замочив ноги, и сразу же мерил температуру и ложился в постель при малейшем намеке на простуду… «потому как иначе у меня начнется fluxion de peitrine!»[50] Я знал, что стоило ему хоть чуть-чуть прихворнуть, как он сразу же консультировался у врача.

И вот теперь, когда он был по-настоящему болен, положение в корне изменилось.

Однако, может быть, здесь-то и скрывалась истинная причина. Те, другие болезни, *были* пустяками. Сейчас, когда он в самом деле был больным человеком, он, наверное, боялся признать реальность. Он пренебрегал болезнью, потому что боялся.

---

[50] Примечания: 50
Воспаление легких — *фр.*

Он отвечал на мои протесты с энергией и горечью.

— Я консультировался у докторов… и не у одного! Я был у Блэнка и Дэша, и что они сделали? Послали меня в Египет, где мне сразу же стало гораздо хуже. И я был у Р.

Р., я знал, был известнейшим кардиологом. Я быстро спросил:

— Что он сказал?

Пуаро неожиданно бросил на меня косой взгляд… и мое сердце мучительно сжалось.

Он спокойно ответил:

— Он сделал все, что можно было сделать. Мои лекарства все рядом, под рукой. Кроме них… ничто не поможет. Так что, видимо, Хэстингс, вызывать других врачей — напрасный труд. Машина, mon ami, изнашивается. Увы, нельзя вставить новый мотор, как автомобилю, и продолжить жить.

— Но послушайте, Пуаро, есть же что-нибудь… Кертис…

Пуаро резко прервал:

— Кертис?

— Да, он пришел ко мне. Он был обеспокоен… У вас был сердечный приступ…

Пуаро мягко кивнул.

— Да, да. Иногда такие приступы лучше не видеть. Думаю, Кертис просто к ним не привык.

— Вы действительно не хотите показаться врачу?

— Напрасный труд, мой друг.

Он говорил очень мягко, но решительно. И вновь сердце мое мучительно сжалось. Пуаро улыбнулся мне и сказал:

— Это, Хэстингс, будет мое последнее дело. И оно будет моим самым интересным делом… и противник мой — самым интересным моим преступником. Потому что в деле X мы имеем технику непревзойденную, великолепную, несмотря ни на что, вызывающую восхищение. До сих пор, mon cher, X действовал с такой ловкостью, что побеждал меня, Эркюля Пуаро! Он развил атаку, на которую я не смог ответить.

— Если бы ваше здоровье… — успокаивающе начал я.

Но оказалось, что сказал совсем не то. Эркюль немедленно впал в ярость.

— А! Мне что же, нужно повторять вам тридцать шесть раз и еще тридцать шесть раз, что нет никакой надобности в *физических* усилиях. Нужно только… думать.

— Э… конечно… да, здесь-то с вами все в по-

рядке.

— Все в порядке? Я могу справиться с такой задачей превосходнейшим образом. Мои конечности парализованы, мое сердце играет со мной трюки, но мой мозг, Хэстингс… мой мозг функционирует безупречно. Он по-прежнему высшего качества, мой мозг…

— Он, — успокаивающе сказал я, — великолепен.

Но, медленно спускаясь по лестнице, я подумал, что мозг Пуаро не поспевает за ходом событий так быстро, как мог бы. Сперва чудесное спасение миссис Латтрелл и теперь вот смерть миссис Фрэнклин. И что мы сделали?

Практически ничего.

II

На следующий день Пуаро мне сказал:

— Вы, кажется, предлагали мне, Хэстингс, показаться врачу.

— Да, — нетерпеливо затараторил я. — Я был бы очень рад, если бы вы согласились.

— Eh bien, я согласен. Я покажусь Фрэнклину.

— Фрэнклину? — засомневался я.

— Ну он же врач, не так ли?

— Да, но… он занимается в первую очередь

исследовательской работой, верно?

— Несомненно. Думаю, он вряд ли бы преуспел как практикующий врач. Ему недостает того, что принято называть «прикроватными манерами». Но он квалифицированный медик. Иными словами, как говорится в фильмах, «он знает свое дело лучше многих».

Я по-прежнему не был удовлетворен. Хотя я и не сомневался в способностях Фрэнклина, он всегда казался мне человеком нетерпеливым и совершенно не интересующимся человеческими недугами. Вероятно, такое отношение к людям восхитительно подходит для исследовательской работы, но уж отнюдь не для пациентов.

Однако само по себе согласие Пуаро было весьма большой уступкой и, так как здесь у моего друга лечащего врача не было, Фрэнклин охотно согласился взглянуть на него. Но он пояснил, что если потребуется регулярное медицинское обслуживание, то придется вызвать местного врача. Он не мог постоянно заниматься лечением.

Фрэнклин провел с Пуаро много времени.

Когда же он, наконец, вышел, я его ждал. Я втащил его в свою комнату и закрыл дверь.

— Ну? — встревоженно потребовал я.

Фрэнклин задумчиво сказал:

— Он очень замечательный человек.

— О! Да… — я отмахнулся от этого очевидного факта. — Как его здоровье?

— О! Его здоровье? — казалось, Фрэнклин удивился, словно я упомянул что-то крайне незначительное. — О! Его здоровье, конечно, никуда не годится.

Мне подумалось, что очень уж он непрофессионально выразился. И, однако, я слышал от Джудит… что Фрэнклин в свое время был одним из самых блестящих студентов.

— Насколько он плох? — с волнением потребовал я.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Вы хотите знать?

— Конечно.

Да что же этот дурак думает?

Он почти сразу ответил:

— Большинство людей, — сказал он, — не хотят знать. Они хотят, чтобы им подали успокаивающий сироп. Они хотят надеяться. Они хотят, чтобы их осыпали утешением. И, разумеется, иногда случаются чудесные выздоровления. Но этого не произойдет в случае с Пуаро.

— Вы имеете в виду… — Вновь ледяная рука сомкнулась вокруг моего сердца.

Фрэнклин кивнул.

— О да, он умрет. И очень скоро, должен вам сказать. Я бы сам не стал говорить, если бы он меня не уполномочил.

— Значит… он знает.

Фрэнклин ответил:

— Он знает. Сердце может отказать… лопнуть… в любой момент. Конечно, нельзя сказать точно, *когда* именно.

Он помолчал и потом медленно сказал:

— Из того, что он говорит, я понял, что он беспокоится о том, как бы успеть закончить что-то, что… как он сам выразился… он предпринял. Вы знаете, что это такое?

— Да, — ответил я, — знаю.

Фрэнклин бросил на меня заинтересованный взгляд.

— Он хочет умереть, завершив работу.

— Понятно.

Я подумал, имеет ли Джон Фрэнклин хоть малейшее представление, что это за работа!

Он немедленно сказал:

— Надеюсь, ему удастся. По его словам я понял, что она многое для него значит. — Он помолчал и добавил. — У него методичный склад ума.

Я встревоженно спросил:

— Неужели ничего нельзя сделать… какое-нибудь лекарство..

Он покачал головой.

— Ничего. У него есть ампулы амилнитрита — они его единственная надежда на спасение во время приступа.

Потом он сказал нечто довольно странное:

— Он очень ценит человеческую жизнь, да?

— Да… да.

Сколько раз я слышал, как Пуаро говорит: «Я не одобряю убийства». Это чопорное заявление всегда щекотало мое воображение.

Фрэнклин продолжил:

— Вот в чем мы отличаемся. Я ее не ценю!..

Я с любопытством посмотрел на него. Он со слабой улыбкой наклонил голову.

— Совершенно верно, — сказал он. — Так как смерть все равно неизбежна, разве имеет значение, наступит ли она раньше или позже? Какая разница?

— Тогда какого черта вы стали врачом, если у вас такие воззрения? — с негодованием спросил я.

— О, сударь мой… врачевание заключается не только в отдалении неизбежного конца… у него гораздо большее предназначение… улучшение

жизни. Если умирает здоровый человек, не имеет значения… особого, во всяком случае. Если слабоумный… кретин… тогда хорошо… но вот если открыть, как введением какого-то препарата в нужную железу сделать из кретина здорового, нормального индивидуума, выправив недостаточность щитовидки, то это вот, по-моему, невероятно важно.

Я посмотрел на него с возросшим интересом. Я по-прежнему считал, что не стал бы вызывать доктора Фрэнклина, если бы подхватил грипп, но воздал должное его горячечной искренности и силе. Я заметил произошедшие в нем после смерти жены перемены. Его поведение вряд ли можно было назвать траурным. Напротив, он казался более живым, менее рассеянным и полным энергии и огня.

Он резко заметил, ворвавшись в мои мысли:

— Вы с Джудит не очень-то похожи, а?

— Нет, думаю, нет.

— И она не похожа на свою мать?

Я подумал и потом медленно покачал головой.

— Нет. Моя жена была веселым, смеющимся созданием. Она ни к чему не относилась серьезно… и пыталась сделать меня таким же, но, боюсь, безуспешно.

Он слабо улыбнулся.

— Да, вы довольно строгий отец, верно? Так Джудит говорит, Джудит мало смеется… серьезная молодая женщина. Наверное, слишком много работает. Моя вина.

Он погрузился в мрачные размышления. Я непринужденно заметил:

— Должно быть, ваша работа очень интересная?

— А?

— Я сказал, что, должно быть, ваша работа очень интересна.

— Только полдюжине человек. Всем остальным она чертовски скучна, и, вероятно, так оно и есть. Во всяком случае, — он откинул назад голову, его плечи распрямились, и он неожиданно стал тем, кем был — мощным зрелым человеком, — теперь у меня есть шанс! Боже, мне хочется кричать вслух. Люди из министерства дали мне сегодня знать. Место все еще вакантно, и я его получил. Отправляюсь через десять дней.

— В Африку?

— Да. Грандиозно.

— Так скоро? — Я был слегка шокирован.

Он уставился на меня.

— Что вы имеете в виду… *скоро*? — Его лицо

прояснилось. — Вы хотите сказать, после смерти Барбары? А почему бы и нет? Что проку притворяться, ведь ее смерть была мне величайшим облегчением.

Похоже, его позабавило выражение моего лица.

— Боюсь, у меня нет времени для общепринятого в подобных случаях поведения. Я влюбился в Барбару… она была очень хорошенькой девушкой… женился на ней и разлюбил ее через год. Не думаю, что и ее чувство ко мне длилось дольше. Конечно, я ее разочаровал. Она думала, что сможет на меня повлиять. Не смогла. Я эгоистичная, упрямая скотина и делаю, что хочу.

— Но вы отказались от работы в Африке именно из-за нее, — напомнил ему я.

— Да. Однако мои мотивы были чисто финансовыми. Я обязался обеспечить Барбаре существование, к которому она привыкла. Если бы я уехал, ей пришлось бы сильно экономить. Но теперь, — он улыбнулся искренней мальчишеской улыбкой, — мне чертовски повезло.

Я почувствовал отвращение. Наверное, многие овдовевшие мужчины не убиваются от горя, и все, в общем, это знают. Но его поведение было просто вульгарным.

Он увидел мое лицо, но, похоже, оно не произвело на него надлежащего впечатления.

— Правда, — заметил он, — редко ценится. И, однако, она экономит мне много времени и помогает избегнуть множества речей, полных неточностей.

Я резко сказал:

— И вас ничуть не беспокоит, что ваша жена совершила самоубийство?

Он задумчиво ответил:

— Не думаю, что она покончила с собой. Слишком уж маловероятно…

— Но тогда что, по-вашему, случилось?

Он подхватил нить:

— Не знаю. И… не хочу знать. Понятно?

Я уставился на него. Его взгляд был жестким и холодным.

Он повторил:

— И не хочу знать. Мне не… интересно. Видите?

Я не видел… но мне это не понравилось.

III

Не знаю, когда я впервые заметил, что у Стивена Нортона что-то на уме. После дознания он был очень молчалив и, когда закончились похороны,

бесцельно бродил кругом, уставившись глазами в землю и сморщив лоб. У него была привычка ерошить руками короткие седые волосы, так что они вставали торчком, словно у Струмел Питер. Вид у него становился очень комичным, но делал он это совершенно бессознательно, и сие поведение свидетельствовало о каком-то замешательстве. Когда с ним заговаривали, он отвечал очень рассеянно, и, наконец, меня осенило, что он из-за чего-то беспокоится. Я осторожно спросил его, не получил ли он каких-либо плохих известий, но он быстро опроверг мое предположение. И до поры до времени эта тема оказалась закрытой. Но чуть позднее он, похоже, попытался узнать мое мнение, правда, очень неуклюже и не высказываясь напрямую.

Чуть заикаясь, как всегда, когда он говорил о чем-то серьезном, Нортон пустился рассказывать запутанную историю, суть которой заключалась в этике и морали.

— Знаете, Хэстингс, должно быть, так просто сказать, правильно это или неправильно… но когда доходит до дела, плавание проходит в бурных водах. Я к тому, что если натолкнешься на что-то… Знаете, что-то такое, что не имеет для вас значения… ну, какой-то инцидент, и не можешь

им воспользоваться… но, однако, он ужасно важен. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Боюсь, не очень хорошо, — сознался я.

Нортон вновь сморщил лоб. Он опять провел рукой по волосам так, что они встали дыбом, придав ему комичный вид.

— Так трудно пояснить. Вот, к примеру, предположим, что случайно увидели что-то в личном письме… открытом по ошибке, такое вот дело… письмо предназначалось другому человеку, и вы начали его читать, потому что решили, что оно написано вам, и прочитали то, что вам не предназначалось, перед тем, как успели понять. Знаете, такое бывает.

— О, да, конечно.

— Ну вот, и что же тогда делать?

— Э… — я поразмышлял. — Наверное, вам следует пойти к тому человеку и сказать: «Мне страшно жаль, но я открыл его по ошибке».

Нортон вздохнул. Он сказал, что все не так-то просто.

— Видите ли… вы могли прочесть что-то очень неловкое, Хэстингс.

— Вы хотите сказать, что тот человек может смутиться? Тогда, наверное, вам стоит сделать вид, что вы ничего не читали, что заметили

ошибку вовремя.

— Да, — после короткой паузы согласился Нортон, но, похоже, к удовлетворительному для себя решению не пришел.

Он тоскливо заметил:

— Как бы я хотел знать, что мне следует сделать.

Я сказал, что, по-моему, другого выхода у него нет.

По-прежнему озадаченно хмурясь, Нортон начал:

— Видите ли, Хэстингс, проблема гораздо шире. Предположим, что вы опять прочли что-то важное для другого человека… я имею в виду…

Я потерял терпение.

— Право, Нортон, я вас совсем не понимаю. Не можете же вы расхаживать кругом и читать личные письма, адресованные другим людям…

— Нет, нет, конечно, нет. Я не имел в виду ничего подобного. И, во всяком случае, это вообще было не письмо. Я только привел его как пример, чтобы пояснить ситуацию. Естественно, все, что видел или слышал, или читал… случайно, нужно хранить в тайне, если…

— Если что?

Нортон медленно сказал:

— Если только об этом «что-то» не *следует* рассказать.

Я посмотрел на него с внезапно пробудившимся интересом. Он продолжил:

— Давайте я скажу так… предположим, вы увидели что-то через… замочную скважину…

Замочные скважины немедленно напомнили мне о Пуаро! Нортон все еще запинался.

— Я хочу сказать, если, конечно, у вас была на то причина… причина заглянуть в замочную скважину… ключ мог застрять и пришлось посмотреть, нет ли ключа с другой стороны… или… или какая-то другая, вполне порядочная причина… и вы никогда и не ожидали увидеть, что увидели…

Минуты две-три я терял нить его бессвязных предложений, потом меня, наконец, осенило. Я вспомнил день на травянистом холме и Нортона, подкручивающего свой бинокль, чтобы увидеть крапчатого дятла. Я вспомнил его расстройство и смущение, его попытки помешать мне смотреть в бинокль. В тот момент я решил, что он увидел что-то связанное со мной… а точнее говоря, что он увидел Аллертона и Джудит. Но, предположим, дело было совсем в другом? Он увидел нечто совершенно иное? Я предположил, что увиденное

относится к Аллертону и Джудит, потому что в то время меня занимали только эти мысли, и я не мог думать ни о чем другом.

Я резко спросил:

— Вы что-то видели в свой бинокль?

Нортон был и поражен, и обрадован.

— Но как вы догадались, Хэстингс?

— И это произошло в тот день, когда вы, и я, и Элизабет Коул были на холме, верно?

— Да, правильно.

— И вы не захотели, чтобы я увидел то, что увидели вы?

— Да. Э… э, я хочу сказать, что нам нельзя было это видеть.

— Но что вы увидели?

Нортон снова нахмурился.

— Все довольно просто. Следует ли мне говорить? Я хочу сказать, все получилось так, словно я… шпионил. Я увидел что-то, чего не должен был видеть. Все получилось случайно… там действительно был крапчатый дятел… и потом я увидел другое.

Он смолк. Я сгорал от любопытства, просто умирал от любопытства, но уважал его стеснительность.

Я спросил:

— Это что-то… было важным?

Он медленно ответил:

— Может быть, да. А может, и нет. Не знаю.

Тогда я спросил:

— Это имело отношение к смерти миссис Фрэнклин?

Он вздрогнул.

— Как странно, что вы так говорите.

— Значит, я прав?

— Нет, нет, не совсем. Но может быть. — Он медленно продолжил: — Оно может пролить иной свет на определенные события. Вполне вероятно, оно значит… О, черт подери, не знаю, что и делать!

Я был в затруднении. Я сгорал от любопытства, однако чувствовал, что Нортону не очень-то хочется говорить о том, что он видел. Я мог его понять: всегда неприятно узнать какую-то информацию при обстоятельствах, которые могут счесть сомнительными. Потом у меня появилась идея.

— Почему бы вам не проконсультироваться с Пуаро?

— Пуаро? — Похоже, Нортон сомневался.

— Да, попросить у него совета.

— М-да, — медленно протянул Нортон. — Неп-

лохая идея. Только, конечно, он иностранец… — он смущенно смолк.

Я знал, что он имеет в виду. Едкие сарказмы Пуаро насчет «игры» слишком хорошо были мне знакомы. Я лишь удивился, как это Пуаро не додумался воспользоваться биноклем. Если бы ему только пришла в голову такая мысль, он бы обязательно так поступил.

— Он с уважением отнесется к вашему признанию, — упрашивал я. — И если вам его совет не понравится, не обязательно действовать в соответствии с ним.

— Верно, — сказал Нортон. Его лицо прояснилось, с лица исчезли морщинки. — Знаете, Хэстингс, я, наверное, вас послушаюсь.

IV

Я изумился немедленной реакции Пуаро на свое сообщение.

— Что вы сказали, Хэстингс?

Он выронил тонкий ломтик тоста, который подносил ко рту, и резко наклонил голову.

— Расскажите мне все. Быстро все расскажите.

Я повторил свою историю.

— Он в тот день увидел что-то в бинокль, — задумчиво повторил Пуаро. — Что-то, о чем не

пожелал сказать вам. — Его рука резко схватила мою ладонь. — Он больше никому об этом не говорил?

— Не думаю. Уверен, что нет.

— Будьте осторожны, Хэстингс. Просто жизненно необходимо не дать ему говорить на сей счет с кем-то другим… он не должен даже намекать. Иначе возникнет опасность.

— Опасность?

— Серьезная опасность.

У Пуаро было очень суровое лицо.

— Договоритесь с ним, чтобы он поднялся ко мне сегодня вечером. Ну просто обычный дружеский визит, вот и все. Никто другой не должен даже подозревать, что для его прихода есть какая-то особая причина. И будьте осторожны, Хэстингс, будьте очень, очень осторожны. Кто еще с вами тогда был?

— Элизабет Коул.

— Она заметила что-нибудь странное в его поведении?

Я попытался вспомнить.

— Не знаю. Может быть. Я спрошу ее…

— Нет, Хэстингс, вы не скажете никому ничего… абсолютно ничего.

Глава шестнадцатая

I

Я передал Нортону послание Пуаро.

— Конечно, я поднимусь и поговорю с ним. С удовольствием. Но знаете, Хэстингс, мне жаль, что я упомянул об этом даже вам.

— Кстати, — сказал я. — Вы никому больше ничего не говорили на сей счет, э?

— Нет… по крайней мере… нет, конечно, нет.

— Бы совершенно уверены?

— Да, да, я не говорил ничего.

— Что ж, и не надо. По крайней мере, пока не увидитесь с Пуаро.

Я заметил слабое колебание в его голосе, когда он ответил в первый раз, но во второй раз его тон был тверд.

Однако впоследствии мне пришлось вспомнить об этом замешательстве.

II

Я снова поднялся на тот травянистый холм. Там уже кто-то был — Элизабет Коул. Когда я подни-

мался по склону, она повернула голову.

Она сказала:

— У вас очень возбужденный вид, капитан Хэстингс. Что-нибудь случилось?

Я попытался успокоиться.

— Нет, нет, совсем ничего. Я просто запыхался… быстро шел. — Я добавил обычным повседневным голосом: — Будет дождь.

Она взглянула на небо.

— Да, думаю, вы правы.

Минуту-другую мы стояли молча. Что-то в этой женщине казалось мне очень симпатичным. С тех самых пор, когда она мне открылась, кто она на самом деле и какая трагедия погубила ее жизнь, я чувствовал к ней интерес. Два несчастных и страдающих человека всегда имеют много общего. Однако, как, по крайней мере, подозревал я, для нее начиналась вторая весна. Повинуясь какому-то странному порыву, я сказал:

— Я не возбужден, а подавлен. Получил плохие новости насчет своего дорогого старого друга.

— Месье Пуаро?

Ее сочувственный интерес заставил меня рассказать ей обо всем, что накопилось на душе.

Когда я смолк, она мягко произнесла:

— Понятно. Так, значит… конец может насту-

пить в любую минуту?

Я кивнул, будучи не в силах говорить.

Через одну-две минуты я заметил:

— Когда он умрет, я действительно останусь один на белом свете.

— О нет, у вас есть Джудит… и другие дети.

— Они разбросаны по всему миру, а Джудит… у нее есть работа. Я ей не нужен.

— Подозреваю, дети не нуждаются в родителях до тех пор, пока не попадут в какую-нибудь неприятность. Вы должны принять эту истину как закон. Я гораздо более одинока, чем вы. Обе мои сестры далеко. Одна — в Америке, другая — в Италии.

— Моя дорогая девочка, — сказал я, — ваша жизнь только начинается.

— В тридцать пять?

— Что такое тридцать пять? Как бы я хотел, чтобы и мне было тридцать пять. — Я язвительно добавил: — Знаете, я не слепой.

Она устремила на меня вопросительный взгляд, а потом покраснела.

— Уж не думаете ли вы… о! Стивен Нортон и я просто друзья. У нас много общего…

— Тем лучше.

— Он… он просто ужасно добрый.

— О, дорогая моя, — сказал я. — Не верьте нашей доброте. На самом деле мы, мужчины, не таковы.

Но неожиданно Элизабет Коул побледнела. Она сказала низким напряженным голосом:

— Вы жестоки… слепы! Как я могу помышлять о браке? С моей-то семейной историей. С моей сестрой-убийцей… или если не убийцей, то сумасшедшей. Не знаю, что хуже.

Я решительно заявил:

— Не терзайте себя. Вспомните, может быть, это неправда.

— Что вы имеете в виду? Это правда.

— Разве не вы сами говорили мне однажды: «Это была не Мэгги?»

Она затаила дыхание.

— Всякий на моем месте может так чувствовать.

— Очень и очень часто то, что человек чувствует, оказывается правдой.

Она уставилась на меня.

— Что вы хотите сказать?

— Ваша сестра, — заявил я, — не убивала вашего отца.

Ее рука потянулась ко рту. Глаза, широко раскрытые и напуганные, встретились с моими.

— Вы сумасшедший, — произнесла она, — долж-

но быть, вы сумасшедший. Кто вам так сказал?

— Не важно, — заявил я. — Это правда. И в один прекрасный день я предоставлю вам доказательства своих слов.

III

Возле дома я наткнулся на Бойда Кэррингтона.

— Сегодня я провожу здесь последний вечер, — сообщил он мне. — Переезжаю завтра.

— В Кнэттон?

— Да.

— Должно быть, вы волнуетесь.

— Волнуюсь? Наверное. — Он вздохнул. — Во всяком случае, Хэстингс, не буду скрывать, что рад отсюда уехать.

— Конечно, стряпня отвратительная и обслуга не из лучших.

— Я имею в виду совсем не это. В конце концов, плата невелика и от таких гостиниц ожидать много не приходится. Нет, Хэстингс, я имею в виду большее, нежели дискомфорт. Мне не нравится дом… его злое влияние. Здесь происходят страшные вещи.

— Конечно.

— Не знаю, в чем тут дело. Может быть, вся соль в том, что здесь однажды было совершено

убийство, и теперь дом никогда не будет нормальным… Но он мне не нравится. Сперва этот несчастный случай с миссис Латтрелл… чертовски неприятная штука. И потом бедная малышка Барбара.

Он смолк.

— Уж кто-кто, а она, *по-моему,* никогда бы не совершила самоубийства.

Я заколебался.

— Э, не знаю, смогу ли я зайти настолько далеко…

Он прервал меня.

— А вот я зайду. Черт возьми, я провел с ней чуть ли не весь день. Она была в отличном настроении… наслаждалась нашей прогулкой. Она лишь беспокоилась, как бы Джон не погрузился с головой в свои эксперименты и не начал бы испытывать на себе смеси. Вы знаете, что я думаю, Хэстингс?

— Нет.

— Что виноват в ее смерти муж. Наверное, пилил ее. Она всегда была откровенна со мной. Он все время намекал ей, что она мешает его драгоценной карьере (я бы ему показал карьеру!), и она сломалась. Ну и бессердечный же он мужик, и глазом не моргнул. Объявил мне сейчас, этак

невозмутимо, что отбывает в Африку. Право, знаете, Хэстингс, я бы не удивился, если бы оказалось, что он ее убил.

— Вы не должны так говорить, — резко заметил я.

— Да… да, верно. Однако имейте в виду, главным образом, потому, что если бы он стал ее убивать, то не так. Я имею в виду, все ведь знали, что он работает с веществом… физостигмином… так что здравый смысл подсказывает: если бы он с ней разделался, то не стал бы его использовать. Но все-таки, Хэстингс, не только я считаю Фрэнклина подозрительным типом. Мне намекнул кое-кто, кому следовало бы знать.

— И кто же, — резко осведомился я.

Бойд Кэррингтон понизил голос:

— Сестра Крейвен.

— Что? — страшно удивился я.

— Ш-ш… Не кричите. Да, сестра Крейвен подкинула мне эту идею. Знаете, она девушка проницательная. Голова у нее на плечах хорошо сидит. Она не любит Фрэнклина… не любила его все время.

Я поразмышлял. Я бы сказал, что сестра Крейвен не любила свою пациентку. Неожиданно мне подумалось, что сестра Крейвен должна многое

знать о menage[51] Фрэнклинов.

— Она сегодня вечером здесь переночует, — сказал Бойд Кэррингтон.

— Понятно.

Меня смутно обеспокоило возвращение сестры Крейвен, однако я не смог сказать, почему. «Была ли у нее причина, — думал я, — для приезда? Она не любила Фрэнклина, — сказал Бойд Кэррингтон…»

Взяв себя в руки, я неожиданно неистово сказал:

— Она не имеет права распространять намеки насчет Фрэнклина. В конце концов, именно ее показания помогли установить, что было совершено самоубийство. Да и Пуаро видел, как миссис Фрэнклин выходила из студии с пузырьком в руке.

Бойд Кэррингтон огрызнулся:

— А при чем тут пузырек?! Женщины всегда носят пузырьки… духи, лосьон для волос, лак для ногтей. Вон ваша девчонка бегала в тот вечер с пузырьком в руке… это же не значит, что *она* думала о самоубийстве, верно? Чепуха!

Он смолк, потому что к нам подошел Аллертон.

---

[51] Примечания: 51
Чете — *фр.*

Очень кстати, в лучшем духе мелодрамы, издалека донесся низкий рокот грома.

Я подумал, как и думал прежде, что Аллертон был создан для роли злодея.

Но он был за много миль от дома в ночь смерти Барбары Фрэнклин. И, кроме того, какой у него мог быть мотив?

Но ведь, размышлял я, у X никогда не было мотива. Вот в чем сила его положения. Это, и только это мешало нам. И, однако, в любую минуту, словно крошечный огонек в кромешной тьме, могла вспыхнуть идея…

IV

Думаю, здесь и сейчас я должен упомянуть, что никогда ни на один момент не допускал мысли, что Пуаро может провалиться. Я никогда и не помышлял, что в борьбе между Пуаро и X последний может выйти победителем. Несмотря на всю немощь и никудышнее здоровье Пуаро, я верил в него как в потенциально более сильного соперника. Видите ли, я привык, что Пуаро всегда преуспевает.

Именно сам Пуаро первым заронил сомнение в мою душу.

Перед тем как спуститься к обеду, я заглянул к

нему. Сейчас я уже забыл, как все получилось, но он неожиданно произнес фразу: «Если со мной что-нибудь случится…»

Я сразу же громко запротестовал: «Ничего не случится… ничего не может случиться».

— Eh bein, значит, вы плохо слушали доктора Фрэнклина.

— Фрэнклин не знает. Вы проживете еще много лет, Пуаро.

— Возможно, друг мой, хотя и крайне маловероятно. Но я говорю сейчас в определенном, а не в общем смысле. Хотя я могу вскоре умереть, это, однако, может оказаться недостаточно скоро для нашего друга Х.

— Что? — изумился я.

Пуаро кивнул.

— Ну да, Хэстингс. В конце концов, Х умен. По правде говоря, даже очень умен. Х не может не понимать, что мое уничтожение, даже если оно опередит естественную кончину на несколько дней, окажется для него неоценимым преимуществом.

— Но тогда… но тогда… что произойдет? — Я был озадачен.

— Когда полковник погибнет, mon ami, второй по званию занимает его место. Вы продолжите

бой.

— Как? Я же в полной темноте.

— Я все устроил. Если со мной что-нибудь случится, друг мой, вы найдете здесь, — он постучал по запертой шкатулке, лежащей рядом с ним, — необходимые вам ключи. Как видите, я предусмотрел все возможности.

— Не надо хитрить. Просто скажите все, что мне нужно знать.

— Нет, друг мой. Тот факт, что вы не знаете того, что знаю я, является очень ценным обстоятельством.

— Вы оставили мне ясный отчет о положении дел?

— Разумеется, нет. Его может заполучить Х.

— Тогда что же вы оставили?

— Своеобразные указания. Они ничего не будут значить для Х… уж будьте в этом уверены… но приведут вас к правде.

— А вот я не так уверен. Ну почему у вас такой извилистый, такой уклончивый склад ума, Пуаро? Вы всегда любите все усложнять. Всегда!

— И сейчас привычка стала страстью? Вы это хотите сказать? Вполне вероятно. Но успокойтесь, друг мой, указания приведут вас к правде. — Он помолчал и потом добавил: — И, возможно, тогда

вы захотите, чтобы они не заводили вас так далеко. Вы от всей души захотите сказать: «Опускайте занавес».

Что-то в его голосе вновь вызвало у меня тот смутный бесформенный страх, спазмы которого я раз или два уже чувствовал раньше. Словно где-то… совсем рядом был факт, который я не хотел видеть… который не находил сил признать. Что-то, что уже в глубине души я *знал*… Я стряхнул оцепенение и спустился к обеду.

Глава семнадцатая

I

Обед прошел довольно весело. Миссис Латтрелл вновь ела со всеми. Настроение у нее было преотличное, и она опять блистала своей ирландской веселостью. Что касается Фрэнклина, то я не помню, чтобы он когда-нибудь был более оживлен и радостен. Сестру Крейвен я впервые увидел в штатском, а не в форме. Несомненно, она была очень привлекательной молодой особой, особенно когда отбросила профессиональную сдержанность.

После обеда миссис Латтрелл предложила поиграть в бридж. Потом перешли на игры с неограниченным числом участников. Около половины десятого Нортон заявил о своем намерении подняться к Пуаро.

— Неплохая идея, — сказал Бойд Кэррингтон. — Жаль, что в последнее время он неважно себя чувствовал. Я тоже пойду с вами.

Я должен был действовать быстро.

— Послушайте, — сказал я, — видите ли, дело в том… ему утомительно разговаривать более чем

с одним человеком одновременно.

Нортон понял намек и быстро заметил;

— Я обещал дать ему почитать книгу о птицах.

Бойд Кэррингтон сдался.

— Ладно. Вы вернетесь, Хэстингс?

— Да.

Я поднялся с Нортоном. Пуаро ждал. Перекинувшись с ним несколькими словами, я снова спустился. Мы начали играть в рамми. Думаю, Бойду Кэррингтону не понравилась беззаботная атмосфера, царившая в Стайлзе в тот день. Наверное, он считал, что слишком уж недавно произошла трагедия, чтобы о ней забыть. Он был рассеян, часто забывал, что делал, и, наконец, извинившись, вышел из игры.

Он подошел к окну и открыл его. Издалека доносился рокот грома. Повеяло бурей, хотя до нас она еще не дошла. Он закрыл окно и вернулся. Постоял минуту-другую, глядя на нас, и потом оставил комнату.

Я отправился спать без четверти одиннадцать. Я не стал заходить к Пуаро. Он мог уже спать. Кроме того, мне не хотелось думать опять о Стайлзе и его проблемах. Я хотел спать… спать и забыть.

Я только начал дремать, когда меня разбудил какой-то звук. Я подумал, что, наверное, кто-то

постучал ко мне в дверь. Я сказал: «Войдите», но ответа не последовало, так что я включил свет и, поднявшись, выглянул в коридор.

Я увидел Нортона, который только что вышел из ванной и направлялся в свою комнату. На нем был халат в клеточку невероятно безобразной расцветки, его волосы, как обычно, стояли торчком… Он вошел в свою комнату и закрыл дверь, и сразу же я услышал звук поворачивающегося в замке ключа.

С неба доносилось басистое рокотание. Гроза приближалась.

Я вернулся в кровать, чувствуя слабое беспокойство, очевидно, вызванное звуком поворачивающегося ключа. В нем было что-то очень зловещее. Разве обычно Нортон запирал дверь на ключ? Я терялся в догадках. Пуаро велел ему закрыться? С неожиданной тревогой я вспомнил о таинственном исчезновении ключа от двери Пуаро.

Я лежал в постели, и мое беспокойство росло и росло; грохот приближающейся бури усилил нервозность. Наконец я встал и запер свою дверь. Потом вернулся в постель и заснул.

II

Я зашел к Пуаро перед тем, как спуститься к завтраку.

Он лежал на кровати, и я вновь ужаснулся, каким больным он выглядел. Глубокие морщины изнеможения и усталости покрывали его лицо.

— Как вы, дружище?

Он терпеливо улыбнулся мне.

— Я существую, друг мой. Я все еще существую.

— Вам не больно?

— Нет… просто устал, — он вздохнул, — очень устал.

Я кивнул.

— Как насчет вчерашнего вечера? Нортон рассказал вам, что видел в тот день?

— Рассказал, да.

— И что же это было?

Пуаро долго и задумчиво смотрел на меня перед тем, как ответить.

— Я не уверен, Хэстингс, что будет лучше, если я вам скажу. Вы можете неправильно понять.

— О чем вы говорите?

— Нортон, — произнес Пуаро, — сообщает мне, что видел двоих…

— Джудит и Аллертона! — воскликнул я. — Так

я и думал!

— Eh bein, non[52]. Не Джудит и Аллертона. Разве я не предупреждал вас, что вы неправильно меня поймете? Вы человек одной идеи.

— Простите, — сконфуженно потупился я. — Расскажите мне.

— Я расскажу завтра. Мне надо о многом подумать.

— Его информация… помогла в расследовании?

Пуаро кивнул. Он закрыл глаза, откинулся на подушки.

— Дело завершено. Да, завершено. Осталось лишь завязать кое-какие болтающиеся концы, как говорится. Идите завтракать, друг мой. И заодно пошлите ко мне Кертиса.

Я выполнил его поручение и спустился вниз. Я хотел увидеть Нортона. Я страшно хотел узнать, что же он рассказал Пуаро.

Но где-то в глубине души я по-прежнему не чувствовал радости. Почему-то не было в поведении Пуаро ни восторга, ни приподнятого настроения.

И откуда эта настойчивая секретность? Откуда эта глубокая, необъяснимая печаль? Где же кро-

---

[52] Примечания: 52
Нет — *фр.*

ется правда?

Нортона за завтраком не было.

После еды я вышел прогуляться в сад. Воздух после грозы был свеж и прохладен. Я заметил, что ночью лил сильный дождь. На лужайке стоял Бойд Кэррингтон. Я обрадовался, увидев его, и мне страшно захотелось ввести его в курс дела. Я все время испытывал это желание. И сейчас почувствовал сильное искушение. Честно говоря, Пуаро уже попросту не мог продолжать расследование в одиночку. В то утро Бойд Кэррингтон был так полон жизни, так уверен в себе, что я почувствовал, как меня окатила волна тепла и уверенности.

— Что-то вы поздненько сегодня встали, — с улыбкой заметил он.

Я кивнул.

— Поздно заснул.

— Ночью была сильная гроза. Слышали?

Я вспомнил, что сквозь сон до меня доносился рокот грома.

— Вчера вечером я неважно себя чувствовал, — сказал Бойд Кэррингтон. — А вот сегодня лучше. — Он потянулся и зевнул.

— Где Нортон? — спросил я.

— Наверное, еще не встал. Ленивый черт.

Не сговариваясь, мы подняли глаза. Окна комнаты Нортона были расположены как раз над нами. Я вздрогнул. Потому что на всем фасаде только они все еще были закрыты ставнями.

Я сказал:

— Странно. Как вы думаете, может быть, его забыли разбудить?

— Забавно. Надеюсь, он не заболел. Давайте поднимемся и посмотрим.

Мы отправились вместе. Горничная, довольно глупая девушка, была в коридоре. На наш вопрос она пояснила, что мистер Нортон нё ответил на ее стук. Она постучала еще раза два, но, похоже, он не слышал. Его дверь была заперта.

Страшное предчувствие охватило меня. Я громко забарабанил в дверь, крича:

— Нортон… Нортон. Проснитесь!

И вновь с растущим беспокойством:

— Проснитесь…

III

Когда стало ясно, что ответа не будет, мы разыскали полковника Латтрелла. Он выслушал нас, и в его выцветших голубых глазах показалась смутная тревога. Он неуверенно дернул себя за ус.

Миссис Латтрелл, всегда быстро принимавшая

решения, не стала церемониться.

— Нужно как-нибудь открыть дверь. Больше ничего не остается.

Во второй раз в жизни я увидел, как в Стайлзе выламывают дверь. И за этой дверью скрывалось то же самое, что и в первом случае. *Насильственная смерть.*

Нортон лежал на кровати в своем халате. Ключ от двери был у него в кармане. В руке он сжимал маленький пистолет… с виду простую игрушку… но способную сделать свое дело. Точно в центре его лба зияло маленькое отверстие.

Минуты две-три я никак не мог понять, что оно мне напомнило. Конечно, что-то очень старое…

Я слишком устал вспоминать.

IV

Когда я вошел в комнату Пуаро, он по выражению моего лица понял, что что-то произошло.

Он быстро сказал:

— Что случилось? Нортон?

— Мертв!

— Как? Когда?

Я коротко обрисовал ситуацию и устало закончил:

— Говорят, самоубийство. А что еще можно ска-

зать? Дверь заперта. Ставни на окнах закрыты. Ключ в его кармане. Бог ты мой! Я же сам видел, как он вошел, и слышал, как он запер дверь.

— Вы видели его, Хэстингс?

— Да, прошлой ночью.

Я все пояснил.

— Вы уверены, что это был Нортон?

— Конечно, я бы где угодно узнал его ужасный старый халат.

На один момент Пуаро стал прежним самим собой.

— А? Но вы-то опознаете *человека*, а не *халат.* Ma foi![53] Любой может носить халат.

— Конечно, — медленно сказал я, — лица я его не видел. Но волосы были его, это точно, и небольшая хромота…

— Любой может хромать, mon Dieu![54]

Я пораженно взглянул на него.

— Вы хотите сказать, Пуаро, что я видел не Нортона?

— Я не предполагаю ничего подобного. Просто меня раздражают антинаучные причины, которые вы выдвигаете в доказательство того, что

---

[53] Примечания: 53
Право же! — *фр.*

[54] Примечания: 54
Бог ты мой! — *фр.*

видели Нортона. Нет-нет, я ни единую минуту не допускаю, что это был не Нортон. Любому из живущих здесь людей трудно выдать себя за Нортона, потому что все высоки… гораздо выше его и, enfin[55], рост не замаскируешь… нет, нет. Нортон был всего пять футов пять дюймов[56]. Tout de même[57], как все похоже на фокус, а? Он входит в свою комнату, запирает дверь, кладет ключ в карман, а потом его находят убитым, и пистолет у него в руке, и ключ по-прежнему в кармане.

— Значит, вы не считаете, — спросил я, — что он застрелился?

Пуаро медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Нортон не застрелился. Он был умышленно убит.

Я спустился вниз, чувствуя, что нахожусь в полном тупике. Все настолько необъяснимо, что, думаю, меня можно простить за то, что я не предвидел следующий неизбежный ход. Я был ошеломлен… ошарашен. Мозг отказался работать.

---

[55] Примечания: 55
В конце концов — *фр*.

[56] Примечания: 56
1 фут — 30,48 см, дюйм — 2,54 см

[57] Примечания: 57
Тем не менее — *фр*.

И, однако, это было так логично. Нортона убили… почему? Чтобы помешать, как я считал, его рассказу о том, что он видел. Но он доверился одному человеку.

И этот человек, следовательно, тоже был в опасности…

И ему не только грозила опасность, он просто был беспомощен.

Я *должен* был знать.

Я *должен* был предвидеть.

— Cher ami! — сказал мне Пуаро, когда я оставлял комнату.

То были последние слова, которые я от него слышал. Потому что когда Кертис пришел к своему хозяину, то обнаружил, что он мертв…

Глава восемнадцатая

I

Я вообще не хочу об этом писать.

Видите ли, я хочу думать об этом как можно меньше. Эркюль Пуаро умер… и вместе с ним умерла большая часть Артура Хэстингса. Я лишь перечислю факты, без прикрас. На большее я не способен.

Он умер, как было сказано, естественной смертью. Иными словами, он умер от сердечного приступа. Фрэнклин говорил, что именно так он и должен был уйти… Несомненно, приступ вызвала смерть Нортона. Но, как оказалось, по недосмотру у его кровати не оказалось ампул с амилнитритом.

Был ли это недосмотр? Или кто-то намеренно их убрал? Нет, должно быть, здесь скрывается нечто большее. Х не мог рассчитывать, что у Пуаро будет сердечный приступ.

Так что я отказываюсь верить, что смерть Пуаро была естественной. Его убили, как убили Нортона, как убили Барбару Фрэнклин. И я не знаю, *почему* их убили… и я не знаю, *кто* убил их! В

отношении смерти Нортона провели дознание и вынесли вердикт о самоубийстве. Единственную каплю сомнения внес хирург, который заявил, что стреляться точно в центр лба несколько необычно. Но то была единственная тень. Все так просто. Дверь заперта изнутри, ключ в кармане мертвеца, ставни на окнах закрыты… пистолет в руке. Нортон жаловался на головные боли и, похоже, в последнее время у него начались денежные затруднения. Едва ли можно посчитать данные факты причинами для самоубийства, но их выдвинули на первый план.

Пистолет явно принадлежал ему. Дважды во время проживания Нортона и Стайлзе горничная видела оружие на его туалетном столике. Такие вот дела. В дуэли между Пуаро и Х выиграл последний.

Сейчас настал мой черед. Я пошел в комнату Пуаро и взял шкатулку.

Я знал, что он назначил меня своим душеприказчиком, так что у меня было на то полное право. Ключ был у него на шее.

В своей комнате я открыл шкатулку.

Я сразу же испытал шок. *Досье по делам Х пропало*. Я видел его там накануне, когда Пуаро отпирал шкатулку. Вот и доказательство, если бы

оно было мне нужно, что здесь поработал Х. Или Пуаро сам уничтожил бумаги (крайне маловероятно), или же это сделал Х.

Х. Ненавистный дьявол Х.

Но шкатулка была не совсем пуста. Я вспомнил обещание Пуаро, что найду здесь другие указания, которые Х не поймет.

Были ли они указаниями?

Экземпляр трагедии Шекспира «Отелло». Маленькое дешевое издание. Другая книга оказалась пьесой Сент Джона Эрвайне «Джон Фергусон». На третьем акте была закладка. Я, ничего не понимая, уставился на обе книги.

Вот ключи, оставленные для меня Пуаро… и они вообще ничего для меня не значат!

Что они могут значить?

Единственное, что пришло мне на ум… так это то, что в них заключен какой-то шифр. Шифр, разгадать который можно при помощи пьес.

Но если так, как мне его разгадать?

Нигде не было подчеркнуто ни единого слова, ни единой буквы. Я попытался нагревать страницы, но все безрезультатно. Я внимательно перечитал третий акт «Джона Фергусона». Восхитительная и волнующая, полная напряжения сцена, в которой «придурковатый» Клайти Джон

сидит и разговаривает, и заканчивающаяся тем, что молодой Фергусон уходит разыскивать человека, оскорбившего его сестру. Превосходное мастерство, в описании характеров… но вряд ли Пуаро оставил книги, чтобы улучшить мои литературные вкусы!

И потом, когда я листал страницы, из них выпала полоска бумаги. На ней была лишь одна фраза, написанная почерком Пуаро.

«ПОГОВОРИТЕ с моим слугой Джорджесом».

М-да, это уже что-то. Может быть, ключ к шифру, если, конечно, шифр находился у Джорджеса. Я должен узнать его адрес и повидаться с ним.

Но сначала мне предстояло печальное дело — похороны моего дорогого друга. Здесь было место, где он жил, когда впервые приехал в эту страну.

Он будет спать здесь последним сном.

В те дни Джудит была очень ко мне добра.

Она проводила со мной много времени и помогала все устраивать. Она была нежна и полна сочувствия. Элизабет Коул и Бойд Кэррингтон тоже были очень добры.

Смерть Нортона расстроила Элизабет Коул меньше, чем я ожидал. Если она и горевала, то

сдерживалась.

Итак, все было кончено…

II

Да, я должен записать и это.

Обязательно.

Похороны завершились. Я сидел с Джудит, пытаясь набросать какие-нибудь планы на будущее.

И тогда она сказала:

— Но, дорогой, меня здесь не будет.

— Не будет?

— Меня не будет в Англии.

Я вытаращил на нее глаза.

— Мне не хотелось говорить тебе прежде, отец. Я не желала добавлять тебе горя и тревог. Но сейчас ты должен знать. Надеюсь, ты не будешь возражать. Видишь ли, я уезжаю в Африку с доктором Фрэнклином.

Я взорвался. Невозможно. Она не сделает ничего подобного. Обязательно пойдут разговоры. Одно дело — быть его ассистенткой в Англии, особенно при живой жене, и совсем другое — поехать с ним в Африку. Невозможно, и я абсолютно ей запрещаю! Джудит не должна делать ничего подобного! Она меня не прерывала. Она позволила

мне выговориться. Она очень слабо улыбалась.

— Но, дорогуша, — сказала она. — Я не поеду с ним в качестве ассистентки. Я поеду как его жена.

Меня словно оглушили.

Я сказал… или точнее… запинаясь, пробормотал:

— А Аллертон?

Похоже, я ее позабавил.

— У меня никогда с ним ничего не было. Я бы сказала тебе это, если бы ты меня не разозлил. Кроме того, я хотела, чтобы ты думал… чтобы ты думал. Я не хотела, чтобы ты знал, что это был… Джон.

— Но я видел, как он поцеловал тебя однажды вечером… на террасе.

Она нетерпеливо ответила:

— О, ну и что? В тот вечер я была очень несчастна. Такое бывает. Уж тебе ли не знать!

Я твердо заявил:

— Ты еще не можешь выйти замуж за Фрэнклина… так скоро.

— Нет, могу. Я хочу уехать с ним, и ты только что сам сказал, что так дело намного упрощается. Нам нечего ждать… сейчас.

Джудит и Фрэнклин. Фрэнклин и Джудит.

Вы понимаете, какие мысли у меня появились… мысли, которые некоторое время накапливались подспудно, но не всплывали на поверхность?

Джудит с пузырьком в руке. Джудит своим юным страстным голосом заявляющая, что бесполезные жизни должны уступить дорогу полезным. Джудит, которую я любил и которую Пуаро тоже любил. Те два человека, которых видел Нортон… они были Джудит и *Фрэнклин?* Но если так, если так… Нет, не правда. Только не Джудит. Может быть, Фрэнклин — странный человек, безжалостный человек, человек, который, если уж решился на убийство, может убивать снова и снова.

Пуаро пожелал проконсультироваться у Фрэнклина.

Почему? Что он сказал ему в то утро?

Но только не Джудит. Не моя прелестная, серьезная, юная Джудит. И, однако, как странно смотрел на меня Пуаро. Как прозвучали эти слова: «Вы от всей души пожелаете сказать: «*Опускайте занавес*»…

И неожиданно мне в голову пришла новая идея. Чудовищно! Невозможно! Была ли вся история с Х фабрикацией? Прикрытием? Может быть, Пуаро приехал в Стайлз, потому что опасался трагедии в

семье Фрэнклинов? Он приехал, чтобы следить за Джудит? И *потому* так решительно отказывался мне что-либо рассказать? Вся история с Х была выдумкой, дымовой завесой?

И сущность этой трагедии скрывалась в Джудит, в моей дочери?

«Отелло»! Именно «Отелло» я взял с книжной полки в ту ночь, когда умерла миссис Фрэнклин. Вот в этом-то и состоит ключ?

В ту ночь Джудит выглядела, как кто-то сказал, словно ее тезка перед тем, как она отрезала голову Олоферна. Джудит… со смертью в сердце?

Глава девятнадцатая

Я пишу это в Истоборне.

Я приехал в Истоборн, чтобы увидеться с Джорджесом, бывшим слугой Пуаро.

Джорджес служил у Пуаро многие годы. Он был опытным, бесстрастным человеком, начисто лишенным воображения. Он всегда обо всем говорил буквально и также все буквально воспринимал.

Итак, я поехал повидаться с ним. Я сообщил ему о смерти Пуаро, и Джорджес среагировал так, как Джорджес должен был среагировать. Он был опечален и огорчен, но очень хорошо ухитрился скрыть свои чувства.

Потом я спросил:

— Он не оставил вам послание для меня, а?

Джорджес сразу ответил:

— Для вас, сэр? Нет, мне ничего неизвестно.

Я удивился. Я начал настаивать, но он был совершенно уверен.

Наконец я сказал:

— Наверное, я ошибся. Что ж, так значит так. Как бы я хотел, чтобы вы были с ним в его послед-

нюю минуту.

— Я тоже этого хотел бы, сэр.

— Однако что ж тут поделаешь, если ваш отец заболел, и вы должны были поехать к нему.

Джорджес как-то очень странно на меня посмотрел и сказал:

— Прошу прощенья, сэр, я не совсем вас понял.

— Вы должны были уехать, дабы ухаживать за своим больным отцом, верно?

— Я не желал уезжать, сэр. Месье Пуаро отослал меня.

— Отослал вас? — вытаращил я глаза.

— Я не имею в виду, сэр, что он меня уволил. Было решено, что я вернусь к нему позднее. Но я уехал по его желанию, и он выплачивал мне соответствующую компенсацию, пока я был со своим старым отцом.

— Но почему, Джорджес, почему?

— Право, не могу сказать, сэр.

— Вы не спрашивали?

— Нет, сэр. Не думаю, что мое положение меня к этому обязывало. У месье Пуаро всегда были какие-то свои идеи, сэр. Очень умный он был джентльмен, сэр, и очень уважаемый.

— Да, да, — рассеянно прошептал я.

— Очень привередливо к своей одежде относил-

ся, хотя наряды у него были такие иностранные и фасонные, если вы меня понимаете. Но, конечно, это понятно, ведь он был иностранным джентльменом. И волосы его тоже, и усы.

— А! Эти знаменитые усы. — Я почувствовал острую боль, вспомнив, как он ими гордился.

— Очень щепетильный он был насчет своих усов, — продолжил Джорджес. — И хотя носил их не на очень уж модный манер, но они ему шли, сэр, если вы меня понимаете.

Я сказал, что понимаю, а потом деликатно пробормотал:

— Наверное, он красил их, как и волосы?

— Он… э… чуток подкрашивал усы… но не волосы… не в последние годы.

— Чепуха, — отозвался я. — Они были черные, словно вороново крыло… прямо на парик были похожи, до того неестественно выглядели.

Джорджес издал извиняющийся кашель.

— Простите меня, сэр, но это и был парик. В последнее время месье Пуаро потерял много волос, так что стал носить парик.

Я подумал, как странно, что слуга знал больше о своем хозяине, чем его ближайший друг.

Я вернулся к вопросу, который больше всего меня озадачил.

— Но вы действительно понятия не имеете, почему месье Пуаро отослал вас? Думайте, сударь, *думайте.*

Джорджес попытался думать, но сие занятие явно не было для него привычным.

— Я могу лишь предположить, сэр, — наконец сказал он, — что он отослал меня, чтобы нанять Кертиса.

— Кертиса? Зачем ему понадобилось нанимать его?

Джорджес снова кашлянул.

— Знаете, сэр, право, не могу сказать. Когда я увидел, он не показался мне… простите… особенно смышленым субъектом, сэр. Конечно, он был силен физически, но, по-моему, вряд ли относился к типу людей, которые нравились месье Пуаро. Он, насколько мне известно, одно время работал санитаром в психиатрической лечебнице.

Я уставился на Джорджеса.

Кертис!

Вот где скрывалась причина, почему Пуаро так мало мне рассказывал? Кертиса я никогда не принимал в расчет! Да и Пуаро был вполне доволен, позволяя мне прочесывать постояльцев Стайлза в поисках таинственного Х. Но Х *не* был постояльцем.

Кертис!

Когда-то санитар в психиатрической лечебнице. И я где-то читал, что бывшие пациенты сумасшедших домов иногда остаются там или возвращаются туда в качестве санитаров.

Странный, тупой человек с глупым лицом… человек, который мог убивать по какой-то своей странной, непонятной извращенной причине… И если так… если так…

Тогда с моей души должен свалиться тяжкий камень.

Кертис?..

Постскриптум (Примечание капитана Артура Хэстингса)

Данная рукопись попала ко мне в руки четыре месяца спустя после смерти моего друга Эркюля Пуаро. Со мной связалась юридическая фирма, прося меня зайти в их контору.

Там, «в соответствие с инструкциями их клиента, покойного месье Эркюля Пуаро» мне был передан запечатанный пакет. Ниже я воспроизвожу его содержание.

Рукопись Эркюля Пуаро

Mon cher ami!

Я буду мертв уже четыре месяца, когда вы прочтете эти слова. Я долго спорил сам с собой, стоит ли писать или нет, и решил, что необходимо кому-нибудь знать правду о втором «Affaire[58] Стайлза». Также осмелюсь выдвинуть предположение, что к тому времени, когда вы прочтете это, вы уже успеете развить нелепейшие из нелепых теорий, чем, вероятно, причините себе страдания и боль.

Но позвольте сказать вам следующее: вы, mon ami, могли бы с легкостью докопаться до правды. Я проследил, чтобы у вас были все указатели. Если вы этого не сделали, то только потому, что, как обычно, у вас слишком прекрасная и доверчивая натура. A la fin au comme commencement.[59]

Но, по крайней мере, вы должны знать, кто убил Нортона… даже если вы все еще плутаете в потемках насчет убийства Барбары Фрэнклин.

---

[58] Примечания: 58
Деле — *фр.*

[59] Примечания: 59
От начала и до конца — *фр.*

Последний ответ может вас шокировать.

Во-первых, как вы знаете, я послал за вами. Я сказал, что вы мне нужны. Это была правда. Я сказал вам, что хочу, чтобы вы были моими ушами и моими глазами. И снова это была правда, истинная правда… хотя, быть может, не в том смысле, как вы меня поняли! Вы должны были видеть и слышать то, что я хотел. Вы жаловались, что я вел себя «нечестно», скрывая от вас факты дела. Я скрыл от вас то, что знал сам. Точнее говоря, я отказался открыть вам личность Х. Совершенно верно. Я должен был так сделать… хотя и не по тем причинам, какие назвал вам. Вскоре вы все поймете.

А сейчас давайте исследуем дело Х. Я показал вам резюме различных случаев. Я обратил ваше внимание на то, что в каждом из них казалось совершенно ясным: обвиняемая или подозреваемая персона фактически совершила преступления, о которых идет речь, и что *альтернативного* решения не было. И потом я перешел к важному факту — в каждом случае Х или находился непосредственно на месте преступления, или же был в близких отношениях с действующими лицами. Тогда вы сделали вывод, как это ни парадоксально, и правильный, и неправильный

одновременно. Вы сказали, что X совершил все убийства.

Но, друг мой, обстоятельства в каждом случае были таковы (или почти таковы), что только обвиняемая персона могла совершить преступление. С другой стороны, если так, какое отношение к нему имеет X? Не считая человека, связанного с полицией или, скажем, с юридической фирмой, занимающейся уголовными делами, вряд ли какой-либо мужчина или женщина может иметь связь с пятью убийствами. Понимаете, такого не бывает! Никогда никто не может конфиденциальным шепотом сообщить: «По правде говоря, я знаю пятерых убийц!» Нет, нет, mon ami, такое невозможно.

Итак, у нас имеется любопытный результат… случай катализа… реакции между двумя веществами, которая происходит в присутствии третьего вещества, хотя это третье вещество с виду не принимает участия в реакции и остается неизменным. Вот какова ситуация. Это значит, что там, где есть X, происходят преступления… но X не принимает активного участия в этих преступлениях.

Необычная, ненормальная ситуация! И я увидел, что, наконец, под занавес своей карьеры

натолкнулся на идеального преступника — он разработал такую технику, что *его никогда нельзя было осудить за преступление.* Изумительно. Но не так уж ново. Есть параллели. И вот на сцену выходит первый «ключ», который я вам оставил. Трагедия «Отелло». Потому что в ней великолепно изображен оригинал Х. Яго — идеальный убийца. Смерти Дездемоны и Кассио — дело рук самого Отелло… но это преступления Яго, спланированные им, исполненные им. И *ОН* остается вне круга, вне подозрения… или, точнее, мог бы остаться. Вашему великому Шекспиру, друг мой, пришлось иметь дело с дилеммой, поставленной собственным искусством. Чтобы разоблачить Яго, он прибег к самому что ни на есть неуклюжему трюку… носовому платку… что вряд ли согласуется со всей техникой Яго, и наверняка он бы никогда не позволил себе совершить такой промах. Да, есть совершенство и в искусстве убийства. Ни единого слова, *прямого* намека. Он всегда удерживает других от насилия, опровергая догадки еще более ужасными подозрениями, которые никогда бы не возникли, если бы он на них не навел! И та же самая техника блестяще показана и в прекрасном третьем акте «Джона Фергусона»… где «полоумный» Клайти Джон

побуждает других убить человека, которого сам ненавидит. Что за изумительный образец психологического внушения!

Сейчас вы должны понять следующее, Хэстингс. Любой человек — потенциальный убийца… во всяком случае, время от времени пробуждается *желание* убить… хотя и не *воля* убить. Вы сами наверняка часто чувствовали или слышали, как говорят другие: «Она меня так разъярила, что мне показалось, что я могу ее убить», «Я мог бы убить его за то, что он сказал так-то и так-то!», «Я был так сердит, что мог его убить». И все эти заявления буквально верны. В такие моменты рассудок совершенно ясен. Вы бы хотели убить такого-то и такого-то. *Но не убиваете.* Потому что воля сопротивляется желанию. У детей тормоз еще не столь совершенен. Я знал ребенка, которому досадил его котенок, и он сказал: «Сиди спокойно, иначе я ударю тебя по голове и убью», — и так *и* сделал… и в следующий момент был в ужасе, потому что понял — котенка уже никогда не вернешь… ибо на самом деле дитя от всей души любило зверька. Итак, значит, мы все потенциальные убийцы. И искусство Х было таково: не вызывать *желание,* но сломить нормальное сопротивление. И его искусство было усовершенствовано долгой прак-

тикой. Х знал нужное слово, нужную фразу, даже нужную интонацию, чтобы рискнуть и создать совокупное давление на слабое место! Это можно сделать. Это можно сделать так, что жертва ничего никогда и не будет подозревать. Это был не гипноз… гипноз тут не годится. Это было управление человеческими силами, человеческими чувствами, с помощью которого он расширял брешь, вместо того, чтобы ее закрыть.

Вы должны знать, Хэстингс… потому что это случилось с вами… Итак, сейчас, возможно, вы начинаете понимать истинный смысл некоторых из моих замечаний, которые смущали и раздражали вас. Когда я говорил о том, что должно совершиться преступление, я не всегда имел в виду одно и то же преступление. Я сказал вам, что нахожусь в Стайлзе, потому что здесь должно совершиться убийство. Вы удивились моей уверенности на сей счет. Но у меня были на то все причины… потому что, видите ли, преступление должен был совершить *я сам*… Да, друг мой, это странно… и смешно… и ужасно! Я, который не одобрял убийства… я, кто превыше всего ценил человеческую жизнь… завершил свою карьеру, совершив убийство. Может быть, потому, что я был столь уверен в своей правоте, столь сознавал

свою правоту, передо мною встала эта страшная дилемма. Видите ли, Хэстингс, у палки оказалось два конца. Делом моей жизни было спасение невиновного… *предотвращение* убийства… и это… это был единственный способ, каким я мог достичь своей цели. Не ошибитесь. Закон не мог покарать Х. Он был в полной безопасности. Никакая изобретательность не помогла бы победить его другим методом.

И, однако, друг мой, я сопротивлялся. Я видел, что нужно сделать, но не мог заставить себя выполнить задуманное.

Я был словно Гамлет… вечно откладывал, злой день… И затем произошла следующая попытка — покушение на миссис Латтрелл.

Мне было любопытно, Хэстингс, посмотреть, сработает ли ваше знаменитое чутье к очевидному. Оно сработало. Первой же вашей реакцией оказалось слабое подозрение Нортона. Вы оказались совершенно правы. Нортон был убийцей. У вас не было фактов, подкрепляющих догадку… не считая совершенно здравого смысла и нерешительного предположения, что он человек незначительный. Думаю, здесь вы очень близко подошли к правде. Я внимательно изучил его биографию. Он был единственным сыном

властной и любящей покомандовать женщины. Похоже, у него не было вообще никакого дара, с помощью которого можно было бы утвердиться или произвести впечатление на других. Он от рождения прихрамывал и не принимал участия в детских играх в школе.

Одним из самых многозначительных фактов, который вы мне сообщили, было замечание насчет того, как его высмеяли в школе, когда его чуть не стошнило при виде мертвого кролика. Думаю, этот инцидент мог оставить в его душе глубокий отпечаток. Он испытывал отвращение к крови и насилию, из-за чего страдал его престиж. Должен сказать, что подсознательно он ждал, когда сможет освободиться и стать храбрым и безжалостным. Наверняка он еще в ранней молодости начал понимать, что обладает талантом влиять на людей. Он был хорошим чиновником, спокойным, все понимающим человеком. Люди любили его и в то же время не обращали большого внимания. Он обижался на это… и потом использовал ситуацию. Он понял, как абсурдно легко, применяя нужные слова и внушая правильные стимулы, влиять на своих собратьев. Нужно лишь было понять их… проникнуть в их мысли, их тайные реакции и желания.

Вы можете понять, Хэстингс, что такое открытие вскормило чувство власти? Вот он, Стивен Нортон, кого все любили и презирали… и он мог заставить людей делать то, что они не хотели делать… или (заметьте) думали, что *не* хотели делать.

Я могу себе представить, как он развивал хобби… И мало-помалу развивалась патологическая склонность вершить насилие чужими руками. Насилие, для которого у него не хватало стойкости и за отсутствие которой его осмеяли.

Да, хобби овладевало им все больше и больше, пока не превратилось в сущность, необходимость (то был наркотик, Хэстингс… наркотик, к которому он стремился так же, как другие к опиуму или кокаину)!

Нортон, мягкий по натуре, нежный человек, в глубине души был садистом, он был наркоманом, но его наркотиком была психическая пытка. В последние годы мир охватила настоящая эпидемия этой страшной болезни… L' appedt vient en mangeant.[60] Она вскормила две страсти — страсть садиста и страсть к власти. У него, Нортона, были ключи от жизни и смерти.

---

[60] Примечания: 60
Аппетит приходит во время еды — *фр.*

Как и всякому другому наркоману, ему нужно было пополнять запасы своего дурмана. Он находил жертву за жертвой. Не сомневаюсь, что случаев гораздо больше, чем те пять, которые мне удалось выследить. В каждом он играл одну и ту же роль. Он знал Эдерингтона, одно лето он гостил в деревне, где жили Риггзы и выпивал с самим Риггзом в местном пабе.

На круизе он познакомился с девушкой по имени Фрида Клэй и поощрил ее, играя на неясном ощущении, что если старая тетка умрет, то для всех ее смерть будет благом… освобождение для тетушки и обеспеченная и полная удовольствий жизнь для нее самой. Он был другом Литчфилдов и, разговаривая с ним, Маргарет Литчфилд видела себя героиней, освободившей сестер от пожизненного заключения. Но я не верю, Хэстингс, что любой из этих людей сделал бы то, что сделал, не будь влияния Нортона.

Сейчас мы подошли к событиям в Стайлзе. Я уже некоторое время шел по следу Нортона. Он познакомился с Фрэнклинами, и сразу же я почувствовал опасность. Вы должны понять, что даже Нортону требовались ядра, зачатки, которые он мог использовать. Нужно только взрастить уже имеющееся семя. К примеру,

«Отелло». Я всегда считал, что в глубине души самого Отелло было убеждение (возможно, совершенно справедливое), что любовь к нему была страстным, порывистым поклонением юной девушки перед знаменитым воителем, а не уравновешенным чувством *женщины* к Отелло как к *мужчине.* Он мог понять, что ее истинным желанием был Кассио, и что со временем она тоже это поймет. Фрэнклин был для нашего Нортона великолепным проспектом… каких только нет возможностей! Несомненно, теперь, Хэстингс, вы уже поняли (любой здравомыслящий человек сразу увидел бы это), что Фрэнклин влюблен в Джудит, а она — в него. Его бесцеремонность, его привычка никогда на нее не смотреть, отказ от любого намека на вежливость должны были сказать вам, что он по уши в нее влюблен. Но Фрэнклин — человек необычайной силы характера и к тому же очень высокоморален. Его речь груба и несентиментальна, но он придерживается очень четких стандартов. По его кодексу человек обязан жить с женой, которую сам себе выбрал.

Джудит (думаю, даже вы понимали) была глубоко и несчастно в него влюблена. Она считала, что вы поняли это, когда нашли ее в розарии. Отсюда и ее яростная вспышка гнева. Люди, подобные ей,

не могут выносить никакого проявления жалости и сочувствия. Для них это словно прикосновение к открытой ране.

Потом она открыла, что вы считаете ее влюбленной в Аллертона. Она позволила вам так думать, тем самым защитившись от неуклюжего сочувствия и дальнейшего раздражения раны. Она флиртовала с Аллертоном в отчаянии в поисках хоть какого-нибудь утешения. Она прекрасно знала, что он за человек. Он забавлял ее и отвлекал, и она никогда ничего к нему не чувствовала. Нортон, конечно, прекрасно знал, куда дует ветер. Он увидел множество вариантов в трио Фрэнклин. Могу сказать, что он начал с самого Фрэнклина, но вытащил пустой билет. Фрэнклин из тех, кто обладает иммунитетом к коварным намекам Нортона. У Фрэнклина четкий склад ума, делящий все на черное и белое, он точно знает свои чувства… и не обращает никакого внимания на давление извне. Кроме того, работа — самая большая страсть его жизни. Он так поглощен ею, что она делается его иммунитетом.

С Джудит Нортону повезло больше. Он очень ловко сыграл на теме бесполезных жизней. Это было истинным кредо Джудит… ее убеждения совпадали с тайными желаниями… она гнала

от себя мысль об этом… но Нортон-то знал, что к чему. Он был очень хитер и ловок… настаивал на противоположной точке зрения, кротко высмеивал идею, что у нее бы никогда не хватило нервов на такое решительное действие. Вы, молодые, всегда такое говорите… но никогда не делаете! Какой старый дешевый трюк… но как часто он срабатывает, Хэстингс! Как они ранимы, эти дети! Как готовы, хотя и не признают, рискнуть!

И если удастся убрать с дороги бесполезную Барбару, тогда путь для Фрэнклина и Джудит очищен. Никогда ничего подобного не говорилось… никогда не высказывалось в открытую. Но подчеркивалось, что *личный* аспект не имеет никакого отношения к делу… совсем никакого. Так как стоило Джудит это признать, она бы среагировала очень быстро. Но для такого наркомана, как Нортон, одного этого было недостаточно. Он всюду находит удовольствие. Он увидел возможность в Латтреллах.

Вернитесь, не торопясь, в прошлое, Хэстингс. Вспомните тот первый вечер, когда вы играли в бридж. Замечания Нортона, обращенные к вам после игры, произнесенные столь громко, что вы испугались, как бы их не услышал полковник Латтрелл. Конечно! Нортон и хотел, чтобы он

услышал! Он никогда не упускал возможности подчеркнуть… растравить рану. И, наконец, его усилия принесли успех. Все случилось прямо под вашим носом, Хэстингс, а вы так и не поняли, как это было сделано. Фундамент уже был заложен… возрастающее чувство бремени, стыда от того, каким он предстал перед другими мужчинами, растущая обида по отношению к женщине. Вспомните точно, что произошло. Нортон говорит, что хочет пить (он знал, что миссис Латтрелл в доме и обязательно выйдет на сцену?). Полковник реагирует немедленно, будучи по натуре щедрым хозяином. Он предлагает выпить. Он идет за виски и достает их… Вы все сидите возле окна. Прибывает его жена… разыгрывается неизбежная сцена… которая, как он знает, была услышана. Он выходит, ситуацию еще можно сгладить хорошим притворством, Бойду Кэррингтону такая задача по плечу (он обладает определенным знанием света и тактом… хотя в иных отношениях является одним из самых надоедливых и напыщенных типов, каких только мне довелось встречать! Как раз такой человек, какой должен вызвать у вас восхищение!). Вы сами могли бы неплохо все уладить. Но Нортон начинает бормотать неуклюже, глупо, преувели-

чивая такт до тех пор, пока не вопит до небес, еще больше ухудшая положение вещей. Он лепечет что-то насчет бриджа (тем самым напоминая об унижениях), бесцельно рассказывает об инцидентах на охоте. И сразу же со своей репликой, как и нужно было Нортону, выходит старый осел с ватой вместо мозгов, Бойд Кэррингтон, и рассказывает историю о денщике-ирландце, который застрелил брата… историю, Хэстингс, которую *Нортон рассказал Бойду Кэррингтону*, прекрасно зная, что старый дурак обязательно перескажет ее уже как свою, стоит лишь ему в нужный момент подсказать. Вот видите, основной намек исходит не от Нортона. Mon Dieu non![61]

Итак, все сети расставлены. Совокупный эффект достигнут. Порог внутреннего сопротивления пройден. Оскорбленный хозяин… пристыженный в присутствии своих приятелей, мучающийся от мысли, что, по их мнению, у него не хватит, грубо выражаясь, потрохов на что-то более решительное, нежели робкое, кроткое терпение… и вот произнесены ключевые слова. Винтовка, несчастные случаи… человек, застреливший своего брата… и неожиданно выныривает из

[61] Примечания: 61
Господи, нет! — *фр*.

травы голова жены… «Совершенно безопасно… несчастный случай… Я *покажу* им… Я покажу ей… черт бы ее побрал! Как я хочу, чтобы она умерла… Она *умрет!*»

Он не убил ее, Хэстингс. Сам я считаю, что, даже стреляя, он инстинктивно промахнулся, *потому что хотел промахнуться.* И потом… потом злые чары… рассыпаются в прах. Она была его женой, женщиной, которую он любил, несмотря ни на что… Одно из преступлений Нортона, которое не совсем удалось. Но вот его следующая попытка! Вы понимаете, Хэстингс, что теперь наступила ваша очередь? Вернитесь в прошлое… вспомните все. *Вы,* мой честный, добрый Хэстингс! Он нашел все слабые места в вашем уме… да и все приличные и добросовестные тоже.

Аллертон был из тех людей, которых вы инстинктивно не любили и боялись. Он из тех людей, которых, по вашему мнению, следует уничтожить. И все, что вы о нем слышали и думали, было верно. Нортон рассказывает вам определенную историю 6 нем… совершенно правдивую в части фактов. (Хотя в самом деле та девушка была неврастеничкой и родом из скверной семьи).

Он взывал к вашим приличным и довольно старомодным инстинктам. Этот человек был зло-

деем, соблазнителем, он губит девушек и доводит их до самоубийства! Нортон побуждает Бойда Кэррингтона взяться за вас. Вам советуют «поговорить с Джудит». Джудит, как и можно было предвидеть, сразу же отвечает, что будет жить так, как пожелает сама. Вы начинаете верить в худшее.

А вот другие струны, на которых играет Нортон. Ваша любовь к своему ребенку. Сильно старомодное чувство ответственности, которое человек, подобный вам, испытывает к своим детям. Чуть преувеличенное самомнение вашей натуры. «Я должен сделать что-то. Все зависит от *меня*». Ваше чувство беспомощности, возникшее из-за отсутствия мудрого суждения жены. Ваша лояльность… я не должен подвести ее. И, что касается вашей дурной стороны, — ваше тщеславие… что благодаря своей дружбе со мной вы узнали все секреты мастерства! И последнее — это внутреннее чувство, которое большинство мужчин испытывают к своим дочерям, — беспричинная отцовская ревность и неприязнь к человеку, который отнимает у него дочь. Нортон играл, Хэстингс, как виртуоз на всех этих струнах. И вы ответили на его усилия. Вы с легкостью воспринимаете факты буквально. Вы всегда были таким.

Вы априорно восприняли факт, что Аллертон разговаривал в беседке с Джудит. Однако вы ее не видели и даже не слышали ее голоса. И, как это ни невероятно, даже на следующее утро вы все еще считали, что там была Джудит, и, конечно, возрадовались, потому что она «передумала».

Но если бы вы хоть немного позаботились и исследовали факты, то сразу бы поняли, что никогда и не стоял вопрос о поездке Джудит в Лондон в тот день! И вы не смогли сделать другой очевидный вывод. В доме был кто-то, кто должен был уехать… и кто пришел в ярость оттого, что не смог этого сделать. Сестра Крейвен. Аллертон не ограничивается одной женщиной! Его любовная интрижка с сестрой Крейвен зашла гораздо дальше, чем просто флирт с Джудит.

Вновь великолепная режиссура Нортона.

Вы увидели, как Аллертон и Джудит целуются. Затем Нортон тащит вас за угол. Он, несомненно, знает, что Аллертон в беседке ждет свидания с сестрой Крейвен. После короткого спора он позволяет вам уйти, но по-прежнему вас сопровождает. Та фраза Аллертона, которую вы подслушали, великолепно его устраивает, и он быстро уволакивает вас, пока вы не узнали, что та женщина не Джудит! Да, виртуоз! И ваша ответная реак-

ция мгновенна. Вы отвечаете. Вы решаетесь на убийство.

Но, к счастью, Хэстингс, у вас был друг, чей мозг все еще работал. И не только мозг!

В начале своего послания я сказал, что если вы и не добрались до правды, то только потому, что у вас слишком доверчивая натура. Вы верите тому, что вам говорят. Вы верили тому, что я говорил вам… Однако как легко было вам открыть правду. Я отослал Джорджеса. Почему? Я заменил его менее опытным и гораздо менее умным человеком. Почему? За мной не ухаживал доктор… за мной, человеком, который всегда очень бережно относился к своему здоровью… я даже слушать не хотел о враче… почему? Вы видите сейчас, почему вы были необходимы в Стайлзе? Мне нужен был кто-то, кто воспримет все сказанное мною без вопросов. Вы поверили моему заявлению, что я вернулся из Египта в гораздо более худшем состоянии, чем отправился туда. Нет, мне стало намного лучше! Вы могли бы это узнать, если бы позаботились. Но нет, вы поверили. Я отослал Джорджеса только потому, что никогда не смог бы заставить его посчитать, что полностью обездвижен. Джорджес умеет видеть и делать выводы. Он бы сразу догадался,

что я симулирую.

Вы понимаете, Хэстингс? Все время, пока а притворялся беспомощным, я обманывал Кертиса, я не был беспомощен. Я мог ходить… правда, хромая.

Я услышал, как вы поднялись в тот вечер. Я услышал, как вы поколебались и потом вошли в комнату Аллертона. И сразу же я был настороже. Я уже и так сильно из-за вас беспокоился.

Я не стал откладывать. Я был один. Кертис ушел ужинать. Я выскользнул из своей комнаты и отправился в апартаменты Аллертона. Я услышал, что вы в его ванной. И проворно, друг мой, я сделал то, что вы так презираете… я встал на колени и посмотрел в ванную через замочную скважину. К счастью, изнутри не было вставлено ключа, и дверь была закрыта на задвижку.

Увидев ваши манипуляции, я начал действовать. Я вернулся в свою комнату. Я все приготовил. Когда пришел Кертис, я послал его сходить за вами. Вы зевнули и сказали, что у вас болит голова. Я сразу страшно засуетился… начал навязывать вам лекарства. Чтобы не спорить, вы согласились выпить чашку шоколада. Вы быстро осушили ее — одним глотком, лишь бы побыстрей от меня отделаться. Но, мой друг, и у меня имеется сно-

творное. Итак, вы спали… спали до утра, и когда пробудились, то уже были самим собой и пришли в ужас от того, что чуть было не сделали.

Теперь вы были в безопасности… никто не будет пытаться совершить подобное дважды… когда вновь обретет разум.

Но это заставило решиться *меня*, Хэстингс! *Вы* не убийца, Хэстингс! Но вас могли бы повесить за убийство… за убийство, совершенное другим человеком, который в глазах закона был бы невиновен.

Вас, мой хороший, мой честный, мой о-такой-честный Хэстингс… такого доброго… такого добросовестного… такого о! наивного!

Да, я должен действовать. Я знал, что времени у меня мало, и был этому рад. Так, как худшее в убийстве, Хэстингс, — его воздействие на убийцу. Я, Эркюль Пуаро, мог начать верить, что мне предопределено свыше карать, решать вопрос жизни и смерти всех и каждого… Но, слава Господу, на это не будет времени. Конец наступит скоро… И я боялся, что Нортон может добиться успеха с кем-то, кто невыразимо дорог нам обоим. Я говорю о вашей дочери… И сейчас мы подошли к смерти Барбары Фрэнклин. Какими бы не были ваши идеи на сей счет, Хэстингс, не думаю, что

вы хотя бы однажды заподозрили правду.

Потому что вы, Хэстингс, *вы* убили Барбару Фрэнклин. Mais oui[62] вы!

Видите ли, у треугольника был еще один угол. То, что я не полностью принял в расчет. Так уж получилось, что в этом отношении уловку Нортона мы так не заметили. Но не сомневаюсь, что он работал и в этом направлении…

Вас никогда не удивляло, Хэстингс, почему миссис Фрэнклин так охотно согласилась приехать в Стайлз? Ведь деревня совсем не ее линия. Она любит комфорт, хорошее питание и, кроме всего прочего, светские контакты. Стайлз местечко не из веселых… гостиница отвратительная… глухомань. И, однако, миссис Фрэнклин настояла на том, чтобы провести здесь лето.

Да, был и третий угол — Бойд Кэррингтон. Миссис Фрэнклин была разочарованной женщиной. Вот где скрывался корень ее невроза. Она была честолюбива, как в отношении социального положения, так и в отношении финансового. Она вышла замуж за Фрэнклина, потому что ожидала, что он сделает блестящую карьеру.

Он блестящий человек, но не в ее понимании.

---

[62] Примечания: 62
Разумеется — *фр.*

Его блеск никогда не принесет ему газетной славы или репутации Хэрли-стрит[63]. Он будет известен всего полдюжине человек, занимающихся теми же вопросами и публиковать статьи в научных журналах. Мир о нем не услышит… и, разумеется, больших денег он не сделает.

И вот Бойд Кэррингтон… вернувшийся с Востока… только что получил титул баронета и деньги. И Бойд Кэррингтон всегда испытывал нежные сентиментальные чувства к хорошенькой семнадцатилетней девушке, которой даже чуть было не сделал предложение. Он приезжает в Стайлз, предлагает супругам Фрэнклинам приехать туда же… и Барбара приезжает.

Как все сводит ее с ума! Ясно, она не потеряла очарования для этого богатого, привлекательного человека… но он старомоден… не из тех, кто может предложить развод. И Джон Фрэнклин тоже отрицательно относится к разводу. Если бы Джон Фрэнклин умер… она бы смогла стать леди Бойд Кэррингтон… о, какая бы у нее началась удивительная жизнь!

Нортон, по-моему, обнаружил, что она была готовым орудием. Все было слишком очевид-

---

[63] Примечания: 63
Улица, где расположены приемные лучших частных врачей.

но, Хэстингс, стоит только подумать. Те первые несколько пробных попыток внушить всем, как она любит своего мужа. Она немного переборщила, нашептывая о том, как бы «покончить со всем и вся», потому что была для него обузой. И потому совершенно новая линия. Ее страхи, что Фрэнклин может провести на себе эксперимент. Нам следовало бы понять, Хэстингс? Она готовила нас к смерти Джона Фрэнклина от отравления физостигмином. Никакого вопроса, как видите, что кто-то пытается его отравить… о, нет… просто чисто исследовательская работа. Он принимает безвредный алкалоид и потом оказывается, что это яд.

Только действовала она слишком уж быстро. Вы рассказали мне, что она была очень недовольна, увидев, как сестра Крейвен — предсказывает Бойду Кэррингтону судьбу. Сестра Крейвен привлекательная молодая особа, не упускающая стоящих мужчин. Она попыталась завлечь доктора Фрэнклина, но безуспешно. Отсюда-то и ее неприязнь к Джудит. Она флиртует с Аллертоном… но прекрасно знает, что это не всерьез. Неизбежно она должна обратить свой взор на богатого и все еще привлекательного сэра Уильяма. А сэр Уильям был не против. Он уже заметил

сестру Крейвен — здоровую, красивую девушку. Барбара Фрэнклин пугается и решает действовать быстро. Чем скорее она станет трогательной, очаровательной и не безутешной вдовой, тем лучше.

Итак, взвинтив утром нервы всем и каждому, она обставляет сцену.

Знаете, mon cher, я почувствовал уважение к бобу «калабар». Видите ли, на сей раз он сработал. Он пощадил невинного и убил виноватого. Миссис Фрэнклин приглашает всех вас в свою комнату. Она с большой суетой напоказ готовит кофе. Как вы мне говорите, ее чашка стояла рядом с ней, а чашка мужа на другой стороне столика с книжными полками. И потом начинают падать звезды, и все выходят, и только вы, друг мой, остаетесь… вы и ваш кроссворд, и ваши воспоминания… и дабы скрыть свои эмоции, вы крутите столик, пытаясь найти цитату Шекспира.

И вот все возвращаются, и миссис Фрэнклин выпивает кофе, полный алкалоидов боба «калабар», который был предназначен дорогому Джону. А Джон Фрэнклин выпивает хорошую чашку чистого кофе, предназначенного умной миссис Фрэнклин.

Но вы увидите, Хэстингс, если хотя бы минуту

подумаете, что я, разобравшись в происшедшем, сделать мог только одно. Я бы был не в состоянии *доказать* свою точку зрения. И если бы решили, что смерть миссис Фрэнклин не самоубийство, то подозрения неизбежно пало бы на Фрэнклина или на Джудит. На двух совершенно ни в чем не повинных людей. И посему я сделал то, на что у меня было полное право… подчеркнул и сделал ударение на крайне неубедительных замечаниях миссис Фрэнклин насчет самоубийства.

Я мог сделать… и, вероятно, был единственным человеком, на это способным. Потому что мое заявление несло вес. Я — человек, опытный в подобных делах. Если я убежден, что произошло самоубийство, значит, так оно и было.

Я увидел, что вас мое поведение озадачило, и вы были недовольны. Но, к счастью, вы и не подозревали об истинной опасности.

Но вы думали об этом после того, как меня не стало? Идея появилась у вас *словно* змея, которая время от времени поднимает голову и шипит: «Предположим… Джудит?..»

Может быть. Вот почему я пишу это. Вы должны знать правду. Но одного человека вердикт: самоубийство — не удовлетворил. Нортона. Он не получил свой фунт мяса. Как я говорил, он садист.

Он хочет ощутить всю гамму эмоций, подозрения, страха, хочет видеть, как кольца захона сжимаются вокруг жертвы. И он ничего не получил. Убийство, которое он устроил, сошло на нет.

Но вскоре он понял, как компенсировать убытки. Он начал разбрасывать намеки. Ранее он сделал вид, что заметил что-то в бинокль. На самом деле он намеревался создать то впечатление, которое создал, а именно, что видел Аллертона и Джудит в какой-то компрометирующей позе. Но не сказав тогда ничего определенного, он теперь мог использовать инцидент по-другому.

Предположим, к примеру, он говорит, что видел *Фрэнклина* и Джудит. Тогда откроется очень интересный новый аспект самоубийства! И, возможно, появятся сомнения насчет того, было ли это самоубийство…

Итак, mon ami, я решил, что мне нужно действовать немедленно. Я устроил так, что вы привели его в мою комнату в тот вечер… Я расскажу вам точно, что произошло. Нортон, несомненно, был бы рад поведать мне приготовленную историю. Я не дал ему времени. Я рассказал ему четко и ясно все, что о нем знал. Он не отрицал. Нет, mon ami, он сидел в своем кресле и ухмылялся.

Mais out, просто нет другого слова… ухмылялся.

Он спросил, что же я собираюсь делать со своей весьма забавной идеей. Я заявил ему, что намереваюсь его казнить.

«А, — сказал он. — Понятно. Кинжал или чашка яда?»

Мы как раз собирались выпить шоколад. Он был сластеной, месье Нортон.

«Самое простое, — сказал я, — чашка яда».

И я передал ему чашку шоколада, которую только налил.

«В таком случае, — заметил он, — не возражаете ли вы, чтобы я пил из вашей чашки, а не из своей?»

Я сказал: «Ничуть». По правде говоря, это было совершенно несущественно. Как я уже говорил, у меня тоже было снотворное. Только весьма значительный период я принимал таблетки каждую ночь. Так что приобрел к ним определенную терпимость, и доза, могущая усыпить месье Нортона, возымела бы на меня очень слабый эффект. Снотворное было в самом шоколаде. Мы оба приняли ту же самую дозу. Он, как я и рассчитывал, заснул. Я же нет, тем более, что снотворное было нейтрализовано моим стрихниновым тоником.

И вот последняя глава. Когда Нортон заснул, я усадил его в свое инвалидное кресло… вполне

легкая задача — там полным-полно разных механических приспособлений, и поставил его в обычное место в амбразуру окна за занавесками. Затем Кертис «уложил меня в постель». Когда все стихло, я отвез Нортона в его комнату. Теперь мне оставалось использовать глаза и уши моего превосходного друга Хэстингса.

Может быть, вы не поняли, но я носил парик, Хэстингс. Вы поймете даже меньше, когда я скажу вам, что носил фальшивые усы (даже Джорджес об этом не знает!). Я сжег настоящие в якобы несчастном случае, вскоре после того, как взял на службу Кертиса, и сразу же мой парикмахер изготовил мне накладные.

Я надел халат Нортона, взъерошил свои седые волосы и прошел по коридору, постучав в вашу дверь. Вскоре вы вышли и окинули коридор сонными глазами. Вы увидели, как Нортон покинул ванную и хромает в свою комнату. Вы слышали, как он запирает дверь изнутри. Затем я снова надел халат на Нортона, уложил его в кровать и застрелил из своего маленького пистолета, который приобрел за границей и скрывал от посторонних глаз, не считая двух случаев, когда (причем никого не было поблизости) клал его в туалетный столик Нортона, ну, разумеется, если

в то утро он был далеко от дома.

Потом я оставил комнату после того, как положил ключ в карман Нортона. Сам запер дверь снаружи вторым ключом, который был у меня, и закатил кресло обратно в свою комнату.

И с тех пор пишу это пояснение.

Я очень устал… и усилия страшно меня утомили. Думаю, не долго осталось…

Я бы хотел подчеркнуть еще один-два факта.

Преступления Нортона были безупречными.

Мое — нет. Да у меня и не было таковых намерений.

Легче всего было бы убить его в открытую… скажем, устроить несчастный случай с помощью своего маленького пистолета. Я бы выразил огорчение, сожаление… какое несчастье. Все бы говорили: «Старый болван не понимал, что он был заряжен…» Ce pauvre vieux. [64]

Я не пошел по этому пути.

И скажу, почему.

Потому что, дорогой Хэстингс, я хотел, чтобы все было «спортивно».

Mais oui, спортивно! Я так часто делал то, что, по вашему мнению, не делал, и вы меня укорили. Я

---

[64] Примечания: 64
Бедный старик — *фр.*

же играл с вами честно. Я, как говорится, оплатил ваши затраты. Я играл. И у вас были все шансы открыть правду.

В том случае, если вы мне не верите, позвольте перечислить все ключи.

Итак, ключи.

Вы знаете, потому что я вам так сказал, что Нортон прибыл сюда *после* меня. Вы знаете, потому что вам было сказано, что я поменял комнату. Вы знаете, потому что снова это было сказано, что пока я жил в Стайлзе, исчез ключ от моей комнаты, и мне пришлось сделать другой.

Поэтому, когда вы спрашиваете себя: «Кто убил Нортона? Кто мог застрелить его и оставить комнату, запертую изнутри, если ключ в кармане Нортона?», вы должны ответить: «Эркюль Пуаро, у которого есть два ключа от одной комнаты».

Человек, которого вы видели в коридоре.

Я сам спросил вас, уверены ли вы, что человек, которого видели в коридоре, был Нортоном. Вы поразились. Вы поинтересовались, не намерен ли я предположить, что это *не* был Нортон. Я ответил совершенно искренне, что не намерен предположить ничего подобного (естественно, ведь я столько труда приложил, чтобы внушить вам, что это *был* Нортон). Затем я поднял вопрос

роста. Все, сказал я, были гораздо выше Нортона. Но был один человек даже немного ниже Нортона — Эркюль Пуаро. И сравнительно легко, приподняв пятки или увеличив подошвы обуви, добавить себе рост.

У вас создалось впечатление, что я был беспомощным инвалидом. Но почему? Только потому, что *я сам так сказал*. И я отослал Джорджеса. Вот вам и последний мой указатель. «Поговорите с Джорджесом».

Отелло и Клайти Джон показывают вам, что Х был Нортоном.

Тогда кто мог убить Нортона?

Только Эркюль Пуаро.

И как только вы начнете подозревать, все встанет на свои места… все, что я говорил и делал… моя необъяснимая сдержанность, показания врачей в Египте и моего лечащего доктора в Лондоне должны сказать вам, что я мог ходить. Показания Джорджеса — сообщить о том, что я носил парик. Факт, который я не смог замаскировать и который вам следовало бы заметить… я хромаю гораздо сильнее Нортона.

И последнее — пистолетный выстрел. Моя единственная слабость. Я знал, что должен был застрелить его в висок. Но не смог — не заста-

вил себя совершить столь кривобокое, столь бессистемное действие. Нет, я застрелил его симметрично, точно в центр лба…

О, Хэстингс, Хэстингс! *Это* должно было сказать вам правду. Но, возможно, в конце концов вы *подозревали* правду? Возможно, когда вы это читаете, то уже *знаете*?

Но почему-то я так не думаю…

Нет, вы слишком доверчивы…

У вас слишком прекрасная натура…

Что еще я могу вам сказать? И Фрэнклин, и Джудит, думаю, вы выясните, знали правду, хотя и не открыли ее вам. Они будут счастливы эти двое. Они будут бедны, их будут жалить бесчисленные тропические насекомые и мучить неизвестные лихорадки… но у нас у всех свои представления об идеальной жизни, не так ли?

А вы, мой бедный, одинокий Хэстингс? Мое сердце обливается кровью при мысли о вас. Может быть, в последний раз послушаете совета своего старого Пуаро?

После того, как прочтете это, сядьте на поезд или на машину и разыщите Элизабет Коул или Элизабет Литчфилд. Дайте ей мое послание или расскажите его содержание. Расскажите, что вы тоже могли бы сделать то, что сделала ее сестра

Маргарет, только рядом с Маргарет Литчфилд не было наблюдательного Пуаро. Отгоните от нее кошмар, покажите ей, что ее отец был убит не своей дочерью, а сочувствующим семейным другом «честным Яго», Стивеном Нортоном.

Потому что, друг мой, такая женщина, как она, все еще молодая, все еще привлекательная, не должна отказываться от жизни, считая себя покалеченной. Нет, не должна. Скажите ей так, друг мой, вы человек, который все еще привлекателен для женщин.

Eh bien, сейчас мне больше нечего сказать. Не знаю, Хэстингс, оправдано ли то, что я сделал или нет. Нет… не знаю. Я не верю, что человек должен брать закон в свои руки…

Но, с другой стороны, *я — закон!* Как тогда, будучи еще совсем молодым человеком, служащим бельгийской полиции, я застрелил отчаявшегося преступника, сидевшего на крыше и палившего в людей. В критическом положении провозглашается военный закон.

Взяв жизнь Нортона, я спас другие жизни… невинные жизни. Но я по-прежнему не знаю… Может быть, и правильно, что я не должен знать. Я всегда был так уверен… слишком уверенно сейчас я очень смиренен и говорю, как маленький

ребенок: «Я не знаю…»

Прощайте, cher ami, я выбрасываю ампулы с амилнитритом. Я предпочитаю оставить себя в руках le bon Dieu. Может быть, его кара или милость будет быстрой.

Мы не будем охотиться вместе снова, друг мой. Наша первая охота была здесь… и наша последняя…

Хорошее было время.

Да, хорошее было время…

Конец рукописи Эркюля Пуаро.

(Последнее примечание капитана Артура Хэстингса:

«Я закончил читать… я все еще не могу в это поверить… Но он прав. Я должен был знать. Я должен был знать, когда увидел пулевое отверстие, столь симметрично расположенное в центре лба.

Странно… наконец, я вспомнил… она вернулась, неясная мысль, промелькнувшая у меня в голове в то утро. Метка на лбу Нортона… клеймо Каина…»)

КОНЕЦ